

По какому принципу составлялся документ:

ДЛЯ НЕВНИМАТЕЛЬНЫХ:

В список попадают фразы, которые по формулировкам и построению встречаются дважды: у Даяны Морган и у книги-источника. Если выражение встречается больше двух раз, оно не вносится.

Если вам всё кажется расхожими штампами, читайте только красные и игнорируйте зеленые.

На текущем этапе поисков разрозненные цитаты, приведенные в этом документе, складываются в полноценные абзацы и страницы чужого текста.

Заметка от 19 января 2025 года:

Это *старая* версия документа. Благодаря усилиям небезразличных **сейчас найдено значительно больше “заимствований”**, но до выхода “Граната и омелы” под покровительством Жёлтого Утенка было принято решение держать их в секрете.

Найдено заимствований:

- Гранат и омела: ~ 546
- Королева лис: ~ 54
- Могильный алхимик: ~ 100
- Всего: ~ 700

Оглавление:

[“Гранат и омела”, Даяна Морган](#)

[“Королева Лис”, Даяна Морган, София Никодимова](#)

[“Могильный алхимик”, Даяна Морган, София Никодимова](#)

[О плагиате \(здесь и ниже особенно рекомендуем ознакомиться скептикам и недоумевающим\)](#)

[Почему этот кейс важен](#)

Цветовая карта:

- Так выделяются наиболее очевидные заимствования (уникальные, слово-в-слово).
- Так выделяются спорные цитаты (уникальные, но не настолько, чтобы брови наверх ползли).

- Так выделяются заимствования, похожие на штампы, но все еще встречающиеся только у Даяны и источника.

“Гранат и омела”, Даяна Морган

Глава 1

Гранат и омела, Даяна Морган: Он почувствовал, как у него защипало в глазах, как горячий щекочущий на морозе след протянулся по щеке.

Что-то капнуло ему на ладонь.

Первый человек в Риме, Маккалоу Колин: Ливия почувствовала, как у нее защекотало в глазах, как горячий, щекочущий след протянулся по щеке. Что-то капнуло ей на ладонь.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Люди должны вести себя так, чтобы их отношения не требовали вмешательства короля и Храма.

Ученик убийцы, Робин Хобб: В этом весь секрет правильного управления государством – люди должны хотеть вести себя так, чтобы их отношения не требовали вмешательства короля.

Гранат и омела, Даяна Морган: Мороз ужалил его заслезившиеся глаза, а ветер наградил несколькими ледяными пощечинами.

Троллий Пик, Уна Харт: На улице ветер сразу наградил ее несколькими ледяными пощечинами.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сдвинув брови, он посмотрел на солнце — а точнее, на едва различимый пурпурный мазок над восточным горизонтом, где оно вскоре собиралось появиться.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Сдвинув брови, он поглядел на солнце – а точнее, на едва заметный розовый мазок над восточным горизонтом, где оно собиралось появиться.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан покрылся мурашками от липкого ощущения страха и проглотил пробкой встрявший в горле ужас.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Лот проглотил пробкой вставший в горле ужас.

Гранат и омела, Даяна Морган: Пригнувшись, словно полосатая камышовая кошка на охоте, Дамиан увидел, как человек сдвинул доску в штакетнике и выскользнул по ту сторону забора.

Мститель, Рори Клементс: Пригнувшись, словно кошка на охоте, Шекспир протиснулся в небольшое пространство между холодной каменной стеной и скамьей.

Гранат и омела, Даяна Морган: Пока Дамиан шел по следу, снег усилился, кружевной завесой цепляясь к ресницам и запутываясь во взлохмаченных волосах.

Ученик убийцы, Робин Хобб: но снова пошел снег, кружевной завесой он цеплялся к ресницам и укутывал рукава.

Гранат и омела, Даяна Морган: Вода под ногами казалась черным стеклом и отражала небо, как солью, присыпанное звездами.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Небо было, как солью, присыпано звездами.

Гранат и омела, Даяна Морган: Продуваемые неистовыми порывами ветра улицы обвивали здания крысиными хвостами, пересекались и сливались, будто желали превратиться в крысиного короля.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Улицы обвивали здания крысиными хвостами. Теперь Лот увидел, что их соединяли высокие каменные мосты.

Гранат и омела, Даяна Морган: Низкое мурчание ее голоса вибрировало через все его тело.

Продажное королевство, Ли Бардуго: низкое мурлыканье ее голоса вибрировало через все его тело.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ты знал, пес, что есть темнота любовников и темнота наемных убийц? Она для всех ее детей такая, какой ее хочет видеть взывающий.

Королевство гнева и тумана, Сара Маас: Есть темнота влюбленных и темнота наемных убийц. Она становится такой, какой ее хочет видеть взывающий к ней.

Гранат и омела, Даяна Морган: Когда веревки ее чар упали на землю, Дамиану понадобился всего один удар.

Дети великого шторма, Наталья Осояну: Когда веревки упали на пол ему понадобился всего один удар.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она вскинула указательный палец, и Дамиана подтянуло вверх — ему пришлось подняться, иначе плечи просто вывернуло бы из суставов.

Дети великого шторма, Наталья Осояну: Заскрипел ворот, цепи натянулись, и Хагену пришлось подняться, иначе его плечи просто выдернуло бы из суставов.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Неужели вы думаете, что мы имеем привычку вытаскивать из постелей шлюх всех без разбора?

Первый закон, Джо Аберкромби: Неужели вы думаете, что мы имеем привычку хватать на улицах всех без разбора?

Гранат и омела, Даяна Морган: — Я прослежу, чтобы ребята держали морды на замке.

Танец марионеток, Томаш Низиньский: Я следил за ребятами, чтобы они держали свои морды на замке.

Гранат и омела, Даяна Морган: Пугающая, успокаивающая, дарующая отдых.

Королевство гнева и тумана, Сара Маас: — Есть темнота пугающая, темнота успокаивающая, темнота, дарующая отдых.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Не хотелось бы портить твою бархатную морду. Это и так самое ценное, что у тебя есть. Кроме того, твоему брату ты нужен хотя бы затем, чтобы сдерживать его непомерное самолюбие.

Щит магии, Кэйлин Фландерс: — Я не хочу испортить твоё лицо ещё больше, ведь это самое ценное, что у тебя есть <...слова автора...> Моему брату нужен хотя бы один не изуродованный друг, чтобы сдерживать его непомерное самолюбие.

Глава 2

Гранат и омела, Даяна Морган: Воплощенный грех и сама подлость — так о нем шептались девушки в альковах.

Игра престолов, Джордж Мартин: Он — воплощённый грех и сама подлость.

Гранат и омела, Даяна Морган: Густой влажный воздух большую часть года покрывал улицы, словно мокрое шерстяное одеяло во время лихорадки. Весь город исходил потом и варился в тени.

Битва королей, Джордж Мартин: Густой влажный воздух покрывал город, словно мокрое шерстяное одеяло.

Игра престолов, Джордж Мартин: Старомест днями исходил потом и варился в тени.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но даже огорченная Каталина выглядела свежей: солнце выманило к ней на нос и щеки веснушки.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Солнце выманило к ней на нос веснушки.

Гранат и омела, Даяна Морган: Роскошный шелк был тяжелым и охлаждал на жаре руку. Его складки выскальзывали из ее вспотевших пальцев, словно угри, пытавшиеся вырваться на свободу.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Роскошный шелк был тяжелым и охлаждал руку Хэсины. Его складки выскальзывали из ее пальцев, словно угри, пытавшиеся вырваться на свободу.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ветер не шевелил ветвей, а влажный тяжелый воздух будто окаменел, и его одежда липла к телу.

Битва королей, Джордж Мартин: Ветер не шевелил ветвей, влажный тяжёлый воздух словно окаменел, и одежда Джона липла к телу.

Гранат и омела, Даяна Морган: Горло высохло, как земля в иссушенном пруде, а в легкие будто натолкали сырого песка.

Корабль судьбы (Том II), Робин Хобб: Кенниту стало трудно дышать, в легкие как будто натолкали сырого песка.

Гранат и омела, Даяна Морган: Красота почти догоревшей свечи — увядшая и оплывшая.

Прежде чем их повесят, Джо Аберкромби: В каком-то смысле даже прекраснее, чем прежде. Красота почти догоревшей свечи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Волна жара выпила ее дыхание, а во рту поселился пыльный привкус жажды.

Дюна, Френк Герберт: Опустил руку с биноклем, потер под носом, чувствуя, как высохли и запеклись губы, ощущая пыльный привкус жажды во рту.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Затем волна жара выпила ее дыхание.

Гранат и омела, Даяна Морган: Слухи носятся тучами, словно оводы.

Песнь Ахилла, Мадлен Миллер: Слухи носятся тучами будто оводы: говорят, что троянское войско наступает, что теперь, в отсутствие Ахилла, они осмелели, их не остановить.

Гранат и омела, Даяна Морган: На лице женщины расцвело довольное выражение человека, выигравшего спор еще до его начала.

Король шрамов, Ли Бардуго: На лице Зои расцвело довольное выражение женщины, выигравшей спор еще до его начала.

Гранат и омела, Даяна Морган: он небрежно поклонился ей, расплывшись в широкой, почти демонической ухмылке.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: сказал Вил, расплываясь в широкой, почти демонической ухмылке.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она стояла у маленького водопада, стекающего из трещины в скале в небольшой прозрачный пруд. Сам камень потрескался и раскрошился, белые пятна лишайника покрывали его, и водные розы оплели ее ноги, подбираясь к бедрам.

Буря мечей, Джордж Мартин: Она стояла у маленького водопада, стекающего из трещины в скале в большой темный пруд.

Буря мечей, Джордж Мартин: Сам камень потрескался и раскрошился, белые пятна лишайника покрывали его, и дикие розы заплели ноги короля, подбираясь к груди.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ночью у Каталины подошло очередное время лунного кровотечения — ежемесячное напоминание, что в ее лоне не растет наследница Трастамары.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: У Сабран подходило время кровотечения — ежемесячное напоминание, что в лоне еще не растет наследница.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дальше, ближе к горизонту, насколько хватало глаз, черные заплатки голой земли смешивались с бежевым песком, а небеса встречались с землей в непрерывной линии: плоской и невыразительной.

Мечтатель Стрэндж, Лэйни Тейлор: Посредине Эльмуталет, насколько хватало глаз, небеса встречались с землей в непрерывном круге, плоском и невыразительном.

Гранат и омела, Даяна Морган: Стулья были поставлены близко друг к другу, будто приготовленные для тихой интимной беседы, если бы не три пары дополнительных ушей.

Странствия убийцы, Робин Хобб: Стулья были поставлены близко друг к другу, как бы приготовленные для тихой интимной беседы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Внизу, под стенами, раскинулась засушливая долина, каменистая почва которой вся пошла трещинами под выжившими кустарниками и стройными деревьями.

Трилогия Дэвабада, Шеннон Чакраборти: Внизу раскинулась засушливая долина, каменистая почва которой вся пошла трещинами под кустарниками и стройными конусами деревьев.

Гранат и омела, Даяна Морган: Пока они шли, Авалон все более явно ощущала пустоту, как будто бездна разверзлась у нее внутри, и чем сильнее сгущалась ночь и ближе подходил к Деве мужчина, тем глубже становился животный страх.

Корона из перьев, Ники Пау Прето: Вероника ощущала пустоту, как будто в ней разверзлась бездна, и чем темнее становилась ночь, тем глубже становилась пропасть в душе.

Гранат и омела, Даяна Морган: Тогда с Каталиной что-то произошло. Что-то, чему позднее Авалон так и не смогла найти объяснения. Казалось, будто она испаряется, ускользает из рук, неспособная удержаться на ногах. Измученная, полностью опустошенная, она тает, плавится и опускается сломанной игрушкой на пол. Затем упирается локтями и коленями в ворсистый ковер, запрокидывает голову, точно дикий зверь, и захлебывается криком.

Внесите тела, Хилари Мантел: Тогда с Анной что-то происходит, что-то, чему позднее он не находит объяснения. Кажется, будто она испаряется, ускользает из их рук – его и Кингстона, – тает, плавится и вновь обретает человеческую форму, упираясь локтями и коленями в булыжную мостовую, запрокинув голову, захлебываясь криком.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она предполагала, что фрейлине королевы когда-то суждено стать разменной монетой в торгах за что-то куда более полезное, чем она сама.

Щит магии, Кэйлин Фландерс: Мне было суждено стать разменной монетой в торгах за что-то более полезное, чем я сама.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ее бабушка, Владычица Слез, крепкая и иссушенная, как старый корень, обветренная и морщинистая, вся в бородавках, и Владычица Вздохов, женщина средних лет, дородная, с тяжелой поступью и повелительными жестами.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Крепкая, как старый корень, обветренная, морщинистая, вся в бородавках.

Гранат и омела, Даяна Морган: Басилио хитро хмыкнул и ущипнул струну мандолины. Нота взмыла вверх, теплая и звучная, зеркально чистая.

Песнь Ахилла, Мадлен Миллер: Ахилл ущипнул струну. Нота взмыла ввысь, теплая и звучная, сладостно чистая.

Гранат и омела, Даяна Морган: Яблоки символизировали солнце, ветви растений – бессмертие, пшеница — урожай, а мука — успех.

Википедия: Яблоки представляли солнце, ветви символизировали бессмертие, стебли пшеницы изображали урожай, а мука означала успех, свет и жизнь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Из клочков разговоров, украдкой подслушанных, она, как и другие дети, знала, что все ожидали возрождения Дубового Короля, дарующего жизнь и согревающегося замерзшую землю. Он пробуждал жизнь в семенах, хранившихся в ее лоне всю следующую долгую зиму.

Википедия: В ее честь (*Йоль - Ночи Солнцестояния*) проводился большой праздник, так как средневековые германцы ожидали возрождения Короля Дуба, Солнечного Короля, Дарующего Жизнь, который согревал замерзшую землю пробуждал жизнь в семенах, хранившихся в её лоне всю долгую зиму.

Гранат и омела, Даяна Морган: Перед тем, как исчезнуть с Модранита, Авалон бросила последний взгляд на Владычицу Тьмы — та так и осталась лежать на спине, застывшая и прямая, как кочерга, все еще неотрывно глядя в небо.

Оно, Стивен Кинг: И осталась лежать на спине, застывшая, как кочерга, глядя в потолок.

Гранат и омела, Даяна Морган: В крошечной тишине, прерываемой лишь собственным сиплым дыханием, Авалон едва не вскрикнула, когда поднялся ветер, и листья заметались, точно потревоженные души.

Академия Пяти Стихий. Капли дождя, Анна Платунова: Ветер неистовствовал, листья метались как потревоженные души, в их шелесте Марион чудился шепот: «Уходи, уходи».

Гранат и омела, Даяна Морган: — она указала на свои волнистые черные волосы, заплетенные в косу и перевитые зелено-синей проволокой.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Прямые черные волосы, заплетенные в косу и перевитые красно-золотой проволокой, на лбу лежат острым мысом, как у отца.

Гранат и омела, Даяна Морган: Безжизненность выложенных камнями улиц сменилась гравием и растительностью: дорожки были перекрыты арками, увитыми зеленью...

Безумный корабль, Робин Хобб: Дорожки были перекрыты арками, увитыми зеленью.

Гранат и Омела, Даяна Морган: Авалон казалось, что слова Владычицы Вздохов камнями придавливают ее к земле. Один тяжелее другого. Ее завалит, и она умрет.

Потомок Одина, Сири Петтерсен: Хирке казалось, что слова отца камнями придавливают её к земле. Одно тяжелее другого. Её завалит, и она умрёт.

Гранат и Омела, Даяна Морган: Кровь, с обманчивой лаской струящаяся по ее бедрам.

Королевы Иннис Лира, Тесса Греттон: Голос принцессы осекся, она ощутила, что кровь струится с обманчивой лаской по ее бедрам.

Гранат и Омела, Даяна Морган: Грушевое масло и нектариновые косточки, персиковая мякоть, смешанная со сладким абрикосовым бренди.

Уничтожить королевство, Александра Кристо: Грушевое масло и персиковые косточки, их медовая плоть, смешанная со сладким абрикосовым бренди.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ее волосы — оранжево-красные, как хурма и медь, как корица и дикий мед, растеклись густой волной по спине.

<...>

Его розовый язык поймал капельку вина в уголке рта.

<...>

Пухлые влажные пальцы помяли льняную ткань, затолкали ее в нагрудный кармашек.

<...>

Маслянистые черные глаза нервно шевельнулись на круглом лице и тут же ощупали ее с пробудившимся интересом.

<...>

Выдавила улыбку и стремительно опустилась в реверансе перед Каталиной, раскинув по каменным плитам террасы шуршащие юбки, словно разлилось бирюзовое море.

— Ваше Величество, — Авалон глубоко вздохнула, пытаясь замедлить отчаянное биение сердца, и обратилась к другой присутствующей женщине.

Мечтатель Стрэндж, Лэйни Тейлор: розовой, растрепанные волосы — оранжево-красными, как медь и хурма, как корица и дикий мед.

Предательский поцелуй, Аманда Маккейб: волосы густой волной растеклись по подушке.

Королевы Иннис Лира, Тесса Греттон: Ее розовый язык поймал капельку вина в уголке рта.

Игра престолов, Джордж Мартин: Бледные глаза нервно шевелились на округлом лице, пухлые потные пальцы мяли бархат дублета.

Проблема с миром, Джо Аберкромби: И она опустилась в реверансе, раскинув по каменным плитам шуршащие юбки, словно разлилось золотое озеро, так плавно, что было трудно поверить, что под этим всем у нее где-то есть ноги, а не хорошо смазанный механизм.

Игра престолов, Джордж Мартин: Она оглядела комнату, лица рыцарей и присяжных мечей и глубоко вздохнула, чтобы замедлить отчаянное биение сердца.

Глава 3

Гранат и омела, Даяна Морган: Лицо его, пятнистое, как яйцо перепёлки, хмурилось, и несмотря на то, что глаза смотрели на Дамиана, было заметно, что мысли старика далеки отсюда.

Злая зима, Ольга Ярошинская: Лицо, пятнистое, как яйцо перепелки, было таким смятым и кривым, будто его вылепил из пластилина трехлетний ребенок.

Гранат и омела, Даяна Морган: Наученный долгим опытом, он непринужденно переступал расшатавшиеся доски, которые могли скрипнуть и застонать под его весом.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Наученный долгим опытом, он непринужденно переступал расшатавшиеся доски, которые могли бы скрипнуть или застонать под его весом.

Гранат и омела, Даяна Морган: Глаза короля сузились, багрянец выполз на шею из-под шелкового воротника.

Битва королей, Джордж Мартин: Глаза короля сузились, багрянец выполз на шею из-под бархатного воротника.

Гранат и омела, Даяна Морган: Волосы его давно откочевали на юг — спасались с лысой макушки и заселили густой лес косматой черной бороды.

Молитва из сточной канавы, Ханрахан Гарет: Волосы, похоже, откочевали на юг — спасаясь с лысой макушки, они заселили густой лес косматой черной бороды.

Гранат и омела, Даяна Морган: Камни на единственной дорожке, ведущей к замку, сделались скользкими, как слова заядлых лжецов.

Прежде, чем их повесят, Джо Аберкромби: ...камни набережной скользкими, как слова заядлых лжецов.

Гранат и омела, Даяна Морган: Колокольный звон прокатывался над городом, словно гром, предвещающий грядущую грозу.

Игра престолов, Джордж Мартин: Колокольный звон прокатывался над городом, словно гром, предвещающий грядущую грозу.

Гранат и омела, Даяна Морган: ...они проникли за ворота замка под шипение и треск факелов во внутренний двор, который в результате

многочисленных перестроек стал совершенно недоступным и замкнутым, точно мушка в янтаре.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Я направлялся в небольшой дворик, который в результате многочисленных перестроек сделался совершенно недоступным, замкнутым, как мушка в янтаре.

Гранат и омела, Даяна Морган: - Однако широкие мысли, точно глубокая рана, - уязвимы для любой отравы.

Прежде чем их повесят, Джо Аберкромби: Широко мыслящий ум — как широко открытая рана. Уязвим для любой отравы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он буквально выглядел так, словно узнал какой-то огромный секрет, и теперь старался донести его и не расплескать по дороге.

Случай из практики, Кира Измайлова: В целом, выглядел он так, словно узнал какой-то большой секрет, а теперь старается донести его и не расплескать по дороге.

Гранат и омела, Даяна Морган: Знамя с королевским драконом трепетало от ветра, точно птица, рвущаяся в полет.

Битва королей, Джордж Мартин: Знамя на железном шесте трепетало от ветра, как птица, рвущаяся в полет.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дыхание оставило Дамиана, рот наполнился грязью и кровью от прокушенной щеки. Весь обмазанный болотом и птичьим дерьмом, злой, как стая волков, он раздраженно скрипнул зубами, ухватился за корыто и с трудом сел.

Игра престолов, Джордж Мартин: Дыхание оставило Тириона, рот наполнился грязью, кровью и гнилой листвой. Тирион раздраженно скрипнул зубами, ухватился за корень и с трудом сел.

Гранат и омела, Даяна Морган: Улыбка сползла с лица короля, словно змеиная шкура.

Требуется жених. Людей просьба не беспокоить!, Анна Платунова: Улыбка сползла с лица убийцы, будто змеиная кожа.

Гранат и омела, Даяна Морган: Упрямее мореного дуба!

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Он жрал больше всех, больше всех ныл, больше всех бранился и был упрямей мореного дуба.

Гранат и омела, Даяна Морган: О неприятностях речь, они и навстречь.
Возвращение Черного Отряда. Суровые времена. Тьма, Глен Кук: О неприятностях речь, они и навстречь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дождь лил все это время, рябя на поверхности луж, и землю во дворе совсем развезло.

Буря мечей, Джордж Мартин: Дождь лил все утро, рябя на поверхности рек, и землю в богороще совсем развезло.

Гранат и омела, Даяна Морган: Да уж, резки повороты у горного ручья.
Хроники черного отряда, Глен Кук: Да уж, резки повороты у горного ручья.

Гранат и омела, Даяна Морган: Тот похолодел и нервно распрямил спину, будто произнесенное местоимение — команда приготовиться.

Вкус памяти, Таня Свон: Сидящий рядом со мной принц нервно распрямил спину, будто его произнесенное имя – команда приготовиться.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Горлойс посмотрел на Дамиана так, будто тот был немного придурковатым.

Странствия убийцы, Робин Хобб: – Верити взглянул на меня, как будто я был немного придурковатым.

Гранат и омела, Даяна Морган: Эти крючковые хищные руки Дамиану долго снились в кошмарах: они, как и наяву, часами держали мальчика за запястья, заставляя повторять бессмысленные тогда катехизисы и признаваться в злодеяниях, которых он не совершал. Они же лупили слишком медлительных послушников тростью по пальцам за ответы на занятиях. Слишком грубо? Хрясь. Слишком медленно? Хрясь. Слишком вызывающе? Хрясь, хрясь, хрясь.

Мечтатель Стрэндж, Лэйни Тейлор: У него была ужасно крепкая хватка, и он часами держал мальчиков за запястья, заставляя их повторять бессмысленные катехизисы и признаваться во всяческих злодеяниях, которые они едва понимали, не то что совершали.

Неночь, Джей Кристофф: Слишком медлительные послушники получали тростью по рукам. Слишком грубо? Хрясь. Слишком очевидно? Хрясь. Слишком неуклюже? Хрясь, хрясь, хрясь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан чувствовал, как в его груди закипают злые слова. Но он сдержал их, оставил пчел гудеть в улье.

Восстание королевы, Ребекка Росс: Тристан кивнул, в груди кипели злые слова. Но он сдержал их, оставил пчел гудеть в улье, зная, что, если он осмелится ответить, Оран ударит его, услышав хоть каплю дерзости в голосе.

Гранат и омела, Даяна Морган: Симеон, развернувшись на стуле, слушал ученика безмолвно, только его тяжелые брови прикрывали глаза, и с каждым словом он мрачнел все больше. <...>

— Решено. — Королевский кулак с грохотом обрушился на подлокотник. <...>

Дамиан исполнил повеление и заметил, с каким злорадным удовольствием Ерихон взирал на бессильную ярость Симеона.

Игра престолов, Джордж Мартин: Дядя слушал безмолвно, тяжелые брови прикрывали глаза, и с каждым ее словом он все больше мрачнел.

Игра престолов, Джордж Мартин: — Королевский кулак с грохотом обрушился на стол.

Буря мечей, Джордж Мартин: Тирион со злорадным удовольствием взирал на бессильную ярость Серсеи.

Глава 4

Гранат и омела, Даяна Морган: Она проглотила разочарование как мраморный шарик и, повторяя про себя наставление Хорхе, подняла оружие.

Восстание королевы, Ребекка Росс: Я проглотила разочарование как мраморный шарик и решила, что не хочу обсуждать Магналию.

Гранат и омела, Даяна Морган: И теперь молчание, плотное как марципан, показалось ей зловещим.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Новое молчание было плотным, как марципан.

Гранат и омела, Даяна Морган: Каталина резко осеклась, уголок ее рта поехал вниз, будто его зацепили рыболовным крючком.

Песнь Ахилла, Мадлен Миллер: Она резко осеклась, уголок ее рта поехал вниз, будто его зацепили рыболовным крючком.

Гранат и омела, Даяна Морган: голос у нее надломился, как гнилая палка.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Голос у нее надломился, как гнилая палка.

Гранат и омела, Даяна Морган: Голова ее вдруг сделалась пустой и невесомой, точно листок, гонимый ветром.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Голова сделалась прозрачной и невесомой, как листок, гонимый ветром.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ее волосы горели на солнце огнем, как пасть дракона.

Потомок Одина, Сири Петтерсен: Её волосы горели огнём, как пасть дракона!

Гранат и омела, Даяна Морган: Она ощущала, как чужие взгляды липнут к ней, стекают дождем по ее телу, сопровождаясь шепотками — догадками, почему она так вырядилась.

Восстание королевы, Ребекка Росс: Я чувствовала, как чужие взгляды липнут ко мне, стекают по мне дождем, сопровождаясь шепотом — догадками о том, зачем я здесь.

Гранат и Омела, Даяна Морган: Филиппе относился к тому типу мужчин, которые однажды были красивы, но, потратив всю жизнь на погоню за наслаждениями и излишествами, растеряли себя по крупицам.

Щит магии, Кэйлин Фландерс: Блэр относился к тому типу мужчин, которые однажды были красивы, но, потратив большую часть жизни на погоню за наслаждениями, постепенно растеряли себя по крупицам.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон хотела остановиться, ее душа рванулась утешить подругу, но внезапно обоняния коснулся запах пурпурной мяты.

Тайнознатицы Муирвуда, Уилер Джефф: Майя ощутила ее тонкие ключицы сквозь ткань рясы, а обоняния ее коснулся запах пурпурной мяты.

Гранат и омела, Даяна Морган: Хотя, конечно, такие выходки остались в прошлом: сейчас ни одна женщина в здравом уме при дворе Каталины Трастамарской не стала бы избавляться от ребенка, даже и нежеланного.

Рассказ служанки, Маргарет Этвуд: Сейчас ни одна женщина в здравом уме не станет предотвращать рождение, раз уж ей повезло зачать.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон казалось, что Дубовый Король оставил на ней склизкие следы, и она могла бы принять дюжину ванн, но все равно не избавилась бы от этого ощущения.

Замки на их костях, Лора Себастьян: Она могла бы принять дюжину ванн и все равно еще чувствовать его на своей коже.

Гранат и омела, Даяна Морган: Его слова стянули ее внутренности, словно смола, и стерлись только тогда, когда она проглотила последние капли алкоголя.

Замки на их костях, Лора Себастьян: Эти слова стягивают ее внутренности, словно смола.

Гранат и омела, Даяна Морган: Вспоминать о той ночи было все равно, что сдирать корку с заживающей раны, чтобы она снова начала кровоточить.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Думать о Кортаэле было все равно что сдирать корку с только что зажившей раны, чтобы она снова начала кровоточить.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Они совершают безрассудства и глупости, чтобы почувствовать себя мужчинами, сколько бы лет им ни было.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: – Мальчики совершают глупости, чтобы почувствовать себя мужчинами, сколько бы лет им ни было.

Гранат и омела, Даяна Морган: — слова Аурелы прозвучали так же окончательно, как стук захлопнувшейся двери.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Ее слова прозвучали так же окончательно, как стук захлопнувшейся двери.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон нечего было дать Каталине, разве что свои слезы и унижение, но у королевы Трастамары хватало и своих на всю оставшуюся жизнь.

Девушка, которая упала в море, Акси О: Даже если бы я смогла отыскать ее, мне нечего дать ей, нечего предложить, разве только мои слезы, но у нее и своих хватало еще на сотню жизней вперед.

Гранат и омела, Даяна Морган: Голова разболелась — будто иглы морского ежа впились в глаза.

Цирцея, Мадлен Миллер: Потом разболелась голова – словно иглы морского ежа впились в глаза.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон содрогнулась всем телом, точно лошадь, в стойло которой заползла ядовитая змея.

Королевский убийца, Робин Хобб: Я стоял, покрывшись потом и содрогаясь, как лошадь, в стойло которой вползла змея.

Глава 5

Гранат и омела, Даяна Морган: Жемчужно-серый свет лежал на потолке и размытыми полосами спускался по стенам.

Черный человек, Ричард Морган: Сквозь поеденные молью вариполярные занавески на окне в комнату просачивался восход, жемчужно-серый свет лежал на потолке и размытыми полосами спускался по стене.

Гранат и омела, Даяна Морган: сырые от пота простыни липли к голому телу и обвивали его, подобно могильным саванам.

Безумный корабль, Робин Хобб: Сырые от пота простыни липли к телу и обвивали его, точно могильные саваны.

Гранат и омела, Даяна Морган: Вся его жизнь превратилась перед ним в россыпь серых осколков, по которым невозможно было определить, чем они являлись до того как разбиться.

Дети великого шторма, Наталья Осояну: Вся его жизнь представляла перед ней россыпью разноцветных осколков, по которым невозможно определить, чем они являлись до того как разбиться.

Гранат и омела, Даяна Морган: Даже через рубаху и дублет Дамиан почувствовал ее палец между лопаток, и все его существо словно переместилось в эту точку.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Его палец замер между лопаток Хэсины, и все ее существо словно перенеслось в эту точку, которую она никогда раньше не замечала.

Гранат и омела, Даяна Морган: грудь тяжело вздымалась, соски превратились в два алых рубина, из лона сочилась влага.

Пир стервятников, Джордж Мартин: соски у нее превратились в два черных алмаза, из лона сочится влага.

Гранат и омела, Даяна Морган: его страсть была бескрайней как океан, но прилив схлынул, обнажив острые камни вины.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Его желание было глубоким и бескрайним, как море, но прилив схлынул, обнажив острые камни вины и стыда.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан залепил гримасу отвращения вежливой улыбкой тупого иностранца, не понимающего, что ему говорят.
Немного ненависти, Джо Аберкромби: Залепив гримасу отвращения вежливой улыбкой, Савин посмотрела, как он хлебает из своей тарелки, словно боров из корыта.

Гранат и омела, Даяна Морган: Только сейчас Дамиан понял, что платье не бежевое и не такое плотное, как показалось на первый взгляд: оно было столь тонким, что, казалось, могло растаять как дым от прикосновения.

Дочь дыма и костей, Лэйни Тейлор: Из шелка шанжан цвета полуночного неба, облегающее и такое тонкое, что, казалось, оно может растаять как дым от прикосновения.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сон окончательно отступил и бросил его тут, в кровати, одного, в успокаивающей холодной яви.

Мечтатель Стрэндж, Лэйни Тейлор: Сон отступил и бросил его там, в кровати, одного – в беспощадной непримиримости яви.

Гранат и омела, Даяна Морган: Потому что то, о чем люди лгут, говорит о них больше, чем правда.

Железный волк, Сири Петтерсен: – Потому что то, о чём люди врут, говорит о них больше, чем правда.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она проговорилась, но замолкла, не решилась произнести запретное слово, которое Храм вытравил огнем, омелой и вымыл кровью из губ подданных Инира.

Стеклянный трон, Сара Маас: Служанка осеклась, дабы не произнести запретное слово, которое адарланский король вытраивал огнем и вымывал кровью из лексикона своих подданных.

Гранат и омела, Даяна Морган: Все возможные слова погибали в его горле, не добираясь до языка.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Все возможные реплики погибали в ее горле, не добираясь до языка.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он процедил, преодолевая удушливую волну стыда:

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Но он заговорил, преодолевая удушливую волну стыда.

Гранат и омела, Даяна Морган: А в другой раз гордость таяла, как снег в горячих руках, и обнажала только уродливое чувство вины.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Его гордость таяла, оставляя за собой лишь уродливое чувство вины. Так тает девственно-чистый снег, и под ним обнажается грязная, неопрятная земля.

Гранат и омела, Даяна Морган: Со стрехи скалились острые сосульки, а крыша с черной черепицей поблескивала в лунном свете, точно чешуйчатая шкура змеи.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Дворцовые пристройки, мощеные улочки, крыши с черной черепицей, которая, словно чешуйчатая шкура, поблескивала в предрассветном небе.

Гранат и омела, Даяна Морган: Варес пил и радостно смеялся, рассказывая о сражении с убийцами из тюрем. Его версия уже разбухла от лжи, словно комар, напившийся крови.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Он пил и радостно смеялся, слушая рассказы о прошлом сражении, уже разбухшие от лжи, словно разбавленное водой пиво.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан почувствовал, каким жаром вдруг налилось тело.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Он почувствовал, каким жаром вдруг налилось ее тело.

Гранат и Омела, Даяна Морган: Этот хилый поскребыш со дна ночного горшка?

Прежде чем их повесят, Джо Аберкромби: ...Все, кто на что-то годился, ушли на север драться с Бетодом, а мы остались здесь вместе с поскребышами со дна горшка.

— Со дна ночного горшка, я бы сказал...

Гранат и Омела, Даяна Морган: Все закованы в сталь с головы до ног, на кольчуге — пластинчатая броня, под ней — плотные стеганки. Крупные сочленения защищали уязвимые соединения брони между рукой и плечом, юбки из жесткого металла прикрывали тело от поясницы до колена, прочные воротники обхватывали горло. Шлемы — массивные, забрала с острыми птичьими клювами, тонкие прорезы для глаз и щегольские крылья по бокам.

Игра престолов, Джордж Мартин: Сир Вардис Иген был закован в сталь от головы до пят, на кольчуге — тяжелая пластинчатая броня, под кольчугой — стеганный кафтан. Большие округлые сочленения, покрытые молочно-белой и голубой эмалью, под цвет луне и соколу дома Арренов, защищали уязвимые соединения руки и плеча. Юбка из жесткого металла прикрывала его тело ниже поясницы до середины бедра, прочный воротник охватывал горло, от висков шлема разбегались соколиные крылья, а забрало изображало острый металлический клюв с узкой прорезью для глаз.

Гранат и омела, Даяна Морган: Что, впрочем, не помешало наряду кричать о своей баснословной цене и дурном вкусе владелицы. Просторное платье из багрового шелка и драгоценных камней с прорезями на рукавах и лифе открывало вид на более темную ткань первого слоя.

Ученик убийцы, Робин Хобб: Я никогда прежде не видел наряда, который так громко кричал бы о своей баснословной цене и дурном вкусе его хозяйки.

Битва королей, Джордж Мартин: Просторное платье из огненного шелка с прорезями на рукавах и лифе открывало более темную кроваво-красную ткань внизу.

Гранат и Омела, Даяна Морган: Граната улыбнулась, и от ее улыбки повеяло атласными простынями и терпким ароматом соединившихся тел.

Королевство гнева и тумана, Сара Маас: Ризанд лишь улыбнулся. От его улыбки повеяло шелковыми простынями и легким полуночным ветром, пахнущим жасмином.

Гранат и омела, Даяна Морган: — она повернула голову. Свет свечи упал на полумесяц ее скулы, позолотил темные волны волос.

Король шрамов, Ли Бардуго: Зоя повернула голову, и свет лампы упал на полумесяц ее скулы, позолотил темные волны волос.

Гранат и омела, Даяна Морган: Жажда оказалась столь глубока, столь повелителен был ее зов, что Дамиан не устоял. Он перехватил ее руку своей, порезанной осколками, посшибал книги и уложил ее на стол, задрав невесомые юбки. <...> Он развязал штаны и, раздвинув обнаженные ноги, вошел в нее.

Вкус дыма, Ханна Кент: Столь глубока оказалась та жажда, столь повелителен был ее зов, что я испугалась.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Тогда он посшибал свечи и уложил ее на алтарь матери, задрав ее юбки и шелковую сорочку. <...> Он, не слушая ее, развязал свои бриджи и раздвинул ее обнаженные белые ноги.

Гранат и омела, Даяна Морган: Даже несмотря на то, что он мог отогнать их днем, они обрывками слов, звуков и ощущений мучили его по ночам. И эта боль никогда полностью не исчезала. Она терзала его, зарывшись куда-то глубоко и ощущалась, как острые невидимые льдинки под кожей.

Странствия убийцы, Робин Хобб: Воспоминания, которые я мог отогнать днем, обрывками звуков, цвета и ощущений мучили меня ночью.

Из крови и пепла, Дженнифер Ли Арментроут: Хоук всегда испытывал боль. Не физическую. Эта была глубже и ощущалась как острые льдинки на коже.

Глава 6

Гранат и омела, Даяна Морган: воздух у Тегуса стал влажным и тяжелым, словно испарения свинца.

Пелеас и Мелисанда, Метерлинк Морис: Там влажный и тяжелый воздух, словно испарения свинца.

Гранат и омела, Даяна Морган: Главный тракт вился на северо-восток через бурые каменистые поля и холмы, выметенные сухим, жарким ветром.

Буря мечей, Джордж Мартин: Королевский тракт вился на юг через бурые каменистые поля и выметенные ветром холмы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Солнце первую неделю проливало расплавленное золото на обожженную и бесплодную землю.

Игра престолов, Джордж Мартин: Солнце проливало расплавленное золото на обожженную и бесплодную землю.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она ощущала себя волной, разбившейся о берег и превратившейся в растаявшую пену.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Она ощущала себя волной, разбившейся о берег и превратившейся в пену.

Гранат и омела, Даяна Морган: из окна виднелись заросли вереска, которые по вечерам казались черными, страшными и древними.

Игра престолов, Джордж Мартин: Заросли вереска казались Тириону черными и древними.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дорога следовала извивами высохшей части реки Тегус и вела сквозь пожухшие ивовые леса и голые пшеничные поля мимо старой заброшенной мельницы, чьи лопасти скрипела на слабом ветру, как старушечьи кости.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Затем они оставили город позади и направились вслед за извилистым течением Ройны, проезжая через ивовые рощи и маковые поля, мимо высокой деревянной ветряной мельницы, лопасти которой, вращаясь, скрипели словно старые кости.

Гранат и омела, Даяна Морган: Чем ближе к срединным землям и Иниру, тем чаще появлялись снежные заплатки на земле, а за три дня до места встречи снег полностью покрыл поля, напоминая разглаженные ножом взбитые сливки.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: На севере уже выпал снег и покрыл поля, как разглаженные ножом сливки.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон казалось, что теперь ей следовало сказать что-то остроумное и кокетливое, но за гулом собственных лихорадочных мыслей изо рта вырвалось только жалкое:

Замки на их костях, Лора Себастьян: Ей кажется, что теперь ей следует сказать что-нибудь остроумное, но за гулом вина не слышит собственных мыслей.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон как будто ударили под дых, и все же она с трудом, дрожа, заставила себя сделать судорожный вдох.
Корона из перьев, Ники Пау Прето: Веронику будто ударили под дых, и все же она с трудом, дрожа, заставила себя сделать вдох.

Гранат и омела, Даяна Морган: Его глаза напоминали холодный, темный мед — удивительный цвет, которого Авалон раньше никогда не встречала.

Из крови и пепла, Дженнифер Ли Арментроут: Они напоминали холодный мед — удивительный цвет, какого я раньше не видела, и у него была манера смотреть так, что чувствуешь себя раздетой.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон разбудили на рассвете, когда серый мир, казалось, еще даже не начал шевелиться, и вывели из кареты.

Игра престолов, Джордж Мартин: Его разбудили за час до рассвета, когда серый мир ещё не начинал шевелиться.

Гранат и омела, Даяна Морган: Так как Каталина была единственной наследницей, ее жизнь оберегали надежнее, чем любое из сокровищ или гранатовых плантаций Трастамары.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Так как она была единственной наследницей престола, ее жизнь оберегали надежнее, чем любое сокровище.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она ощущала себя волной, разбившейся о берег и превратившейся в растаявшую пену.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Она ощущала себя волной, разбившейся о берег и превратившейся в пену.

Гранат и омела, Даяна Морган: Созвездия и полная луна были для нее старыми друзьями, скрашивавшими ей не одну одинокую ночь, но сегодня они оставались безмолвными и холодными.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Созвездия были для Корэйн старыми друзьями, скрасившими ей не одну одинокую ночь.

Гранат и омела, Даяна Морган: И за десять лет правления она освоила актерское мастерство не хуже, чем любой мастер пантомимы, которые табунами выступали на королевских праздниках.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: За четыре года правления королева Эрида освоила актерское мастерство не хуже любого мастера пантомимы, который устраивал выступления на уличных сценах Аскала.

Гранат и омела, Даяна Морган: Пейзаж за окном стремительно менялся с каждым днем: холмы и горы сменили равнины и долины, погода стала ухудшаться, к начавшемуся дождю примешивалась ледяная крупа, а ветер кусал за щеки и пытался забраться под одежду.

Вкус дыма, Ханна Кент: Погода ухудшается, к дождю примешивается ледяная крупа, и ветер, точно волк, кусает тебя за пятки, напоминая, что зима не за горами.

Гранат и омела, Даяна Морган: Навстречу им вышел согбенный старец, сутулясь, будто виселица.

Дни в Бирме, Джордж Оруэлл: Староста повел их к себе в дом, ужасно сутулясь, точно ходячая виселица...

Гранат и Омела, Даяна Морган: Слуги разнесли оленину, поджаристую снаружи, нежную и сочную внутри, с приправами, луком и пюре из батата. Мясо обожгло пальцы Авалон, но она тут же потянулась за следующим куском и проглотила его с удовольствием.

Танец с драконами. Грёзы и пыль, Джордж Мартин: Девушка подала козлятину с луком, снаружи поджаристую, внутри нежную и сочную. Мясо обожгло Тириону пальцы, но он тут же потянулся за следующим куском и запил еду бледно-зеленой волантинской настойкой — не вино, но близко к тому.

Гранат и омела, Даяна Морган: Туман к вечеру сгустился и осел на одежду серебряными бисеринами.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Туман, сгустившийся к вечеру, успел вымочить ему волосы, заставляя их свиваться кольцами, и серебряными бисеринами оседал на одежде.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон почему-то считала, что сможет увидеть момент, когда они покинут страну ее рождения. Она воображала себе черту, где сухая почва и песок заканчиваются и уступают место

твердой земле и снегу — типичному ландшафту Инира. Ей казалось, что она ощутит это в воздухе, выдохнет жаркий воздух Трастамары и вдохнет мертвый холодный воздух Инира. Однако пейзаж за окном начал меняться постепенно. Почва медленно оживала, появлялась зелень и живность. Иногда по вечерам Хорхе подъезжал к карете и указывал Авалон на широкие рога буйволов, которые плыли в промозглом тумане, будто полумесяцы.

Замки на их костях, Лора Себастьян: Дафна думала, что сможет увидеть тот момент, когда она покинет страну своего рождения. Она представляла себе место, где плодородная почва, покрытая зеленой травой и цветами, заканчивается и уступает место твердой коричневой земле и снегу — типичному ландшафту Фрива. <...> Ей казалось, что она почувствует это в воздухе, выдохнет ароматный свежий воздух Бессеми и вдохнет холодный мертвый воздух Фрива. Вместо этого изменение происходит постепенно в течение всего трехдневного путешествия на север. Плоская земля превращается в холмы, которые постепенно лысеют...

Дни в Бирме, Джордж Оруэлл: По вечерам, на обратном пути в лагерь, ему встречались буйволы, погоняемые мальчишками, и широкие рога плыли в промозглом тумане, точно полумесяцы.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Список растет. Меня злит, что я не могу сжечь его или разорвать на куски! — Каталина резко остановилась и взмахнула руками — А мне только и остается сидеть, сохранять видимость спокойствия и мысленно проклинать каждого, кто хочет посягнуть на мою руку. Им нужна моя корона, дядюшка! Только она их привлекает, им плевать на мою внешность или проблемы! Будь я дохлой рыбиной, это ничего бы не изменило. А ей все равно!

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Список имен неуклонно рос. Эрида жалела, что не может сжечь его или изорвать на части, однако ей оставалось лишь сидеть, сохраняя видимость спокойствия и мысленно проклиная каждого претендента на ее руку. <...> Им нужна моя корона, она одна привлекает их. Им плевать на мои прекрасные синие глаза и острый ум. Будь я даже замшелым пнем, это ничего бы не изменило».

Гранат и Омела, Даяна Морган: Они (*слуги*), облаченные в льняные одежды золотых, королевских цветов, бесшумно перемещались в кожаных паттенах, и подносили ей и сопровождающим придворным тарелки горячего супа из батата. На огромных тарелках в молочной,

зеленой траве лежали: куски сыра бри с горчицей, медом и вишневым конфитюром; тонкие кусочки копченой оленины, украшенные маленькими маринованными луковками; крошечные птичьи печенки, тушеные в чесночном и грушевом масле; перепелочные грудки, приправленные соусом из изюма и острого имбиря; сушеные сливы и фиги, распаренные в топинамбурном сиропе и засахаренные персики.

Дракон не дремлет - Джон Майло Форд: Слуги в льняных одеждах, бесшумно ступая кожаными паттенами, внесли тарелки горячего супа из пастернака. Был сыр бри с горчицей и медом, сушеные груши, распаренные в сахарном сиропе.

Миссия шута, Робин Хобб: На огромной тарелке лежали тонкие куски копченой оленины, красиво украшенные маленькими маринованными яблоками. <...> Десятки крошечных птичьих печенок, замаринованных с чесноком в масле, меня не заинтересовали, а вот темные утиные грудки, приправленные сиропом и кусочками сладкого имбиря, показались очень даже привлекательными.

Глава 7

Гранат и омела, Даяна Морган: Его корона из червонного золота вспыхивала каждый раз, когда он поворачивал голову.

Буря мечей, Джордж Мартин: Король Станнис стоял рядом с женой, сцепив зубы, и его корона червонного золота вспыхивала всякий раз, как он поворачивал голову.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ветер рассвирепел, колебля его новый овчинный тяжелый плащ.

Буря мечей, Джордж Мартин: Ветер свирепствовал, колебля его тяжелый овчинный плащ.

Гранат и омела, Даяна Морган: Тяжелая от запахов крови и дыма ночь наполнилась криками и воплями, лагерь погрузился в хаос.

Игра престолов, Джордж Мартин: Тяжелая от запаха крови заря наполнилась криками и воплями, мир преобразился в хаос.

Гранат и омела, Даяна Морган: ее рот дернулся в воинственной усмешке.

Игра престолов, Джордж Мартин: Ее маленький рот дернулся в воинственной усмешке.

Гранат и омела, Даяна Морган: Кровь во рту отдавала металлом и солью.

Битва королей, Джордж Мартин: Кровь во рту отдавала солью и металлом.

Гранат и омела, Даяна Морган: Хлопья пепла безмолвно летели вверх.

Буря мечей, Джордж Мартин: Тяга была сильная, и хлопья пепла летели вверх.

Гранат и омела, Даяна Морган: Варес расплылся в широкой дурацкой улыбке.

Буря мечей, Джордж Мартин: Гренн расплылся в широкой дурацкой ухмылке.

Гранат и омела, Даяна Морган: Однако постепенно зрение вернулось и боль обрела собственный пульсирующий ритм, стала вторым, рваным сердцебиением.

Жестокий принц, Холли Блэк: Боль обретает собственный пульсирующий ритм, становится вторым, рваным сердцебиением.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сотрясение от удара заставило его стиснуть зубы, но потом он на несколько мгновений провалился в темноту.

Игра престолов, Джордж Мартин: Сотрясение от удара заставило стиснуть зубы, Трегар упал на колени, львиный гребень был перерублен пополам, кровь хлынула на лицо.

Гранат и омела, Даяна Морган: Разинув в диком реве пасть, полную желтых зубов, волк поднялся на задние лапы и прыгнул прямо на Дамиана с такой скоростью, что тот не успел увернуться.

Буря мечей, Джордж Мартин: Разинув в рыке пасть, полную желтых зубов, медведь опустился на четвереньки и устремился прямо к Бриенне.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Если хочешь жить, прыгай, — слова стыли на морозе, пока Дамиан выдавливал их из себя.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Слова тоже стыли на морозе.

Гранат и омела, Даяна Морган: Королева снова извернулась, и они стали кататься по поляне, лягаясь и колотя друг друга.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Они стали кататься по дну, лягаясь и колотя друг друга, но в конце концов она одолела и уселась на него верхом.

Гранат и омела, Даяна Морган: Шатер, больше, чем комната в хорошей гостинице, был обставлен с роскошью: жаровни, поддерживающие тепло, меха и пуховые перины, дубовые сундуки, набитые одеждой и оружием, походные стулья, письменный стол с картами, пергаментами, перьями и чернильницей, штоф палатинского вина и превосходная выпечка, сладко пахнущая заморской ванилью.

Битва королей, Джордж Мартин: Шатер, больше, чем комната в иной гостинице, был обставлен с необычайной роскошью: пуховые перины и меха, ванна из дерева и меди, где могли поместиться двое человек, жаровни, поддерживающие тепло в холодные ночи, складные кожаные стулья, письменный стол с перьями и чернильницей, вазы с персиками, сливами и грушами, штоф вина с набором серебряных кубков, кедровые сундуки, набитые одеждой Ренли, книгами, картами и игральными досками, большая арфа, длинный лук и колчан со стрелами, пара краснохвостых охотничьих ястребов и настоящий арсенал превосходного оружия.

Гранат и омела, Даяна Морган: Раскаленный сплав его ярости и ненависти остыл до состояний холодной стальной решимости.

Кровавая наследница, Амели Вэнь Чжао: Таким было его кредо на протяжении последних семи лет, даже когда раскаленный сплав его ярости остывал до состояния холодной стали.

Гранат и омела, Даяна Морган: красные, как цветущие маки, пятна на белоснежном снегу поляны.

Кровавая наследница, Амели Вэнь Чжао: красные, как цветущие маки, пятна на бесцветном снежном холсте.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан не ко времени вспомнил старую трастамарскую сказку, в которой говорилось, что в логова льва тянулись тысячи следов маленьких наивных зверьков. И не было ни одного следа из логова.

Когда умирает король, Элина Бакман: В ней говорилось о том, как в логово льва тянулись следы мелких наивных зверьков. И не было ни одного следа из логова.

Гранат и омела, Даяна Морган: Над лагерем засветила почти полная луна, окруженная тысячезвездной свитой.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Над городом светила половинка луны, окруженная тысячезвездной свитой.

Гранат и омела, Даяна Морган: Снег больше не шел, но крепнущий ветер с почти волчьим воем взметал его, жаля глаза. Черные ели и голые деревья, напоминающие колья, обступали его со всех сторон и щерились ледяными зубами... Раньше сапоги его были черными, но налипший снег превратил их в белые «медвежьи лапы». Снежная корка облекла заодно икры, превратившись в зимние поножи.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Голые ветки щерились ледяными зубами.

<...>

Снег больше не шел, но крепнущий ветер взметал его, больно жаля лицо. Варамир, хрипло дыша, побрел по сугробам.

Буря мечей, Джордж Мартин: Раньше сапоги были вроде бы черные, но налипший снег превратил их в корявые белые шары, похожие на медвежьи лапы.

Буря мечей, Джордж Мартин: Сугробы намело уже по колено, и снежная корка одела икры, словно белые поножи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Повсюду из снега торчали, точно ряды надгробий, пни мертвых деревьев.

Королева Ойкумены, Генри Олди: Пни, укрытые снежными шапками, походили на ряды надгробий.

Гранат и омела, Даяна Морган: — ветер бил его в лицо — когда ледяные кулаки воды обрушились на них.

Битва королей, Джордж Мартин: Ледяные кулаки воды обрушились на них, и от холода у Джона остановилось дыхание.

Гранат и омела, Даяна Морган: Звонящая тишина влилась в онемевшую голову, туда, где он ударился. Сотрясение от удара заставило его стиснуть зубы, но потом он на несколько мгновений провалился в темноту.

Черный человек, Ричард Морган: Внезапно – звенящая тишина влилась в онемевшую голову, туда, где его ударили.

Игра престолов. Книга 1, Джордж Мартин: Сотрясение от удара заставило стиснуть зубы, Трегар упал на колени, львиный гребень был перерублен пополам, кровь хлынула на лицо.

Гранат и Омела, Даяна Морган: У него возникло ощущение, будто в его кишках провернули меч. Что-то было не так.

Черный человек, Ричард Морган: И внезапно, откуда ни возьмись, у Скотта возникло ощущение, будто в его кишках провернули лом. Что-то было не так.

Гранат и омела, Даяна Морган: Изувеченные тела были повсюду; красные, как цветущие маки, пятна на белоснежном снегу поляны.

Кровавая наследница, Амели Вэнь Чжао: Изувеченные тела на брусчатке перед их каретой; красные, как цветущие маки, пятна на бесцветном снежном холсте.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он двинул ее левым плечом по ногам, и она, охнув, повалилась в снег. Он подскочил и выкрутил ее руку с кинжалом.

Гранат и омела, Даяна Морган: *(часть следующего абзаца)* Королева снова извернулась, и они стали кататься по поляне, лягаясь и колотя друг друга.

Гранат и омела, Даяна Морган: Взмах пальцев — Дамиану показалось, что она плечо ему вывернула.

Буря Мечей, Джордж Мартин: Джейме двинул ее плечом по ногам, и она повалилась на него. Они стали кататься по дну, лягаясь и колотя друг друга, но в конце концов она одолела и уселась на него верхом. Он успел выхватить кинжал у нее из ножен, но она перехватила его запястье и так заломила ему руки назад, что ему показалось, будто она плечо ему вывернула.

Гранат и омела, Даяна Морган: Очертания обрыва скрывались в ночной мгле, однако чуткий слух уловил шум воды. Да и ниже по течению восходящее солнце зажгло блики на колеблемой ветром реке. <...> Стремительная Кадайр, известная своей непредсказуемостью — никогда не знаешь, где она закрутится водоворотом и разобьет непреодолимый порог. Некоторые смельчаки — кто на спор, а кто красуясь, — прыгали в

опасные воды. Одни возвращались, как ни в чем не бывало, других же Кадайр утягивала на дно

Проданная чернокнижнику, Юлия Риа: <...> — очертания обрыва скрадывались в ночной мгле.

Буря мечей, Джордж Мартин: Ниже по течению восходящее солнце зажгло колеблемую ветром реку.

Проданная чернокнижнику, Юлия Риа: Стремительная, она (*прим. река*) известна своей непредсказуемостью — никогда не знаешь, где и когда она закрутится водоворотом. Иные смельчаки — кто на спор, а кто красуясь, — заходили в опасные воды. Одни возвращались как ни в чем не бывало. Других утягивало на дно.

Гранат и омела, Даяна Морган: Его корона из червонного золота вспыхивала каждый раз, когда он поворачивал голову.

Битва королей, Джордж Мартин: Кристальная корона верховного септона переливалась радугами всякий раз, когда он поворачивал голову.

Гранат и омела, Даяна Морган: Из горла разведчика капали красные слезы, такие яркие, словно рубиновое ожерелье на шее Каталины. Оглушительно рявкнул хриплый боевой рог.

<...>

Тот умоляюще посмотрел ему в глаза и протянул руку, но тут влажное окровавленное острие вышло между ребер, пробив кольчугу, кожу и придворную одежду.

Битва королей, Джордж Мартин: тут из горла разведчика закапали красные слезы, яркие, как рубиновое ожерелье.

Битва королей, Джордж Мартин: Бронзовыми птицами запели колокола, зычно рявкнул хриплый боевой рог.

Игра престолов, Джордж Мартин: Клинок Толстого Тома вывалился из ослабевших пальцев, а влажное кровавое острие выставилось между ребер, пробив кожаную одежду и кольчугу.

Глава 8

Гранат и омела, Даяна Морган: Сделка, что она заключила с его телом, помимо его воли, имела когти, и у нее не было шансов вырваться из них, не заработав глубокие шрамы.

Прикосновение тьмы, Скарлетт Сент-Клэр: Эта сделка имела когти, и у нее не было шансов вырваться из них, не заработав шрамы.

Гранат и омела, Даяна Морган: О рыбаках напоминали только изорванные истлевшие сети, свисающие с торчащих корней.

Буря мечей, Джордж Мартин: О рыбаках напоминали только пустые изорванные сети, свисающие кое-где с прибрежных корней.

Гранат и омела, Даяна Морган: Тяжелая голова топора перерубила плоть и кость, словно гнилое бревно.

Игра престолов, Джордж Мартин: тяжелая головка топора перерубила плоть и кость, словно гнилое бревно.

Гранат и омела, Даяна Морган: Опустившись на колени рядом с неподвижным Горлойсом, прощупала его сердцебиение, после чего стала решительно разрезать его одежду, заскорузлую от засохшей крови и мокрую от свежей.

Буря мечей, Джордж Мартин: Клидас тем временем разрезал его черную штанину, заскорузлую от старой крови и мокрую от свежей.

Гранат и омела, Даяна Морган: Это продолжалось недолго, но достаточно, чтобы она испытала весь ужас понимания, что все, на что она надеялась и рассчитывала, в один миг рассыпалось, как карточный замок.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: Это продолжалось недолго, но достаточно, чтобы она успела испытать ужас понимания, что все, на что она рассчитывала как на нечто прочное, надежное, может в одно мгновение рассыпаться, как карточный домик.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но потом, когда он повернулся к ней спиной, она расслабила мышцы лица, ее фальшивая королевская маска исчезла, плечи поникли, и беспокойство снова вцепилось в глотку.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: Рикке весело помахала ей – но потом, когда Корлет скрылась из виду и она опустила руку, ее улыбка угасла, плечи поникли, и беспокойство снова вцепилось ей в глотку.

Гранат и омела, Даяна Морган: Огонь возродился и превратился из струйки дыма в языки пламени: оранжевые плясуньи закружили на каждом стебельке соломы.

Колдовская метка, Дэн Патрик: Огонь ожил в камине и превратился из струйки дыма в язык пламени.

Гранат и омела, Даяна Морган: И Авалон, и Горлойс едва не рассмеялись от подобной дерзкой откровенной лжи.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: – И сама королева, и лорд едва не рассмеялись от такой дерзкой откровенной лжи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Вместо этого оба лишь криво усмехнулись, точно противники на дуэли, скрестившие мечи.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Вместо этого они лишь усмехнулись, словно дуэлянты, скрестившие мечи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Позволив тишине осесть, точно осадок в потревоженном вине, она снова прикрыла веки, когда ощутила, что что-то не так.

Костяные корабли, Р. Дж. Баркер: – Она не сводила взгляда с Миас, позволяя тишине осесть, точно осадок в корабельном вине.

Гранат и омела, Даяна Морган: Из его рта облачком вырвался смешок, на губах запузырилась кровавая пена. Кровь промочила его дублет и штанину до колена и запеклась на холоде багровой коркой.

Игра престолов, Джордж Мартин: У Лювина вырвался смех, и на губах запузырилась кровавая пена.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Рана, вновь открывшаяся в боку, причиняла ему сильную боль, кровь промочила штанину до колена и запеклась бурой коркой.

Гранат и омела, Даяна Морган: Начал сыпать град. Ледяные шарики били по крыше так, словно по ней стучали костяшками сотни пальцев.

Блеск, Рейвен Кеннеди: Затем начинает сыпаться град, ледяные шарики бьют по крыше, как будто по ней стучат костяшками тысячи пальцев.

Гранат и омела, Даяна Морган: Однако тварь рванула на Горлойса. Он замахнулся пустой рукой. Волк отпрыгнул в сторону, ощерился и снова бросился вперед. Он вцепился Горлойсу зубами в бедро, бросил его на землю и попытался атаковать в шею, но удар сапога пришелся прямо по морде. Монстр отскочил на мгновение, но пасть его уже была окровавлена. Горлойс встал, но тут же пошатнулся и упал, а монстр вновь набросился на него, перевернул на спину и вцепился в бок.

Игра престолов, Джордж Мартин: Оказавшись чуть в стороне, Лето метнулся к Хали. Она замахнулась ножом. Лето отпрыгнул в сторону, ощерился и бросился вновь.

Игра престолов, Джордж Мартин: Отряхнувшись, лютоволк бросился за беглецом, остановил его, вцепившись зубами в бедро, бросил на землю, а потом перехватил за горло, когда тот с криком откатился к воде.

Игра престолов, Джордж Мартин: На мгновение он отскочил, но пасть его была полна кожи, ткани и кровавой плоти.

Игра престолов, Джордж Мартин: Хали пошатнулась и упала, а лютоволк вновь набросился на нее, перевернул на спину и вцепился в живот.

Гранат и омела, Даяна Морган: Монстр уже собирался засунуть голову в дверной проем, когда с крыши соседнего дома, глухо ухнув, съехал целый снежный пласт.

Игра престолов, Джордж Мартин: На повороте, глухо ухнув, с крыши перед ними съехал целый снежный пласт.

Глава 9

Гранат и омела, Даяна Морган: Боль копошилась под кожей, пронзая тело раскалёнными ножами при каждом движении.

Буря мечей, Джордж Мартин: В комнате было темно, и боль снова копошилась под одеялом, пронзая ногу раскалённым ножом при каждом движении.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан удерживал невозмутимую маску угрозы на лице, несмотря на бивший в его груди барабан войны.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Эда удержала невозмутимую маску на лице, но в груди у нее бил барабан войны.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он привык быть облаченным в доспехи самоуверенности и силы, а сейчас, когда они оказались сорваны, холод беспомощности был еще неприятнее из-за того, что был для него знаком в убогом детстве.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Он привык быть укутанным в теплую пеленку самоуверенности, и сейчас, когда ее сорвали, холод оказался еще неприятнее из-за того, что был для него незнаком.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон наклонилась и бросила в огонь еще одно полено, — по комнате разнесся запах пепла и тлеющего дерева — послав в дымоход вихрь оранжевых искр.

Королевский убийца, Робин Хобб: Он наклонился и бросил в огонь еще одно полено, послав в трубу вихрь искр.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Спасибо, — задушенное слово слетело с губ Дамиана, и в следующий миг он оказался на другом конце комнаты, стремительно натянул штаны и выскочил за дверь.

Трилогия Дэвабада, Шеннон Чакраборти: — Слово задушенно слетело с его губ, и в следующий миг Али оказался на другом конце комнаты.

Гранат и омела, Даяна Морган: Как хороший пес он проспал всю ночь под дверью наставника, мучаясь кошмарами и видениями, будто это он на месте Эдуарда проникает в вельву.

Танец марионеток, Томаш Низиньский: Как хороший пес, я проспал ночь под дверью хозяйской спальни.

Гранат и омела, Даяна Морган: Оно выдохлось и горчило, оставляя на языке сильный привкус мышинного дерьма, от которого Дамиан так и не смог избавиться до самого вечера.

Шёпот магии, Лаура Кнайдль: Оно выдохлось и горчило, оставляя слабый привкус на языке.

Гранат и омела, Даяна Морган: Роковое чувство надежды охватило все его существо.

Проклятый наследник, Лаура Кнайдль: Роковое чувство надежды охватило Зейлан.

Гранат и омела, Даяна Морган: В остальном, внешне он остался сдержан и непроницаем, съев свою злость раньше, чем она вырвалась бы из-под контроля и сожрала его.

Ковен озера Шамплейн, Анастасия Гор: Только побелели его пальцы, сжавшие руль, — в остальном он остался сдержан и непроницаем, съев свою внутреннюю ярость раньше, чем она съела бы его.

Гранат и омела, Даяна Морган: Обаяние Эдуарда таяло, словно лед на теплой ладони, обнажая уродство его души.

Ковен озера Шамплейн, Анастасия Гор: Его обаяние таяло, словно кубик льда на раскрытой ладони, обнажая уродство души.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он опять чувствовал подкатывающий жар, а страх за свою жизнь растекался по венам драконьим огнем.

Ковен озера Шамплейн, Анастасия Гор: Холодный ветер дул так сильно, что я кренилась с сиденья вбок, но не мерзла: адреналин растекался по венам драконьим огнем.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сердце пронзила раскаленная игла ужаса.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Сердце Дома пронзила раскаленная игла.

Гранат и омела, Даяна Морган: Много лет, когда он был еще ребенком, он пристально вглядывался в выдающиеся черты отцовского лица, силясь хотя бы вскользь увидеть в его блистательных глазах хотя бы одну-единственную мысль, что носила бы его имя.

Цирцея, Мадлен Миллер: Так много лет, еще ребенком, вглядывалась я в блистательные отцовские черты, силясь увидеть мельком среди его мыслей ту, что носит мое имя.

Гранат и омела, Даяна Морган: Прежде чем явиться на прием, Симеон предупредил Дамиана, что замок всегда полон подхалимов, лжецов, искателей плотских удовольствий и неверующих олухов, и наказал ему держать язык за зубами.

Шестерка воронов, Ли Бардуго: Брум предупреждал Матиаса, что мир полон лжецов, искателей удовольствий и неверующих неучей.

Гранат и омела, Даяна Морган: Этот резкий аромат малины он ощущал в носу и даже на корне языка, словно пробовал кожу девушки на вкус.

Шестерка воронов, Ли Бардуго: Резкий аромат розы он ощущал в носу и даже на языке, словно пробовал девушку на вкус.

Гранат и омела, Даяна Морган: Слезы не смягчат его. Наоборот, он разозлится, а Дамиан почувствует себя жалким, а это было ни к чему. Он и так оставался до сегодняшнего дня для отца слабаком и бастардом от шлюхи.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Слезы не смягчали ее. Наоборот, Хэсина почувствовала бы себя жалкой, а это было ни к чему. В глазах матери она и так оставалась маленькой девочкой.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он чувствовал себя так, будто дракон с отцовского герба только что сбросил его с огромной высоты. Он летел кувырком, тщетно силясь зацепиться хотя бы за что-то знакомое и прочное.

Клинки императора, Брайан Стейвли: Каден почувствовал себя так, словно его сбросили с огромной высоты. Он словно летел кувырком, тщетно пытаясь зацепиться хоть за что-то прочное и знакомое.

Гранат и омела, Даяна Морган: бархатная женщина вскрикнула и запустила пальцы в свои коротко стриженные волосы соломенного цвета, походившие на луг со скошенной по осени травой. Ее тяжелые груди раскачивались, словно храмовые колокола.

Потомок Одина, Сири Петтерсен: Его волосы соломенного цвета были коротко подстрижены и походили на луг со скошенной травой.

Пламя страсти, Шаукат Эсхан: Она лежала на боку, ее рука была заведена за спину, тяжелые груди раскачивались, словно колокола.

Глава 10

Гранат и омела, Даяна Морган: Меч Дамиана с муторным треском угодил ему в лицо и сломал кости черепа. Брызнула яркая кровь.

Игра престолов, Джордж Мартин: Меч Робба с муторным треском угодил ему в лицо, брызнула яркая кровь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Кожа его зашипела, задымилась, прилипла к металлу. В воздух поднялась густая сладкая вонь горелой плоти. Капитан отнял клеймо, оставив на бледной коже черный ожог.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Кожа зашипела, задымилась, прилипла к металлу. Секунду спустя я отвел подкову, оставив на бледной коже черный ожог.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: В воздух поднялась густая сладковатая вонь горелой плоти.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон же не могла нормально вдохнуть: у нее в горле как будто засел крючок, и каждый взгляд на Горлойса был как болезненный рывок лески.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: У нее в глотке словно бы засел крючок, и каждый взгляд на Орсо был как болезненный рывок лески.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон замерла с широко распахнутыми глазами, словно воровка, застигнутая с рукой в чужом кошельке.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Она замерла с широко раскрытым ртом и распахнутыми глазами, словно воровка, застигнутая с рукой в чужом кошельке.

Гранат и омела, Даяна Морган: его меч пронзил внутренности инирца и вышел из поясицы, со скрежетом задев хребет.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Насквозь пронзил его внутренности и вышел из поясицы, со скрежетом зацепив хребет.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиану хотелось схватить Авалон за плечи и хорошенько встряхнуть, чтобы все слои ее выдумок открыли ее настоящее лицо.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Хэсине очень хотелось схватить Цайяня за плечи и хорошенько встряхнуть, ей понадобилось все ее самообладание, чтобы этого не сделать.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ни один полуобнаженный человек не мог выглядеть так угрожающе, как он в те мгновения таинства.

Проклятый наследник, Лаура Кнайдль: Ни один обнаженный человек не мог выглядеть настолько угрожающе, как Ларкин в этот момент.

Гранат и омела, Даяна Морган: Его лицо превратилось в железную маску, холодную и безжизненную.

Проклятый наследник, Лаура Кнайдль: Его лицо превратилось в стальную маску, холодную и безжизненную.

Гранат и омела, Даяна Морган: Это ощущение повторилось сейчас и опустилось ниже, закручиваясь горячей спиралью.

Королевство плоти и огня, Дженнифер Ли Арментроут: Его улыбка задела мое глупое сердце, и это ощущение опустилось ниже, закручиваясь спиралью.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но сразу поняла, что они близко — омерзительная вонь окутала их в один миг, точно опущенный полог.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Омерзительная вонь окутала их в одно мгновение, словно опущенный занавес.

Гранат и омела, Даяна Морган: Прислушавшись к звукам в хижине, Авалон успокоила птицу в груди, которая неистово билась о ребра.

Что скрывает прилив, Мелинда Солсбери: Он успокаивает птицу в моей груди, которая все бьется и бьется о ребра.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ей казалось, что чрево ее превратилось в черную гниющую дыру, сквозь которую утекает жизнь.

Дочь костяных осколков, Андреа Стюарт: Казалось, мой живот превращается в черную гниющую дыру.

Гранат и омела, Даяна Морган: Одинокая фигура, потерянная в своем великолепии и славе.

Неопалимая, Маргарет Роджерсон: одинокая фигура, потерявшаяся в своем великолепии.

Гранат и омела, Даяна Морган: На его голову лился эль, сверкая как золото — восхваление его доблести и отваги, под ноги сыпались звонкие монеты и цветы, а в объятия — плененные девушки.

Грешник, Эмма Скотт: На мускулистые плечи льется эль, сверкая, как жидкое золото. Песнопения становятся громче, его прославляют за то, что принес домой победу.

Гранат и омела, Даяна Морган: Среди снега она замечала упавшие знамена, разбитые телеги, разодранных лошадей, яркие клочки тканей и обломки металла. Из небольшого сугроба на нее взглянуло чье-то обглоданное лицо, под которым уже виднелся череп.

Буря мечей, Джордж Мартин: Среди раскиданных камней виднелись яркие клочки тканей и обломки металла. Из земли на Кейтилин взглянуло чье-то распадающееся лицо, под которым уже сквозил череп.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но даже мысль о том, что вечная вражда между двумя народами когда-то может быть закончена, не делала пиршество смерти менее мрачным и не приносила успокоения.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Они были дурными людьми, напоминала себе Бриенна, но эта мысль не делала пиршество смерти менее мрачным.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он спрятал руки за спину, но Авалон все равно заметила, как она потер одну руку о другую, словно стараясь стеречь жгучий след ее ядовитого прикосновения.

Безумный корабль, Робин Хобб: Спрятал руки под стол и тайком потер одну о другую, словно стараясь стереть жгучий след ее прикосновения.

Гранат и омела, Даяна Морган: Звук, полный мучительной агонии, который мог проявиться только при ране столь серьезной, что из голоса попросту исчезли человеческие признаки, остается только дикий звериный рык.

Черный человек, Ричард Морган: То же самое было, когда рука Аарона угодила в камнедробилку Дуги Страйкера, – звук полон агонии, ужас повреждения столь серьезного, что из голоса исчезают личные признаки, остается только вопль протеста, который мог издать кто угодно и что угодно.

Гранат и Омела, Даяна Морган: Ударил по щиту, выдрал его из руки инквизитора и отбросил в сторону. Следом рубанул с двух рук, развалил ему плечо и вышвырнул из седла в брызгах крови.<...> Дамиан рубанул по ноге, застрявшей в стремях.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Вот он ударил по щиту, отбросив его в сторону, рубанул державшего его человека, развалил ему плечо и вышвырнул его из седла в брызгах крови и кольчужных колец, рубанул по его ноге, застрявшей в стремях, и увидел оставшуюся в ней зияющую рану.

Гранат и омела, Даяна Морган: Снег превратил озеро в белоснежную пустыню. Деревья, тоже одетые в белое, стояли на другом берегу, как солдаты на смотре, а ветер поднимал в воздух невесомую порошу, сверкавшую осколками бриллиантов в жидком солнечном свете.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Снег, шедший столько дней, что Бран и счет потерял, превратил озеро в бескрайнюю белую пустыню.

Танец с драконами. Грёзы и пыль, Джордж Мартин: Деревья, одетые в белое, стояли плечом к плечу, как солдаты в бою.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Ветер поднимал в воздух белую пыль, сверкавшую как стеклянная в последних отблесках дня.

Глава 11

Гранат и омела, Даяна Морган: К середине дня они увидели со взгорья бурые колеи широкого тракта, змеившегося на юг через холмы и равнины.

Буря мечей, Джордж Мартин: Увидев со взгорья бурые колеи Королевского тракта, змеящегося на север через холмы и равнины, Джон потрепал кобылу по шее.

Гранат и омела, Даяна Морган: Чувство вины встряхнуло Дамиана, как пощечина.

Значит, я умерла, Хилари Дэвидсон: Чувство вины встряхнуло меня, как хорошая пощечина.

Гранат и омела, Даяна Морган: Только вот излишняя ненависть сжигает человека дотла.

Империя вампиров, Джей Кристофф: Излишняя ненависть сжигает человека дотла, шевалье.

Гранат и омела, Даяна Морган: порывы ветра прорезали теплую шерсть, точно нож.

Битва королей, Джордж Мартин: Начались ночные морозы, а порывы ветра, словно нож, прорезали самую теплую шерсть.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ветер хлестал в лицо, и ее волосы трепетали, словно черные знамена.

Голубая книга Арды: тучи разворачивались и трепетали на ветру, как черные знамена.

Гранат и омела, Даяна Морган: Тяжелый сырой ветер с реки сопровождал их, пытаясь забраться под одежду, словно нетерпеливая любовница.

Игра престолов, Джордж Мартин: ветер пытался забраться под его одежду, подобно настырной любовнице.

Гранат и омела, Даяна Морган: До конца дня время ползло, точно червяк в патоке.

Буря мечей, Джордж Мартин: ... время ползло, словно червь в патоке.

Гранат и омела, Даяна Морган: Раскаленные змеи проползли ему в глотку и обожгли грудь.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Раскаленные змеи проползли ему в глотку и обожгли грудь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Холодная ярость подпитала его бесстрашие.

Значит, я умерла, Хилари Дэвидсон: холодная ярость подпитывала мое бесстрашие.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ее слова упали на него, как искра на трут. Он ощутил, как под глазом дернулся мускул.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Ее слова упали как искра на трут.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: У Лота под глазом дернулся мускул.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она лежала к нему лицом, уснув щекой в озере черных волнистых волос. Шкура сползла с ее плеча, и открывшуюся впадинку под горлом заполнил золотом солнечный блик.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Эда уснула щекой в озере черных волос.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Открывшуюся впадинку под горлом заполнил молоком лунный свет.

Гранат и омела, Даяна Морган: Пройдя вверх по течению и перебравшись через ручей, ломая тонкий лед, они услышала вой — долгий нарастающий звук, ветром прошелестевший в ущелье.

Игра престолов, Джордж Мартин: Перебравшись через ручей, они услышали вой, долгий нарастающий стон, холодным ветром прошелестевший среди деревьев.

Гранат и омела, Даяна Морган: С каждой мыслью сердце его проваливалось в холодную бездну.

Песня чудовищ, Анастасия Андрианова: С каждым шагом коня сердце всё глубже проваливалось в холодную бездну.

Гранат и омела, Даяна Морган: Комнатушки, пыльные, с низкими потолками, располагались наверху узкой лестницы.

Игра престолов, Джордж Мартин: Комнатушки, низкие и пыльные мансарды, располагались наверху тесной узкой лестницы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Миновав почтарские конюшни, Дамиан отыскал сносную на вид гостиницу «У Марты»: огромный дом из оштукатуренного кирпича, верхние этажи которого нависали над улицей.

Игра престолов, Джордж Мартин: Нужный им человек жил почти на самой вершине холма, в огромном доме из оштукатуренного дерева, верхние этажи которого нависали над узкой улицей.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он вдруг задумался над этим словом и осознал, что не помнит, когда в последний раз был счастлив.

Продажное королевство, Ли Бардуго: Он уже и не помнил, когда в последний раз был так счастлив.

Гранат и омела, Даяна Морган: И даже несмотря на туман в голове из-за выпитого алкоголя, Дамиан насторожился.

Продажное королевство, Ли Бардуго: Даже несмотря на туман в голове из-за выпитого виски, Ретвенко насторожился.

Гранат и омела, Даяна Морган: Вместо тростника пол покрывали аляпистые ковры, стены были завешены такими же разноцветными гобеленами.

Игра престолов, Джордж Мартин: Вместо тростника пол покрывали мирийские ковры, в уголке, на резной ширме, привезенной с Летних островов, скакала сотня сказочных животных, написанных яркими красками.

Гранат и омела, Даяна Морган: Чувствуя себя, словно ступает по медовым сотам сна, — пол покачивался под ногами, как палуба корабля, — Дамиан прошел вперед, когда услышал плеск воды.

Восстание королевы, Ребекка Росс: Я скользнула от ее шатра к другому, следуя за цветами и плющом, чувствуя себя так, будто ступаю по медовым сотам сна.

Гранат и омела, Даяна Морган: Загрибок покалывало от страха, дыхание сипло вырывалось из груди.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: Он углубился в кривые боковые улочки, загрибок покалывало от страха, дыхание сипло вырывалось из груди.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он высоко задирает морду, как и положено упрямому созданию с именем Гордец.

Корона из перьев, Ники Пау Прето: Конь высоко задирает морду, как и положено гордому, упрямому созданию, которым он был, не давая вставить себе в рот удила.

Гранат и омела, Даяна Морган: Слова, ядом вытекшие из его рта, ненадолго подарили ему чувство очищения.

Поток, Сири Петтерсен: Слова ядом вытекали из его рта и дарили чувство очищения по мере того, как покидали тело хозяина.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Грудь Авалон часто вздымалась, а дышала она так, будто воздух был полон осколков стекла.

Корона из золотых костей, Дженнифер Ли Арментроут: Она дышала так, будто воздух был полон осколков стекла.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ответ не заставил себя ждать — эта ядовитая стрела уже давно была положена на тетиву и готова к полету.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Ответ Корэйн не заставил себя ждать — эта стрела уже давно была вставлена в лук и готова к полету.

Гранат и омела, Даяна Морган: У фонтана жеребец остановился, опустил усатую морду за каменный борт и припал к воде.

Профессия: ведьма, Ольга Громыко: У фонтана сивый жеребец остановился и, опустив длинную усатую морду за каменный бортик, припал к воде.

Гранат и омела, Даяна Морган: Тяжело вздохнув, снова припал к воде, и Дамиан услышал, как в его подрагивающих боках булькает глотаемая вода.

Профессия: ведьма, Ольга Громыко: Ромашка тяжело, благодарно вздохнула, и я услышала, как в ее подрагивающих боках булькает глотаемая вода.

Гранат и омела, Даяна Морган: Бывали такие моменты, когда неопределенность и печаль сгущались до предела, когда Дамиан, как сегодня, чувствовал, что он — тупица и полное ничтожество.

Когда умирает король, Элина Бакман: Бывают такие периоды, когда до предела сгущается неопределенность, когда чувствуешь: ты — уродливое ничтожество.

Гранат и омела, Даяна Морган: Мышцы под его кожей ходили ходуном, напоминая рябь на поверхности моря. Жеребец был невероятно прекрасен: казалось, он состоял не из плоти и крови, а из литой бронзы.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Мышцы под его кожей ходили ходуном, напоминая рябь на поверхности озера. Он был прекрасен; казалось, он состоит не из плоти, а из литого металла.

Гранат и омела, Даяна Морган: Они проехали мимо амбаров, кирпичных складов, домов купцов, торговой площади, улицы бархатных домов, кладбищ и покосившихся театров. Здания в бедной части города разделяли узкие дороги, от которых отделялись кривые улочки и переулки, где два человека едва могли разойтись.

Игра престолов, Джордж Мартин: Дворцы в рощах, амбары, кирпичные склады, бревенчатые гостиницы, дома купцов, таверны, кладбища, бордели — все друг на друге. Гомон рыбного рынка был слышен даже с моря. Здания разделяли широкие дороги, обсаженные деревьями, от них отделялись кривые улочки, а переулки были такими узкими, что два человека едва могли разойтись.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ее испуганный взгляд ударился о его самообладание, как камешек о поверхность озера, распустив круги на поверхности.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Акира посмотрел на Хэсину, и его взгляд ударился о ее сердце, словно камешек, оставляя расходящиеся круги, в которых эхом повторялся один и тот же вопрос.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан мотнул головой, пытаясь вытряхнуть оттуда воспоминание. Ему нужно немного льда в кровь и снега за шиворот, чтобы думать яснее.

Судьба убийцы, Робин Хобб: — Он резко мотнул головой, словно пытаясь вытряхнуть оттуда вопрос Ланта.

Тень богов, Джон Гвинн: Ему нужно немного льда в крови, чтобы видеть мир яснее.

Гранат и омела, Даяна Морган: То и дело его сознание трепыхалось, точно выброшенная на берег рыба, и пыталось отрицать все те несчастья, которые с ним приключились.

Магия отступника, Робин Хобб: Мое сознание отчаянно трепыхалось, точно попавшаяся на крючок рыба, и наконец снова зацепилось за мальчика-солдата.

Гранат и омела, Даяна Морган: То и дело его сознание трепыхалось, точно выброшенная на берег рыба, и пыталось отрицать все те несчастья, которые с ним приключились.

Магия отступника, Робин Хобб: Мое сознание отчаянно трепыхалось, точно попавшаяся на крючок рыба, и наконец снова зацепилось за мальчика-солдата.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Она отпрянула от ширмы и продолжила задевать его, не зная, какой пожар уже разожгла в нем. Дамиан посмотрел на свои руки. Кровь пульсировала под кожей на запястьях.

Поток, Сири Петтерсен: А она снова повернулась к Эйрику и продолжила разговор с ним, как будто не знала, какой пожар сейчас разожгла. Ример посмотрел на свои руки. Кровь пульсировала под кожей на запястьях.

Гранат и омела, Даяна Морган: Гостиница пропиталась запахом дыма, пота и чесночных сосисок, острый аромат которых заставил желудок Дамиана заныть.

Танец с драконами. Грёзы и пыль, Джордж Мартин: Запахло чесночными сосисками, острый аромат заставил взвыть пустой желудок.

Гранат и омела, Даяна Морган: Хозяйка гостиницы, — видимо, та самая Марта, — суется, мельтешила по залу, как обычно делают невысокие, но деловые люди — так, будто пыталась создать впечатление, что заслуживает больше пространства. Кухарка, пристроившаяся за стойкой, щедро сыпала ее мукой и выкладывала поднявшееся тесто. Растянув его несколько раз, она пухлыми пальцами стала мять и вертеть его, то и дело добавляя муку, пока оно не заблестело, точно дорогой сатин.

Цветок тьмы, П.М. Фристоун: Он, суется, проходит по комнате, как обычно делают невысокие люди — словно пытаются создать впечатление, будто заслуживают больше пространства.

Миссия шута, Робин Хобб: Когда она расставила все передо мной, я кивком поблагодарил ее, а она пристроилась у противоположной стороны стола, щедро посыпала его мукой и выложила на нее поднявшееся тесто. Девушка начала мять и вертеть его, время от времени добавляя муку, пока оно не заблестело, как шелковое.

Гранат и омела, Даяна Морган: А сейчас, извини, мне нужно раздать указания, чтобы вскипятить воду для купели, поменять постельное белье, подмести пол и принесли вам блюда из кухни. Позже я отправлю служку почистить ваши сапоги и сжечь вашу старую одежду.

Колдовская метка, Дэн Патрик: Она сразу поручила Стейнеру несколько дел, слишком разнящихся с работой в кузнице: вскипятить воду для купели; поменять постельное бельё; принести блюда из кухни; подмести и протереть пол в кабинете, приёмной и коридоре за её пределами. Он начистил ботинки и отнёс одежду в прачечную в чёрных холщовых мешках.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но на мгновение яма дерьмища, в которой он очутился, внезапно стала казаться глубже фута на четыре.

Империя вампиров, Джей Кристофф: Дерьмище, в котором я оказался, внезапно стало глубже фута на три.

Глава 12

Гранат и омела, Даяна Морган: Глаза ело, слезы обжигали щеки расплавленным свинцом.

Король Лир, Шекспир: и слезы жгут щеки мне расплавленным свинцом.

Гранат и омела, Даяна Морган: смерть с воплем протянула к ним руку.

Игра престолов, Джордж Мартин: Смерть с воплем протянула к нему руку.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ее, точно тяжелым одеялом, накрыло воспоминанием о том, как он истязал себя.

Корона из перьев, Прето Пау: точно тяжелым одеялом, накрыло воспоминаниями.

Гранат и омела, Даяна Морган: проглатывая гордость, которая на вкус напоминала желчь.

Злой король, Холли Блэк: — Хорошо, — говорю я, проглатывая гордость, хотя на вкус она напоминает желчь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Свет от факела лизнул его лицо рыжим языком, и Дамиан прищурился.

Буря мечей, Джордж Мартин: свет лизал его лицо рыжим языком.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон могла поклясться, что услышала, как треснуло ее сердце.

Грехи распутного герцога, Софи Джордан: Девушка осталась стоять на месте, глядя в дикие голодные глаза мальчишки и думая о том, что только что услышала, как треснуло ее сердце.

Гранат и омела, Даяна Морган: Теплая капля упала ей на губы и просочилась на язык.

Из крови и пепла, Дженнифер Арментроут: на мои губы упала капля крови и просочилась на язык.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он видел мир черно-белым и не замечал грязных оттенков серости, что находились между ними. А ведь это были цвета пепла очищающих костров, на которых они сжигали ведьм. <...> Это были цвета дыма, что поднимался в небеса, где находились два бестолковых бога.

<...>

Это был цвет ее собственной души.

Змей и голубка, Шелби Махерин: Не ведая сомнений, он видел мир черно-белым и от угольной грязной серости, что находилась между, не страдал. А ведь то были цвета пепла и дыма. Страха и колебаний. Мои цвета.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан же ушел, забрав с собой, как ей показалось, весь воздух, что был в ее легких.

Готикана, Ру Никс: Вскоре прозвенел звонок, и мистер деверелл ушел, забрав с собой весь воздух, что был в ее легких.

Гранат и омела, Даяна Морган: Слов было так много, что ей казалось, будто она умрет от удушья — они толпились в ее горле и застревали в тесноте, так и не сорвавшись с языка.

Дети великого шторма, Наталья Осояну: Точнее, слов было слишком много — они как будто толпились у него в горле и умирали от тесноты и удушья, так и не сорвавшись с губ.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он долго смотрел, не отрываясь, а потом поднял взгляд, и еще более пристально посмотрел на Авалон своими алыми слезящимися глазами.

Буря мечей, Джордж Мартин: Плакальщик еще более пристально посмотрел на Джона своими красными слезящимися глазами.

Гранат и омела, Даяна Морган: В этот момент горизонт порозовел, и белый мрамор на террасе зарумянился в свете утренней зари.

Трилогия Дэвабада, Шеннон Чакраборти: Белый мрамор зарумянился от света утренней зари, и две крохотные птички щебетали и плескались в фонтане.

Гранат и омела, Даяна Морган: Оковы, которые человек надел на себя добровольно, разбить труднее всего.

Дракон не дремлет, Джон М. Форд: ...а оковы, в которые человек заковал себя по собственной воле, разбить труднее всего.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Я не хочу умирать, — призналась Авалон едва слышно и возненавидела себя за поскуливание в голосе.

Дочь костяных осколков, Андреа Стюарт: – Не знаю, как с ней говорить, – призналась Фалу и возненавидела себя за поскуливающие нотки в голосе.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дурное предчувствие надавило ей на плечи, как тяжелая шаль.

Быть ли свадьбе?, Шэрон Кендрик: Дурное предчувствие витало вокруг и давило на плечи, как тяжелая мантия.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон позволила событиям идти своим чередом, катиться сквозь нее, словно волнам.

Черный человек, Ричард Морган: Карл позволил событиям идти своим чередом, катиться сквозь него, словно волнам.

Гранат и омела, Даяна Морган: Внутри них таится тьма, их поцелуи — медленный, смертельный яд, а объятия полны ложных обещаний и сладострастия могильного холода. (Эта цитата повторяется 7!!! раз)

Аракчеев, Николай Гейнце: Это женщины, поцелуй которых - медленный, но смертельный яд, а объятия полны сладострастия могильного холода.

Гранат и омела, Даяна Морган: Снаружи хлопьями валил снег. Авалон зябко поежилась, когда почувствовала прикосновение снежинок к лицу. Тая, они казались ей каплями ласкового лесного дождя.

Игра престолов, Джордж Мартин: Падал легкий снежок, Бран ощущал прикосновение хлопьев к лицу; тая, они прикасались к его коже каплями самого ласкового и тихого из дождей.

Гранат и омела, Даяна Морган: На площади ревело пламя: очищающий костер пылал в ночи, вонзая свои огненные когти в обсидиановое брюхо ночи

Буря мечей, Джордж Мартин: Они вместе припустили к воротам, далеко обойдя костер, уже вонзивший свои когти в черное брюхо ночи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Это был ярко-рыжий зверь, плюющийся искрами вокруг себя и приводящий в движение армию теней на стенах домов.

Буря мечей, Джордж Мартин: Молитвенный костер пылал в густеющих сумерках, ярко-рыжий зверь, бросающий тени на двадцать футов от себя и приводящий в движение армию горгулий на стенах Драконьего Камня.

Гранат и омела, Даяна Морган: Волны зноя поднимались от него ввысь, колебля воздух, и находящиеся на площадке люди в белом казались миражем.

Буря мечей, Джордж Мартин: Волны зноя поднимались от него, колебля воздух, и ступенчатые пирамиды Астапора вокруг площади казались миражем.

Гранат и омела, Даяна Морган: Резкий ветер рвал пламя их факелов и полы одежд.

Битва королей, Джордж Мартин: Резкий ветер рвал пламя факелов, поставленных на стене рядом с головами.

Гранат и омела, Даяна Морган: Коснувшись его груди, она приблизилась и ощутила его раздражение, распространявшееся, словно жар вокруг костра.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Касго промолчал, но Малта явственно ощутила его раздражение, распространявшееся, как жар кругом нагретой печи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Мысли разбегались, словно круги от падающих в воду капель.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Кеннит что-то говорил, и от звука его голоса мысли разбегались в стороны, словно круги от падающих в воду капель.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан, пока она терзалась сомнения, сжал челюсти и слегка наклонил голову — как собака, когда к чему-то прислушивается.

Черный человек, Ричард Морган: Онбекенд сжал челюсти и слегка склонил голову — как собака или волк, когда к чему-то прислушивается.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан, пока она терзалась сомнения, сжал челюсти и слегка наклонил голову — как собака, когда к чему-то прислушивается.

Черный человек, Ричард Морган: Онбекенд сжал челюсти и слегка склонил голову — как собака или волк, когда к чему-то прислушивается.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан вдруг наклонился, поцеловал ее в шею и провел большим пальцем по соску. <...> Авалон запрокинула голову, позволив ему проложить губами пылающую дорожку. Ощутила влажность его языка, остроту клыков, когда он укусил ее.

Королевство плоти и огня, Дженнифер Ли Арментроут: Кастил провел большим пальцем по розовому соску, отчего я ахнула.

Королевство плоти и огня, Дженнифер Ли Арментроут: Я запрокинула голову, а он проложил губами пылающую дорожку к зажившему укусу. Я ощущала влажность его языка, порочную остроту клыков, которыми он царапал мою кожу.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ей показалось, что он сейчас ее ударит, но черты его лица исказило неукротимое желание. Его выдержка словно подернулась рябью, точно воздух, трепещущий над костром.

Зимнее серебро, Наоми Новик: И вдруг его черты исказило неукротимое желание, его красота точно подернулась рябью, как воздух, трепещущий над костром.

Глава 13

Гранат и омела, Даяна Морган: Он замороженно смотрел на нее, укутанную в теплый плащ, и у него в животе зародился отголосок какого-то бархатистого чувства.

Готикана, Ру Никс: Он ничего не сказал, а просто смотрел на нее, сидящую на корточках, и у нее в животе зародился отголосок какого-то бархатистого чувства.

Гранат и омела, Даяна Морган: ответил он и тут же почувствовал, что запустил ей под кожу колючку.

Корабль судьбы, Робин Хобб: хмыкнул он. И сразу почувствовал, что запустил ей под кожу колючку.

Гранат и омела, Даяна Морган: И тут же очутился в воде, насквозь мокрый, отчаянно отплевываясь и отфыркиваясь.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: И тут я очутился в воде, мокрый насквозь, отчаянно отплевываясь. Отфыркиваясь, я поднялся на ноги.

Гранат и омела, Даяна Морган: В последние пару часов он отчетливо ощущал, как опьянение постепенно сменяется похмельем — и именно им он оправдывал свое раздражение от правдивого укола.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: В последние несколько часов я отчетливо ощущал, как опьянение постепенно сменяется похмельем.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сердце у Дамиана стало огненным и жгучим, как раскаленный металл.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Сердце у меня было огненное и жгучее, как раскаленный металл.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан ощутил внутри медленно тлеющий гнев, похожий на раскаленные угли под слоем пепла.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Медленно тлеющий гнев, подобный раскаленным угольям под тонким слоем пепла.

Гранат и омела, Даяна Морган: Пальцы у нее были ледяные, как десять крошечных льдинок.

Змей и голубка, Шелби Махерин: Пальцы у нее были ледяные, как десять крошечных льдинок.

Гранат и омела, Даяна Морган: Его слова повисли между ними, как выплеснутая отрава.

Буря мечей, Джордж Мартин: Слова повисли между ними, как отравленная сталь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Может быть, он был испуган сильнее, чем мог себе сознаться. А, может, в него просто вселился бес противоречия, и он хотел выжить вопреки желанию Ерихона, плетущего интриги.

Хроники черного отряда, Гленн Кук: Может, я был испуган сильнее, чем мог себе сознаться. А может, в меня просто вселился бес противоречия.

Гранат и омела, Даяна Морган: Луна широко распахнула свой серебряный глаз, и он плыл по темным водам в каскадах.

Саманта Шеннон, Обитель апельсинового дерева: Луна наполовину прикрыла свой глаз, и они плыли по водам, темным, как его мысли.

Гранат и омела, Даяна Морган: А теперь Дамиан своими руками навертел такого, что сам запутался, предатель он или нет: ведь стоило совершить одну измену, и она могла проложить путь для новых.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Стоит совершить одну измену, и она проложит путь для тысячи других.

Гранат и омела, Даяна Морган: Горячая кровь потекла по пальцам, как растопленное масло и как очищающий священный огонь.

Игра престолов, Джордж Мартин: Тепло струилось по пальцам, как растопленное масло.

Гранат и омела, Даяна Морган: Если кто-то рядится в белое, у него точно проблемы, точно тебе, дорогуша, говорю.

Дочь дыма и костей, Лэйни Тейлор: Если кто-то рядится во все белое, у него точно есть проблемы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он ощутил ее пренебрежение — колючее, точно горсть песка, брошенная в лицо, — и поспешил лечь.

Судьба шута, Робин Хобб: Я проснулся, ощущая ее пренебрежение, колючее, точно горсть гальки, брошенная в лицо.

Гранат и омела, Даяна Морган: Эта дорога была опасна — копнешь слишком глубоко и выкопаешь себе могилу.

Первый закон, Джо Аберкромби: Копнешь слишком глубоко — и выкопаешь себе могилу.

Гранат и омела, Даяна Морган: — невозмутимо спросил Варес, словно не подозревая, что выпускает стрелы в и без того уязвленную гордость.

Корона из перьев, Ники Пау Прето: – отдельно проговорил командер, словно выпуская стрелы в и без того уязвленную гордость Тристана.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дождавшись, пока Марта пройдет мимо, к Авалон, Дамиан бросил на Вареса взгляд, который испепелил бы его на месте, если бы его взгляды на него действовали.

Королевство плоти и огня, Дженнифер Ли Арментроут: Я бросила на него взгляд, который испепелил бы его на месте, если бы мои взгляды на него действовали.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сохранять такое расстояние стало практически больно, и ему необходимо было выбрать: отстраниться или придвинуться ближе.

Достойный высший суд, Лия Арден: Я стою слишком близко, сохранять такую дистанцию становится практически болезненно, и мне жизненно необходимо что-то выбрать, отстраниться или придвинуться ближе.

Гранат и омела, Даяна Морган: По-видимому, Варес остался невосприимчив, судя по тому, что его ухмылка стала шире.

Королевство плоти и огня, Дженнифер Ли Арментроут: По-видимому, они на него не действуют, судя по тому, что его ухмылка стала еще шире.

Гранат и омела, Даяна Морган: Смахнув с лица воду, она прокашлялась и попыталась к борту, созданного известью, волосы тянулись за ней, словно дымчатое знамя, а бледное тело то и дело мелькало в темно-бирюзовой воде.

Как король Эльфхейма научился ненавидеть истории, Холли Блэк: Волосы Никасии тянулись за ней, превращаясь в дымчатое знамя, а ее бледное тело то и дело мелькало в темной воде.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он был никем, гнилым плодом рода своего отца, но отчаянно желал стать кем-то нужным и обрести значимость для короля.

Рубиновый лес, Анастасия Гор: Я была никем, пустым звуком собственного имени и рода, но отчаянно хотела стать кем-то и обрести собственный голос.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он жил в окружении лгунов, убийц и храмовников с родовыми именами, ненависть которых заслужил по праву рождения не с той стороны королевской кровати.

Рубиновый лес, Анастасия Гор: А по итогу всё заканчивалось здесь – в неметоне у подножия моего родного замка, в окружении безродных убийц и воров, ненависть которых я заслужила по праву рождения.

Гранат и омела, Даяна Морган: Его ярость словно обратилась в монстра, пробивающегося из него наружу.

Прикосновение разрушения, Скарлетт Сент-Клэр: Ее смятение словно обратилось в монстра, пробивающегося из нее наружу.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но цепляться за надежду, не опираясь на здравый смысл, — это верный путь к смерти.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Цепляться за надежду, не опираясь на здравый смысл, – это верный путь к провалу.

Гранат и омела, Даяна Морган: Выпив остывающее варево из котла, она улеглась, но долгое время потом копошилась, пока в итоге не уснула в странной позе: полулежа, прислонившись спиной к корням хвои и обратившись лицом к костру.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Убийца-амхара спала в странной позе: полусидя, прислонившись к корням дерева спиной и обратившись лицом к их скромной стоянке.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон оставила в нем жало, и оно нестерпимо жгло своей возмутительной честностью.

Мы оседлаем бурю, Девин Мэдсон: Но она оставила во мне жало, оно жгло своей честностью, и я тяжело сглотнул, страшась ответа, но все же чувствуя необходимость задать вопрос.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан понимал: между ними что-то происходит, и он, даже если постарается, не сможет это остановить.

Дочь костяных осколков, Андреа Стюарт: Тогда она понимала: между ними что-то происходит и она, даже если постарается, не сможет это остановить.

Гранат и омела, Даяна Морган: Да, его глупые решения и так множились, как идущая на нерест рыба.

Дочь костяных осколков, Андреа Стюарт: Мои глупые решения множились, как идущая на нерест рыба.

Гранат и омела, Даяна Морган: Варес вернулся, и они покинули горячие источники: пролетели через клубы тумана, набившегося в легкие, как мокрая шерсть.

Облачные дороги, Марта Уэллс: Горы простирались до самого горизонта, но даже когда небо заволокло тучами и они полетели через холодный туман, набивавшийся им в легкие, как мокрая шерсть, они не сбились с пути.

Гранат и омела, Даяна Морган: Варес улыбнулся ему такой улыбкой, какой Лилит могла одарить инквизитора, ступающего на ее Берег.

Бледный всадник, Корнуэлл Бернارد: Веланд улыбнулся мне – такой улыбкой дьявол мог одарить епископа, входящего в ад.

Гранат и омела, Даяна Морган: Потом на горизонте показался отряд всадников, и они еще день скакали через горы наперегонки с собственными тенями, а по пятам за ними следовала ночь: холодная, хищная и опасная.

Вкус дыма, Ханна Кент: Скачем через горы наперегонки с собственными тенями.

Оникс и слоновая кость, Минди Арнетт: По пятам за ними следовала ночь, хищная и опасная.

Гранат и омела, Даяна Морган: Похоже, порочными грезами можно было отравиться так же, как и ядовитыми цветами.

Человек, который смеется, Виктор Гюго: Грезами можно отравиться так же, как цветами.

Гранат и омела, Даяна Морган: Прошлое — отравленная солью земля, на которую он больше не имел права вступить.

Дьявол и темная вода, Стюарт Тёртон: Мол, прошлое – как отравленная земля, способная погубить тех, кто на нее забредет.

Гранат и омела, Даяна Морган: Лживая надежда — вечная приманка, потому что именно Дамиан был тем, кто приказал завалить тоннель.

Королевство шипов и роз, Сара Дж. Маас: Надежда – вечная приманка, особенно для голодного ума.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он молча вдыхал и выдыхал минуты, пока его разум не отдал швартовы и уплыл в темные воды.

Пока течет река, Диана Сеттерфилд: Они молча вдыхали и выдыхали минуты, пока таким образом не прошел целый час.

Гранат и омела, Даяна Морган: Смерть, конечно, была для него желанным другом. Вместе они провели годы рука об руку, следуя друг за другом, как ночь за сумерками. С другой стороны, никогда раньше он не ощущал дыхание смерти на своем затылке настолько часто.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Для Сорасы Сарн смерть была желанным другом. Они с богиней Лашрин провели много лет рука об руку. Одна следовала за другой, как ночь за сумерками. Но никогда раньше Сораса не ощущала ее дыхание настолько близко.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан проснулся от жжения в правой ноге, которое глодало его беззубой псиной... Уже вечерело, и длинные тени выползали из-под корней, проталкивая черные пальцы ночи между деревьями. Сизый дымок, клубами поднимавшийся от костра, превращался в змеистую струю.

Буря мечей, Джордж Мартин: Боль глодала его, как беззубая собака.

Буря мечей, Джордж Мартин: Уже вечерело, и длинные тени ползли вниз по горам, проталкивая черные пальцы между соснами.

Игра престолов, Джордж Мартин: Арья видела серый дымок, клубами поднимавшийся от факела, превращаясь в змеистую струю.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан вдруг ощутил свою душу: дряблую, как моллюск, влажную и скукоженную.

Дочь дыма и костей, Лэйни Тейлор: Возможно, ее тело и сработано из алмазов, зато душа дряблая как моллюск, влажный и скукоженный.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сердце у Дамиана стало огненным и жгучим, как раскаленный металл. Оно жгло его изнутри, когда он смотрел ей в черные глаза, пылало, когда он опустил взгляд на ее губы.

<...>

Уязвленная гордость и вода погасили его сердце. Оно мрачно тлело, когда он наблюдал за тем, как он выбирается из воды.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Сердце у меня было огненное и жгучее, как раскаленный металл. Оно жгло меня изнутри, пока я возвращался в Северен. Оно пылало во мне, пока я шел через город и

ждал грузового подъемника. Оно мрачно тлело, когда я прошел через дворец маэра и захлопнул за собой дверь своих апартаментов.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она опустила кинжал и подалась навстречу его руке. Хмурость на ее лице растворилась в нежной улыбке.

Змей и голубка, Шелби Махерин: Она подалась навстречу моей руке, и хмурость на ее лице растворилась в улыбке.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан не хотел извлекать на свет княжев призраки прошлого. Они были голодны, сидя взаперти у него в сердце, за дверью, которую он не открывал так долго, что петли проржавели.

Империя вампиров, Джей Кристофф: Не хотелось извлекать на свет призраки прошлого. Они тоже были голодны. Сидели взаперти у него в голове, за дверью, которую не открывали так долго, что петли проржавели.

Гранат и омела, Даяна Морган: А такие вопросы всегда самые страшные, поскольку люди всегда боятся выслушать ответы, звучащие в собственной голове.

Империя вампиров, Джей Кристофф: Правда в том, что вопросы, звучащие в тишине, – всегда самые страшные, поскольку большинство людей не удосуживается выслушать ответы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Несмотря на опасность быть пойманным, а может быть, именно благодаря ей, **воспоминания эти вдруг стали смертельно острыми, точно битое стекло**, и опасно упирались в его спину.

<...>

Он боялся порезаться, но и отпускать не спешил, потому что выбрось он их — и они превратились бы в оружие, которое стало бы угрожать его жизни.

Империя вампиров, Джей Кристофф: Воспоминания эти, несмотря на выпитое вино, были все еще остры, точно битое стекло, и он опасался держаться за них слишком крепко – чтобы не порезаться, – но и отпускать не спешил.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ветер, пахнувший хвоей, зашуршал в кронах деревьев, задержал одежду Дамиана, потрепал огонь костра,

разбрасывающего оранжевые блики света, и закачал небольшой булькающий котелок.

Буря мечей, Джордж Мартин: Ветер, пахнувший хвоей, шуршал в деревьях, теребя его выцветшую черную одежду.

Гранат и омела, Даяна Морган: — голос Вареса, обычно состоявший из прямых металлических звеньев, стал внезапно вкрадчивым и поддался подозрительной мягкости.

Ученик убийцы, Робин Хобб: Мягкий говор мог бы сравниться с перевитой золотой цепью, тогда как речь Верити состояла из прямых металлических звеньев.

Гранат и омела, Даяна Морган: Тяжкие последние дни одарили его зверским аппетитом. Правда, столь же зверски у него болели все мышцы.

Безумный корабль, Робин Хобб: Тяжкие труды сегодняшнего дня одарили его зверским аппетитом. Правда, столь же зверски у него болели все мышцы...

Гранат и омела, Даяна Морган: Дорожка, по которой они ехали, выплеснула их из-под лесного покрова прямо к травертиновым белым каскадам с природными бассейнами.

Безумный корабль, Робин Хобб: Он бежал и бежал, пока дорожка буквально не выплеснула его из-под лесного покрова на широкое поле над морским берегом.

Гранат и омела, Даяна Морган: Небось мозоль на языке не вскочит, если скажешь пару приятных слов.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Небось мозоль на языке не вскочит!

Гранат и омела, Даяна Морган: Тупая боль в паху отзывалась внутри острым приступом страдания.

Безумный корабль, Робин Хобб: Тупая боль, к которой сама она вроде бы притерпелась в долгой разлуке с Проказницей, неожиданно отзывалась острым приступом страдания.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан собирался уйти, даже сделал несколько шагов назад, но потом обреченно выдохнул — сквозь зубы, со свистом — и стал смотреть на нее, прислонившись плечом к ближайшей иве, которая скрывала его присутствие.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Он вздохнул – сквозь зубы, со свистом – и стал смотреть в маленькое зеркальце на стене, стараясь увидеть себя Малтиными глазами.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан, наблюдая за тем, как Авалон пробиралась между покрытыми снегом и сажей обломками, рухнувшими на пол, пропустил выдох сквозь сжатые зубы.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Роника осторожно пробиралась между покрытыми сажей обломками, рухнувшими на каменный пол.

Гранат и омела, Даяна Морган: Хотя и знал, что бой этот на самом деле не выигран, а лишь отсрочен.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Или он знал, что бой на самом деле не выигран, а только отсрочен?

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиану захотелось стереть ухмылку с его рожи, но он подавил этот порыв. Видимо, капитан так и будет улыбаться до самой могилы.

Жестокий принц, Холли Блэк: Хочется стереть ухмылку с его рожи, но не получится. Похоже, он так и будет улыбаться до самой могилы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан вдруг испытал благодарность к отцу: он объехал почти каждый уголок Инира по его приказам. Эдуард говорил, что солдат Храма всегда должен знать землю, которую собирается очищать от вэльвской скверны. Где поля, а где трясины, где бурные реки, а где броды.

Королевская отравительница, Уилер Джефф: Я объехал почти каждый уголок этого королевства по приказам брата. Он говорил, что солдат всегда должен знать, по какой земле он едет. Где трясины, а где броды. Где водопады.

Гранат и омела, Даяна Морган: Закусив губу, чтобы не ляпнуть чего-то оскорбительного, Дамиан пересек подвал и опустился на землю, задыхаясь от изнеможения. Болели даже те части тела, о существовании которых он раньше и не подозревал.

Оникс и слоновая кость, Минди Арнетт: Завязав на талии шнурок, Корвин пересек комнату и опустился на диван, задыхаясь от изнеможения. Болели даже те части тела, о существовании которых он прежде не подозревал.

Гранат и омела, Даяна Морган: Тьма скрывает гнусные пороки, таящиеся в темных углах, куда не попадает ни один отблеск княжева огня.

Проклятый наследник, Лаура Кнайдль: Этот район нельзя было назвать приятным даже днем, и теперь ночная мгла скрывала самые гнусные пороки. Они таились в темных углах, куда не попадал ни один отблеск лунного света.

Гранат и омела, Даяна Морган: Раны приятно пульсировали, кровь щекотно скользила по коже и капала с пальцев прямо в пыль, где скатывалась в маленькие шарики грязи.

Божество реки, Уилбур Смит: Капли крови падали в пыль и скатывались в маленькие шарики грязи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Князь даровал людям омелу, и она могла даже остановить кровопролитие между воинами: если им случилось встретиться под деревом, на котором она росла, они обязаны были сложить оружие и в тот день больше не сражаться.

Энциклопедия “Символы, знаки, эмблемы” Телицин В.: Если врагам случилось встретиться под деревом, на котором росла омела, они обязаны были сложить оружие и в этот день больше не сражаться.

Гранат и омела, Даяна Морган: На камнях после пожара до сих пор виднелись черные пятна.

Пир стервятников, Джордж Мартин: На камнях после пожара остались черные пятна, но в этом приходилось полагаться на дожди и на время.

Глава 14

Гранат и омела, Даяна Морган: Она не надеялась, что он изменит отношение к ней или к тому, кто она такая, ведь семена ненависти, что в него посадили храмовники, зацвели и распустились ядовитыми цветами задолго до того, как рок столкнул их судьбы и разбил друг об друга.

Собор Парижской Богоматери, Виктор Гюго: В смятении он оглянулся на тот двойной извилистый путь, которым рок predetermined пройти их судьбам до того перекрестка, где он безжалостно столкнул их и разбил друг о друга.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Я же говорил, что ты будешь самой драгоценной в моей коллекции, Авалон. Я обещал тебя забрать, — сказал он тихо, вливая слова лишь в ее уши.

Молитва из сточной канавы, Ханрахан Гарет: – Один твой приятель, судя по всему, упырь, – произнес Онгент. Тихим голосом, вливая слова лишь в ее уши, хотя на станции не было почти никого.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сначала она была не более, чем слабыми рубцами на затопленном лужами теле равнины: отпечатки копыт и ползущие следы колес.

Странствия убийцы, Робин Хобб: Сперва дорога была не более чем слабыми рубцами на сыпучем теле равнины – отпечатки копыт, змеистые следы колес.

Гранат и омела, Даяна Морган: вода в реке, взбаламученная дождем и бурая от ила, пеной кипела у деревянных опор, напоминая слюну на губах бесноватого, и заливала доски.

Буря мечей, Джордж Мартин: Вода в реке, бурая от ила и взбаламученная дождем, напоминала скорее суп.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ветер швырял лошадям под ноги бурые листья, хлестал по лицу водяными потоками и слепил глаза.

Буря мечей, Джордж Мартин: Ветер швырял под ноги лошадям бурые листья, зато дождя по крайней мере не было.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сапоги чмокали, погружаясь в густой бурый ил.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Ноги чмокали, погружаясь в густой бурый ил.

Гранат и омела, Даяна Морган: Служанка помогла ей облачиться в платье из плотного фиолетового шелка на темно-бордовой атласной подкладке. Длинные заостренные рукава, похоже, по новому веянию моды, почти касались пола, когда Авалон опускала руки. Глубокий вырез опускался чуть ли не до пупа и прикрывался бордовым кружевом. Служанка поправила длинные пышные юбки, а потом стала зашнуровывать корсет да так туго, что Авалон пришлось задержать дыхание.

Буря мечей, Джордж Мартин: Белье все было шелковое, а платье — из особо плотного шелка и серебряной парчи, на серебристой атласной подкладке. Длинные заостренные рукава почти касались пола, когда Санса опускала руки. Вырез опущен чуть ли не до живота и прикрыт

сизым мирийским кружевом. Юбки длинные и пышные, а талия так узка, что Сансе пришлось задержать дыхание, пока ее зашнуровывали.

Гранат и омела, Даяна Морган: Одетый в камзол из плотной серой шерсти с серебряными пуговицами и подбитый мехом плащ, скрепленный серебряной застежкой, он казался королем.

Игра престолов, Джордж Мартин: На нем был новый сюрко из плотной темно-серой шерсти, с серебряными пуговицами, тяжелая серебряная застежка скрепляла подбитый мехом плащ на плечах.

Гранат и омела, Даяна Морган: А по утрам их сопровождал наползавший от воды туман и окутывал серыми клочьями.

Битва королей, Джордж Мартин: Павильон короля стоял возле воды, и наползавший с реки утренний туман окутывал его серыми клочьями.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она не надеялась, что он изменит отношение к ней или к тому, кто она такая, ведь семена ненависти, что в него посадили храмовники, зацвели и распустились ядовитыми цветами задолго до того, как рок столкнул их судьбы и разбил друг об друга.

Как король Эльфхейма научился ненавидеть истории, Холли Блэк: Семена его ненависти зацвели и распустились ядовитыми цветами.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она стала раскачиваться взад-вперед, вытирала лицо и снова заливала его слезами.

Первый человек в Риме, Маккалоу Колин: Она раскачивалась взад-вперед, вытирала лицо и снова заливала его слезами.

Гранат и омела, Даяна Морган: Последняя фраза буквально истекала ядом, перемешиваясь с сахаром его радостной улыбки.

Мара и Морок. Особенная Тень, Лия Арден: Последняя фраза сочится ядом, перемешиваясь с мёдом его мрачной улыбки, и я уверена, что в этот раз разозлила его достаточно.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ей давным-давно пришлось попрощаться с ними, и воспоминания, пусть и блеклые, выцветшие, искаженные последними ужасными мгновениями, были единственным, что у нее осталось.

Ярость и рассвет, Рене Ахдие: Воспоминания о любимых, пусть и выцветшие, пусть и мучительные, были единственным, что у него осталось.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Любезность с двусмысленным подтекстом сочилась из него, как миазмы изнурительной, разъедающей болезни.

Ярость и рассвет, Рене Ахдие: Любезность сочилась из него, как миазмы изнурительной болезни.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон кивнула, пытаясь побороть тревогу, пока не поняла, что старуха не видит кивка, и поспешно обрела голос:

Блеск, Рейвен Кеннеди: Я киваю и пытаюсь побороть оставшуюся тревогу, пока она не обрела голос.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон низко опустила голову, скрывая заалевшие щеки, не зная, был ли виной этому жару позор, вино или чувство предательства.

Сплетая рассвет, Элизабет Лим: Я низко опустила голову, скрывая заалевшие щеки, не зная, был ли виной моему румянцу позор или алкоголь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Титулы всегда устанавливают границы между людьми, и горе тому, кто об этом забудет.

Оникс и слоновая кость, Минди Арнетт: Титулы устанавливают границы между людьми: всяк сверчок знай свой шесток.

Гранат и омела, Даяна Морган: — слова раскровили ей рот, голос дрогнул, но Авалон поспешно сбежала из зала на подгибающихся ногах, лишь бы он не увидел ее слез и не прибавил их к другим своим трофеям.

Цирцея, Мадлен Миллер: Я сбежала, чтобы она не увидела моих слез и не прибавила их к остальным своим трофеям.

Гранат и омела, Даяна Морган: Из темной утробы реки, которая змеей вилась недалеко от дома Элеонора, уже выползли синие сумерки. Но, несмотря на зашедшее солнце и ветер, раскачивавший коричневые хвосты рогоза, Авалон было не так холодно.

Вкус дыма Ханна Кент: Синие сумерки уже выползли из темной утробы реки.

Странствия убийцы, Робин Хобб: Дальше в долине раскачивались коричневые хвосты прошлогоднего рогоза.

Гранат и омела, Даяна Морган: Разрушенные останки ее прежней жизни торчали погорелыми остовами, а тени от них лежали на земле, как острые черные зубы.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Тени от зубцов лежали на мерзлой земле, как острые черные зубы, в воздухе чувствовались полузабытые запахи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ее рыжие волосы поблескивали в мерцающем тускло-желтом свете свечи, от которой остался лишь кургузый огарок.

Зов ночной птицы, Роберт Маккаммон: От свечи остался лишь кургузый огарок, мерцавший тускло-желтым светом.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дворец покоился на вершине холма, будто серый окаменевший дракон. Башни торчали, точно шипы на его спине, и реяли зелеными знаменами рода Монтре.

Восстание королевы, Ребекка Росс: Лионесс стоял на высоком холме. Замок покоился на самой вершине, будто спящий дракон в серой каменной чешуе. Башенки торчали, словно шипы на спине грозной рептилии, украшенные желто-зелеными знаменами Ланнона.

(смысл один - о матери, потерявшей ребенка)

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон думала, что Каталина оправилась, но, похоже, траурные платья изнашиваются и заканчиваются, а горе — нет.

Собор Парижской Богоматери, Виктор Гюго: Матери, потерявшей своего ребенка, время не приносит забвения. Такое горе не старится. Траурные платья изнашиваются, в сердце же остается мрак.

Гранат и омела, Даяна Морган: Единственным напоминанием об инирской зиме стали видимые вдалеке горы со снежными шапками, хорошо различимые в лунном свете — холодные, грозные и все же невероятно прекрасные.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Луна, почти полная, хорошо освещала горы со снежными шапками — холодные, негостеприимные и все же прекрасные.

Гранат и омела, Даяна Морган: Внутри царил полумрак, но сквозь щели в ставнях проникал солнечный свет.

Танец с драконами. Грёзы и пыль, Джордж Мартин: В комнате царил полумрак, но сквозь щели в ставнях проникал солнечный свет.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон осела на колени и ухватилась за подол юбки Марты, как за буюк в темном море горя. <...> Капли зачастили, словно дождь, все быстрее и быстрее. Авалон зарыдала. Ее разбитое сердце сжалось. Она плакала бесконечно долго, утонув в море уныния, узница лжи, своего предательства и чувства вины.

Дочь костяных осколков, Андреа Стюарт: Фалу ухватилась за подол рубашки Ранами, как за буюк в темном море.

Первый человек в Риме, Маккалоу Колин: Капли зачастили, словно короткий летний дождик, все быстрее и быстрее. Ливия Друза рыдала. Сердце ее было разбито. Она плакала долго – одна в океане уныния, узница прихотей брата и своего нежелания выполнять его волю.

Гранат и омела, Даяна Морган: Бас пошел к Каталине, оставив Авалон в одиночестве среди гнетущих поздравлений. Она стояла посреди пестрой толпы гостей, но чувствовала себя одинокой наедине со всей этой ложью. Ложью, которую она предлагала всем вокруг. Ложью, которой ее окружали саму. Ложью, в которой она убеждала саму себя, пока не перестала слышать звучание правды. Пока не перестала понимать, что весь ее мир — это и есть ложь. И пока не столкнулась с правдой лицом к лицу.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: Вик услышала, как за ним закрылась дверь, оставив ее в одиночестве среди гнетущего молчания. Наедине со всей ее ложью. Ложью, которой она кормила других, и ложью, которой ее кормили другие. Ложью, которой она кормила сама себя, до тех пор, пока не перестала распознавать вкус правды. Не перестала понимать, есть ли она еще где-нибудь, эта правда.

Гранат и омела, Даяна Морган: Куда проще было казаться храброй и верить в это, когда Дамиан был рядом. Его присутствие будто подливало аквавита в огонь, раззадоривая ее злость и самоуверенность. Однако сложно было оставаться храброй наедине со своим одиночеством и страхом.

Девушка, которая упала в море, Акси О: Странно, но было куда проще быть храброй, когда он стоял рядом со мной, его присутствие будто

подливало масла в огонь, раззадоривая мою ярость, направленную на него. Сложно оставаться храброй, когда тебе так холодно и одиноко.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ночные заморозки помогли ягодам избавиться от кислоты и вязкости, поэтому зеленая мякоть, скрытая под сизой от воскового налета кожицей, размягчилась и стала сладковатой.

Статья из интернета про пользу терна: Поскольку они прочно держатся на ветках, только первые морозы помогают терну избавиться от высокой кислотности и вяжущих нот. Скрытая под сизой от воскового налета кожицей зеленая мякоть размягчается и обретает умеренную сладость.

Глава 15

Гранат и омела, Даяна Морган: Симеон протянул ему руку, которая из уверенной, мускулистой длани превратилась в тощую пожелтевшую клешню.

Королевский убийца, Робин Хобб: Он протянул мне руку, руку, которая из мускулистой длани бойца превратилась в тощую пожелтевшую клешню.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но он был рад и даже не знал, что для него слаще: внезапная ошеломленная тишина, слепая ярость на лице Ерихона или последовавший за этим удар тростью в живот.

Буря мечей, Джордж Мартин: Он не знал, что для него слаще: внезапная ошеломленная тишина, последовавший за ней громовой хохот или слепая ярость на лице племянника.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сначала ощущение было такое, будто к коже приложили холодное лезвие, а потом боль распустилась по всей руке, обжигая огнем.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Поначалу ощущение было такое, будто она просто меня хлопнула, а потом боль распустилась по всей руке, обжигая огнем.

Гранат и омела, Даяна Морган: Бесчисленное множество деталей, на которые Дамиан не обращал внимания в течение своей жизни, вдруг выстроились, словно гвардейцы на смотре, и он понял, что все неправильно.

Дети великого шторма, Наталья Осояну: Бесчисленное множество деталей, на которые он не обращал внимания больше полугода, вдруг выстроились как гвардейцы на параде, и вопросов не осталось.

Гранат и омела, Даяна Морган: Не спуская друг с друга взгляда, они начали медленно кружить вокруг невидимого центра, как будто раскручивали колесо.

Дети великого шторма, Наталья Осояну: Они начинают медленно кружить вокруг невидимого общего центра, не спуская друг с друга глаз, как будто раскручивают жуткое колесо.

Гранат и омела, Даяна Морган: Отдельные воспоминания его жизни напоминали бусины, а разочаровывающее прозрение было нитью, пронизывающей их все.

Королевский убийца, Робин Хобб: Отдельные части моей жизни напоминали теперь бусины, а я был нитью, пронизывавшей их все.

Гранат и омела, Даяна Морган: Если бы мать тогда что-то сказала, он бы оспорил собственный ответ, но ее молчание было презрительным и непрекращаемым.

Хроники Дождевых чащоб, Робин Хобб: Если бы мать что-то говорила, можно было бы спорить, однако ее молчание было непрекращаемым.

Гранат и омела, Даяна Морган: Трудные годы содрали с него всю мякоть, обнажив кости той скверны, что была внутри него с самого рождения.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: Возможно, трудные времена содрали с него всю мякоть, обнаружив то, что было внутри.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но тьма пришла не одна, а с дикими образами: комната была полна зверей в человеческих обликах с зубами, выкованными из стали, а он превратился в храмового волка, карающего и воздающего.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Комната была полна зверей в человеческом обличии с когтями, выкованными из стали.

Гранат и омела, Даяна Морган: Несмотря на угрозу близкой смерти, а, может, только благодаря ей, он вспомнил шелк ее волос, — он практически чувствовал их под своими пальцами, — и мягкость губ.

Волкодав, Мария Семенова: Волкодав вспомнил тяжелый шелк ее волос под своими пальцами...

Гранат и омела, Даяна Морган: — Можете поцеловать меня в задницу, святой отец.

Бледный всадник, Корнуэлл Бернард: — Можете поцеловать меня в задницу, святой отец.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Ваше Преосвященство, — прошептал Дамиан, боясь, что Симеона развеет от дуновения его голоса.

Скипетр света, Мара Вульф: — Еще немножко, — шепчу я, боясь, что его развеет от дуновения моего голоса.

Гранат и омела, Даяна Морган: Тюремная серая роба с пожелтевшим вырезом и грязными бурыми пятнами в подмышках висела на нем бесформенной тряпкой.

Вкус дыма, Ханна Кент: Острые, как ножи, они распирали грубое полотно нижней сорочки — с пожелтевшим вырезом и грязными бурыми пятнами в подмышках.

Гранат и омела, Даяна Морган: Мингем не был столицей Инира, но все равно представлял собой невероятно оживленное место, славившееся несколькими старинными Храмами — острые шпили высились длинными, узкими клыками — и самой охраняемой тюрьмой. Вокруг крепостной стены змеей свернулся глубокий оборонительный ров, наполненный водой. Надвратные башни напоминали пальцы, ловящие низко пролетающий облака, а прочные створки из дуба и железа защищали ворота, которые высадить представлялось невозможным. Но даже если бы вражеским воинам удалось пробиться каким-то образом за первые ворота, впереди их ждала «клетка смерти» — пространство-капкан между первыми и вторыми воротами с толстой железной решеткой наверху. Сквозь нее защитники могли быстро обстрелять нападавших градом стрел, арбалетных болтов и копий или обрушить на их головы поток горячей смолы.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Он не был айбалийской столицей, но все равно представлял собой настоящее чудо, славившееся своими скульптурами из песчаника и блестящими известняковыми колоннами.

Последний маг, Лиза Максвелл: Шпили соборов высились длинными, узкими клыками.

Шолох, Антонина Крейн: Этот высокий остров с крутыми берегами, на котором воздвигнут королевский дворец – самое сердце Шолоха. Вокруг свернулся змеей оборонительный ров Рейнич.

Битва королей, Джордж Мартин: Они скорее напоминали скрюченные, узловатые стариковские пальцы, ловящие пролетающие облака.

Игра престолов, Джордж Мартин: прочные створки из железа и дуба защищали ворота под висячими башнями.

Витье гнезд, Кастелломенто: Защита главного входа называемая «клетка смерти» (лат. portcullis) — каменный короб, разделенный двумя парами ворот, с толстой железной решеткой наверху. Сквозь эту решетку нападавших, прорвавшихся за первые ворота и попавших в импровизированный капкан, защитники крепости осыпали градом арбалетных болтов и копий.

Гранат и омела, Даяна Морган: Брызги стили в его густой бороде.

Битва королей, Джордж Мартин: Брызги стили у Джона в бороде.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Все мы хрупки, мальчик мой. Это свойственно тем, кто жив.

Жажда, Трейси Вульф: – Мы все более или менее хрупки, мой мальчик. Это свойственно тем, кто жив.

Гранат и омела, Даяна Морган: Лысый уродец почти не изменился: такой же **бугристый нос в лопнувших жилах, толстые губы**, широкая как бочка грудь, тусклый нелюбопытный взгляд и обманчивая бледная улыбка. Разве что за эти годы **зубы у него побурели, а на тыльной стороне правой ладони открылась мокрая язва.**

Танец с драконами, Джордж Мартин: **Нос бугристый, в лопнувших жилках, губы толстые**, между тремя пальцами правой руки перепонка.

Танец с драконами, Джордж Мартин: **Зубы у него побурели**, изо рта пахло элем и луком. <...> Кольчуга на нем проржавела, кожаная рубаха сгнила, **на тыльной стороне ладони виднелась открытая язва.**

Гранат и омела, Даяна Морган: Когда Хельмут открывал свои толстые губы, слова вырывались из них покореженными, почти без гласных, щедро присыпанные варденским акцентом, который корежил слух любого иинирца.

Значит, я умерла, Хилари Дэвидсон: Когда он открывал рот – а это случалось редко, – слова выходили из него покореженными, почти без гласных, с акцентом, который я так и не смог опознать.

Гранат и омела, Даяна Морган: Время для него как будто остановилось, заключив Дамиана в крошечном кусочке настоящего.

Странствия убийцы, Робин Хобб: Время. Я был заключен в нем, в крошечном кусочке настоящего.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиану показалось, что перед ним разверзся сон, подобно длинному темноту колодцу, в который он добровольно бросился и дал тьме поглотить себя.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Сон разверзся перед ним, как колодец; он бросился туда добровольно и дал тьме поглотить себя.

Гранат и омела, Даяна Морган: Кровь засохла и покрыла пол, стены и тела, точно остывшая магма.

Последняя рукопись, Франк Тилье: ...кровь засохла и покрыла поверхность тела, точно остывшая магма.

Гранат и омела, Даяна Морган: Поговорка «богат, как храмовая мышь» внезапно приобрела другие краски: белая дзимарра, — явно из дорогой, качественной шерсти, — с белым поясом, расшитым бриллиантами; белая накидка, подбитая таким же белоснежным атласом; нагрудный символ ватры игнис, усыпанный огненными опалами и подвешенный на золотом шнуре; белый пилеолус и кольцо Падре Сервуса с большим белым опалом.

Википедия: Обычное папское одеяние, которое носится для ежедневного использования вне литургических функций, состоит из белой дзимарры (ряса с накидкой с капюшоном, прикреплённой к ней) опоясанной белым поясом (часто с папским гербом, вышитым на нём), нагрудного креста, подвешенного на золотом шнуре, красных папских ботинок, и белой дзуккетто.

Гранат и омела, Даяна Морган: Никто в Храме не вредит так много, как тот, кто, имея священный сан, поступает несправедливо. Никто не решается бросить ему обвинение, и проступок становится все больше, ежели грешника продолжают почитать из уважения перед его саном.

Молот Ведьм, Яков Шпренгер, Генрих Инститориус: Никто в церкви не вредит так много, как тот, который, имея священный сан, поступает неправильно. Никто не решается бросить ему обвинение. Проступок становится еще больше, если грешника продолжают почитать из уважения перед его саном.

Гранат и омела, Даяна Морган: Нет на земле подобного ему. Праведник создан бесстрашным и выбран Князем вести на земле бой, в котором он бессилён.

Молот Ведьм, Яков Шпренгер, Генрих Инститорис: Нет на земле подобного ему; он создан бесстрашным.

Гранат и омела, Даяна Морган: телесные порчи не бывают незримы, они ощутимы.

Молот Ведьм, Яков Шпренгер, Генрих Инститорис: телесные порчи не бывают незримы; они ощутимы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Если раньше орден был объявлен нищенствующим, и на его членов возложили обязанность отказаться от всякого мирского имущества и доходов и жить подаяниями, то по велению короля теперь, по новым правилам, вступающие отдавали все свое имущество ордену, а орден, в свою очередь, больше не облагался налогами.

Википедия: На первом генеральном капитуле в Болонье, в 1220 году, доминиканский орден был объявлен нищенствующим: на его членов возложена обязанность отказаться от всякого имущества и доходов и жить подаяниями.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он захрипел, попытался ухватиться за одежду Дамиана, но оступился и ушел с громким плеском под воду.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Он выскочил на поверхность, глотнул воздуха, попытался ухватиться за скользкую стену канала и снова ушел под воду.

Гранат и омела, Даяна Морган: Клянешься ли ты перед ликом Князя мира сего посвятить себя догмам нашего Храма? Клянешься ли подняться над мерзким грехом своей природы, прожить жизнь в служении Храму, отказаться от благ мирских и чтить справедливость? Клянешься ли перед святой омелой подчиняться наставнику, внимать его приказам и следовать за его мудростью? Клянешься ли вести жизнь праведную и следовать обету безбрачия?

Империя вампиров, Джей Кристофф:

Клянешься ли ты перед Господом Всемогушим посвятить себя догматам нашего Ордена? Подняться над мерзким грехом своей природы и прожить жизнь в служении Святой церкви Гоподней? Клянешься ли перед

святой Мишон подчиняться наставнику, внимать его голосу, следовать за его водящей рукой и вести жизнь праведную?

Гранат и омела, Даяна Морган: Послышался тревожный перезвон колоколов: густой бас Благовестника, пробирающий до самых костей, гордые переливы Святой звонницы и золотой смех Златоуста. Мингем стал похож на разворошенный муравейник: храмовники, инквизиторы, городские ремесленники и стражники бегали по двору, по пояс в воде, крича друг на друга и пытаясь как-то спасти важные пожитки.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Он до сих пор помнил голоса трех колоколов — густой бас Нум, пробиравший до самых костей, гордые переливы Нарры, серебряный смех Ниэль.

Королевский убийца, Робин Хобб: Он был похож на разворошенный муравейник, только без муравьиной целеустремленности.

Гранат и омела, Даяна Морган: Вместо справедливости в Храме его окружала ложь, а он верил в нее и слишком долго хоронил в себе сомнения, точно гнойный нарыв.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Слишком долго он в одиночку хранил их в себе, как гнойный нарыв, и не знал, что же делать с такими страшными и постыдными воспоминаниями.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан почувствовал, как на загривке приподнимаются дыбом волоски. <...> За всю жизнь он не встречал большего виртуоза в пытках людей...

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Орсо почувствовал, как у него на загривке поднимаются дыбом волоски. Если говорить о роли злодея, не могло быть сомнений, что он находится в присутствии виртуоза.

Гранат и омела, Даяна Морган: Вера и должна подвергаться сомнениям, мальчик мой, иначе она становится оправданием любого непотребства. Тебе ли не знать? Истинно верующий человек всегда должен сомневаться.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: — Вера время от времени должна подвергаться потрясениям, иначе она становится жесткой. Становится оправданием для любой мерзости. Я пришел к мнению, что у праведного человека... сомнения есть всегда.

Гранат и омела, Даяна Морган: К тошноте прибавилось жжение в животе от нахлынувшего страха быть пойманным.<...> От праведных

деяний они с Варесом удалялись быстрее, чем дробят в бархатных домах.

Империя вампиров, Джей Кристофф: кровогимн загремел в разгоряченной спиртом крови, а к тошноте примешалось жжение в брюхе от нахлынувшего адреналина. От духовных дел мы удалялись быстрее, чем дробят в подворотне.

Гранат и омела, Даяна Морган: В молодости он прославился на всю страну добротой и состраданием, когда продал все свои ценные книги и даже одежду, чтобы помочь страдающим от голода. <...> Позже Вольфрик был включен в дипломатическую миссию, которая должна была добиться согласия на брак трастамарской принцессы Изабеллы с королем Ричардом. Проезжая через территорию Трастамары, Вольфрик был поражен размаху распространения языческой ереси.

Статья из интернета - Святой Доминик де Гусман: В молодости Доминик прославился своей добротой и состраданием, известно, что он продавал свои ценные книги и даже одежду, чтобы помочь страдающим от голода и взятым маврами в плен соотечественникам.

В 1203 г. епископ Диего де Асеведа был послан кастильским королём Альфонсом IX в Данию с дипломатической миссией, имевшей цель добиться согласия на брак датской принцессы с испанским принцем. Доминик был включён в состав этой экспедиции. Проезжая через территорию Южной Франции, епископ и его спутники были поражены размахом распространения на этой территории ереси альбигойцев.

Гранат и омела, Даяна Морган: ...а Вольфрик основал орден для защиты духовности и стремления к нравственному очищению.

Статья из интернета - Доминиканцы: Сам Доминик основал под именем «Милиции Иисуса Христа» союз светских людей обоего пола для защиты церкви и для стремления к нравственному совершенству.

Гранат и омела, Даяна Морган: Я отрекаюсь от благословения и имени ложного бога Князя мира сего и присягаю на верность Лилит, Трехликой богине, дабы получить любовь всех женщин, цветы их девственностей, милость монархов, почести, наслаждения и власть.

Статья про “договор с дьяволом” - Дело против священника Урбена Грандье: В «договоре» Урбен Грандье «заключал соглашение» с целым рядом демонов, в том числе Сатаной, Люцифером, Астаротом, Левиафаном и Вельзевулом, чтобы получить «любовь женщин, цветы девственности, милость монархов, почести, наслаждения и власть».

Гранат и омела, Даяна Морган: На основании этого документа тебя признают виновным в пособничестве вельвам, лилитопоклонничестве и участии в вельвских шабашах, на которых ты приносил человеческие жертвы.

<...>

Примирение с Храмом означало лишь то, что перед сожжением на костре покаявшегося задушат гарротой, а не отпустят на волю.

Статья про “договор с дьяволом” - Дело против священника Урбена

Грандье: На основании этой «улики» Грандые признали виновным в колдовстве, дьяволопоклонничестве и участии в шабашах, на которых он якобы приносил человеческие жертвы.

Статья про “договор с дьяволом” - Дело против священника Урбена

Грандые: Ему предоставили возможность примирения с Церковью (в этом случае он был бы сначала задушен гарротой, а затем сожжён), однако монахини не дали ему воспользоваться ею, начав плескать водой ему в лицо, когда Грандые пытался заговорить.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан задыхаясь, усталился на Ирода, и продолжил говорить, выхаркивая слова, как сгустки черной, свернувшейся крови.

Самое красное яблоко, Джезебел Морган: Элеанор задыхалась, но продолжала говорить, выхаркивая слова, как сгустки черной, отравленной крови...

Гранат и омела, Даяна Морган: Ночь укрыла Мингем черным одеялом, спрятав их от лишних взглядов и проложив путь вниз, во двор.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Ночь укрыла улицы черным одеялом, спрятав мертвые тела, и крыс, вылезающих из клоаки, чтобы кормиться ими, и рои кусачих мух.

Глава 16

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон с такой яростью замотала головой, что шпильки, которыми служанка закалывала ее локоны, посыпались из ее аккуратно уложенных волос, и прическа, наполовину распустилась.

Первый человек в Риме, Колин Маккалоу: Она с такой яростью замотала головой, что шпильки посыпались из ее аккуратно уложенных волос и пучок, наполовину распустившийся, свободно повис на затылке.

Гранат и омела, Даяна Морган: Чернила уже немного выцвели, но слова, ими написанные, остались недвусмысленными.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Чернила выцвели, но слова остались недвусмысленными.

Гранат и омела, Даяна Морган: Влажные одеяла были особенно неприятны — они касались ее вспотевшей кожи склизкими щупальцами, напоминая о миноге Филиппе.

Миссия шута, Робин Хобб: Шерстяные одеяла особенно неприятны, если они касаются вспотевшей кожи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Набросив поверх ночной рубашки распашную ропу и засунув ноги в мягкие туфли, она взяла с прикроватной тумбы свечу и ускользнула из тепла покоев в холодный, пустой коридор.

Замки на их костях, Лора Себастьян: Она натягивает поверх ночной рубашки плащ, берет с прикроватной тумбочки свечу и ускользает из тепла своей комнаты в холодный и пустой коридор.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но несмотря на то, что вооружены были мужчины, опасная битва разгоралась между женщинами.

Трилогия Дэвабада, Шеннон Чакраборти: И хотя все мужчины в комнате были вооружены, куда более опасная битва разгоралась сейчас между женщинами.

Гранат и омела, Даяна Морган: вот Бас отстегивает цепь, скреплявшую плащ, и тот падает на пол, превратившись в лужу шелковой крови;

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Он отстегнул цепь, скреплявшую его мантию, и та упала на пол, превратившись в лужицу шелковой крови.

Гранат и омела, Даяна Морган: Все ощущали этот гнев — он был подобен слепой гадюке, которая только и ждет, когда кто-то шевельнется.

Дочь костяных осколков, Андреа Стюарт: Мы ощущали его, как живое существо, он был подобен слепой змее, которая ждет, когда шевельнется мышь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Гости молчали, потому что понимали: стоит издать хоть звук — и гнев королевы переключится на них.

Дочь костяных осколков, Андреа Стюарт: Мы с Баяном сидели молчком, потому что понимали: стоит сказать хоть слово — и гнев отца переключится на нас.

Гранат и омела, Даяна Морган: Корсет, откровенный, поднимавший ее грудь до тревожных высот и делавший ее уязвимой, был одновременно жестким, точно железный доспех, и защищал ее, как замок

Продажное королевство, Ли Бардуго: Девушка была одета в прозрачное лавандовое платье, оснащенное каким-то подобием корсета, который поднимал ее грудь до тревожных высот...

Гранат и омела, Даяна Морган: Одет он был в дневной костюм без горгеры — воротник вышитого хубона и так не мог сойтись вместе и прятался под многочисленными подбородками.

Игра Престолов, Джордж Мартин: меховой воротник вышитой куртки прятался под многочисленными подбородками.

Гранат и омела, Даяна Морган: В начале пира им подали горячий суп из морского языка и крабов с мускатным орехом, розмарином и лимоном. За этим последовали попугаи в меду, седло ягненка с чесноком, оранской зирой и морковкой, рубец в красном вине и кукурузная каша в масле. Авалон хотелось есть, но тошнота, притаившаяся в горле, отступала только от вина.

Танец с драконами. Грёзы и пыль, Джордж Мартин: Для начала им подали горячий суп из морского черта с крабами и холодный, с яйцом и лимоном. За этим последовали перепелки в меду, седло барашка, гусиные потроха в вине, репа в масле и молочный поросенок. При виде еды Тириона замутило.

Гранат и омела, Даяна Морган: Аккуратно обойдя статую Персены, Авалон под ее зорким взглядом подошла к дубовому столу, заваленному бумагами, свечами и брусками печатного воска.

Игра престолов, Джордж Мартин: Королеву Серсею они нашли в зале совета — во главе длинного стола, заваленного бумагами, свечами и брусками печатного воска.

Глава 17

Гранат и омела, Даяна Морган: Слова, смазываясь, сыпались с его языка

Шепот магии, Лаура Кнайдль: Слова, смазываясь, сыпались у него с языка.

Гранат и омела, Даяна Морган: До него донесся ее аромат — гранатовый сидр и цедра лимона, но с резкой звериной ноткой где-то на краю.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: До него донеслась струйка ее аромата – главным образом цветущий луг, но с резкой звериной ноткой где-то на краю.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он почувствовал, как кровь побежала по щеке, там, где один шип рассек кожу.

Игра престолов, Джордж Мартин: Кровь побежала по щеке, там, где край одного из медальонов рассек кожу.

Гранат и омела, Даяна Морган: Симеон глубоко вздохнул и провел по лицу ладонью, будто снимая с него невидимую паутину.

Падающий факел, Алгис Будрис: Вайерман вздохнул и провел рукой по лицу, словно снял с него невидимую паутину.

Гранат и омела, Даяна Морган: Повесив плащ на колышек, чтобы не оставлять луж на полу, Дамиан добрался по пустующему залу до стола.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Внутри капитан повесил свой плащ на колышек, чтобы не оставлять луж.

Гранат и омела, Даяна Морган: Если этот год не испытание, ниспосланное Князем, я на грани отступничества.

Обитель Апельсинового Дерева, Саманта Шеннон: Если этот год не испытание, ниспосланное Святым, – он на грани отступничества.

Гранат и омела, Даяна Морган: Его собственные красные глаза пылали, как два костра.

Буря мечей, Джордж Мартин: Ее красные глаза пылали как два костра и смотрели в самую душу.

Гранат и омела, Даяна Морган: А потом в один момент увидел, что это ткань, прозрачная и тонкая, как траурная вуаль, которую можно порвать одним неосторожным движением.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Теперь он увидел, что это ткань, тонкая и прозрачная, как вуаль новобрачной.

Гранат и омела, Даяна Морган: Я всегда считал Храм огромным механизмом, твердом и железном, где все прилажено к надлежащим местам.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Он всегда думал о цивилизации как об огромном механизме, твердом и железном, где все привинчено к надлежащим местам.

Гранат и омела, Даяна Морган: Используя обманный маневр, Дамиан попытался воткнуть лезвие в бок стражника, но тот угадал его прием и полоснул его по ребрам, оставив холодную черту, которая тут же стала обжигаяще горячей.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Лео, лишившись последнего козыря, только охнул, когда лезвие Стурова меча хлестнуло его по бедру, прочертив холодную черту, которая вскоре стала обжигаяще горячей.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дождь размыл дороги, превратил землю в болото, переполнил русла рек и сбил оставшуюся листву с деревьев, поэтому их путь растянулся на два дня вместо одного.

Буря мечей, Джордж Мартин: Дождь размывал дороги, преображал поля в болота, переполнял русла рек и сбивал листву с деревьев.

Гранат и омела, Даяна Морган: В середине второго дня погода испортилась окончательно: длинные пальцы молний с искрящимися когтями заскребли по вздутым подбрюшьям туч, зазвучали раскаты грома и поднялся холодный ветер, пронизывающий промокшую одежду.

Прежде чем их повесят, Джо Аберкромби: Длинные пальцы молнии с огненными когтями проскребли по вздутым подбрюшьям туч, зазмеились во тьме у них над головами.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Голос Симеона окреп, слова потекли смелее, а в блеклых голубых глазах зажегся огонь мудрости.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Однако вскоре его голос окреп, слова потекли смелее, и, пока пламя, мерцая, отражалось в его ярко-голубых глазах, руки его выразительно жестикуют, поддерживая надтреснутый старческий голос.

Гранат и омела, Даяна Морган: Вздох, эхо слова, — одного-единственного, его имени, — прорвавшегося сквозь грохот копыт и воя.

Мечтатель Стрэндж, Лэйни Тейлор: Вздох, ужасное эхо слова, прорвавшегося сквозь его мысли.

Гранат и омела, Даяна Морган: Его история повисла в воздухе между ними, точно рыболовная сеть.

Миссия шута, Робин Хобб: Моя история, словно незаконченная сеть, повисла в воздухе между нами.

Гранат и омела, Даяна Морган: Эту неуверенность он тоже лечил аквавитом: оставлял бутылку возле постели, когда укладывался спать, чтобы начинать пить сразу же, как только столкнется с утренним ощущением реальности.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: Он теперь всегда оставлял бутылку возле кровати, когда ложился спать, чтобы можно было начинать пить сразу же, как только стряхнул с себя ночные кошмары.

Гранат и омела, Даяна Морган: Неумелая вёльва с мягким, податливым характером была для него все равно что меч с тупым лезвием — зачем такого опасаться?

Проблема с миром, Джо Аберкромби: Для него женщина с мягким характером была все равно что меч с тупым лезвием.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но как можно кого-то сразить, если он даже на ногах не держится?

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: Но как можно кого-то сразить, если он и так не стоит на ногах?

Гранат и омела, Даяна Морган: Струйки воды сочились из разбитых водосточных труб, размывая землю под ногами.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: Дождь понемногу утих, струйки воды сочились из разбитых водосточных труб в грязные немощенные проулки.

Гранат и омела, Даяна Морган: — прорычал он, чувствуя, как в груди вращается мельница из лезвий на том месте, где раньше билось сердце.

Трилогия Дэвабада, Шеннон Чакраборти: Он держался на расстоянии,

делая вид, что все в порядке, и все прекрасно, и в его груди не вращается мельница из лезвий там, где раньше билось его сердце.

Гранат и омела, Даяна Морган: Второй вопрос огнем жег язык, но из страха услышать ответ Дамиан так и оставил его тлеть на языке.

Скверна, Сири Петтерсен: Вопросы огнем жгли ее язык, но из страха услышать ответы слепого они так и остались на месте и лишь тлели.

Гранат и омела, Даяна Морган: После всего, что произошло, ему казалось, что, если он откроет рот — оттуда вырвется только яростный крик.

Дарители. Дар огня, Екатерина Соболев: Говорить он не мог: после всего, что произошло, ему казалось, что если он откроет рот — просто заорет на одной ноте.

Гранат и омела, Даяна Морган: Некоторые вещи, если их проговорить вслух, обретают собственную жизнь и становятся реальными.

Из крови и пепла, Дженнифер Ли Арментроут: Некоторые вещи, если сказать их вслух, обретают собственную жизнь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Я живу на свете гораздо дольше твоего и, поверь, видела немало людей, которые ломались и сходили с ума от желания управлять судьбами других, познав истину, что скрыта на страницах книги.

Рубиновый лес, Анастасия Гор: Я живу на свете гораздо дольше твоего и, поверь, видывал немало женщин, чьи судьбы ломало желание управлять судьбами других.

Гранат и омела, Даяна Морган: И это второй мой грех лжи, да еще и худший его вид — тот, что носит маску добрых намерений.

Ярость и рассвет, Рене Ахдие: Самый худший вид обмана — тот, что носит маску добрых намерений.

Гранат и омела, Даяна Морган: Она не шевелилась, словно свернувшаяся змея, в любой момент готовая сделать смертельный выпад.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Вторая фигура не шевелилась, словно свернувшаяся на обочине змея, в любой момент готовая сделать смертельный выпад.

Гранат и омела, Даяна Морган: Храм, которому он служил, разочаровал его, и прощения ему не будет.

Дьявол и тёмная вода, Стюарт Тёртон: Но Бог, которому он служил, разочаровал его, и прощения ему не будет.

Гранат и омела, Даяна Морган: Рухнувший ритуальный дом, обезглавленный торс Лилит с разбитыми ликами и вырванный из земли дуб вернули его в далекое прошлое, и его дыхание Дамиан ощутил мурашками на шее.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Тирион содрогнулся от сбежавшей по спине струйки пота. Горести проплывали мимо: рухнувший шпиль, обезглавленный торс героя, вырванное из земли дерево, чьи корни проросли сквозь окна и крышу дома. Почему это кажется Тириону таким знакомым?

Гранат и омела, Даяна Морган: Он ощутил сжатые челюсти, вздувшиеся, напряженные мышцы.

Королевский убийца, Робин Хобб: Внезапная сила захлестнула меня, и вокруг я увидел то же самое — сжатые челюсти, вздувшиеся напряженные мышцы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сидя в бочке и бормоча себе под нос молитвы Князю, Дамиан довольно рьяно торговался за безопасность Симеона, но стоило торговцам выехать за пределы Мингема и остановиться на ночлег, искренность его молитв иссякла.

<...>

А теперь, оказавшись в нескольких днях от Мингема и убедившись в отсутствии погони, он в полную силу осознал, что настоящие глубины несчастья еще не были им изведаны. Он стал предателем, клятвопреступником, королеубийцей, братоубийцей — будто вернулся в детскую фантазию о собственном величии, только вывернутую наизнанку. В груди горело так, словно вместо четок и символа ватры игнис на шее висел настоящий раскаленный уголь.

Мечтатель Стрэндж, Лэйни Тейлор: Бубня себе под нос молитвы воображаемым божествам, он довольно рьяно торговался за безопасность Цары.

Корабль судьбы. Том 2, Робин Хобб: Уинтроу же понял, что настоящие глубины несчастья еще не были им изведаны.

Корона из перьев, Ники Пау Прето: Оказавшись на тропе сейчас, солдатом, он будто вернулся в детскую фантазию, только вывернутую наизнанку...

Проданная чернокнижнику, Юлия Риа: В груди горело так, словно вместо медальона на шее висел раскаленный уголь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан подавил желание уставиться на Симеона и огорошить его градом вопросов. Некоторые признания лучше делать в пустоту. Он потрясенно ждал. Молчание уже содержало в себе все важные вопросы, которые он хотел задать, а язык мог спросить совсем не то.

Миссия шута, Робин Хобб: Я не повернулся к Неду, когда он заговорил. Некоторые вещи лучше говорить в темноте. Я ждал. Молчание содержит в себе все вопросы, а язык может спросить совсем не то, что нужно.

Гранат и омела, Даяна Морган: ...священный омеловый костер освобождал дух мертвеца. Только так покойная душа могла преодолеть порог и попасть в огненные чертоги Князя. Если же тело закопать или спустить по воде, как это делали трастамарцы, душа останется навеки прикованной к земле.

Оникс и слоновая кость, Минди Арнетт: Священный огонь освобождает дух мертвеца. Только так он может преодолеть порог и попасть в следующий мир. Если тело просто закопать, дух останется погребенным в нем навеки.

Гранат и омела, Даяна Морган: Каким же наслаждением было презирать себя искалеченного, хромящего и угасающего в осколках разбитых надежд и веры! Дамиан упивался своим гневом — но он не был жарок, как раньше. Это был иной гнев — ледяной и гасящий его огненное сердце, где раньше жила преданность Храму. И едва Дамиан ощутил его, то сразу осознал, что уже давно живет с ним...

Мечтатель Стрэндж, Лэйни Тейлор: Какое наслаждение видеть мечтателя хромящим и искалеченным, угасающим в осколках своих разбитых надежд.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: Он не был жарок и яростен, как припадки бешенства, что охватывали меня прежде. Это был иной гнев, ледяной и разгорающийся изподволя. И, едва ощутив его, я осознал, что он уже давно живет во мне...

Гранат и омела, Даяна Морган: Он посмотрел на Дамиана, но его глаза стали непроницаемыми. Он исчез за этим взглядом в прошлое. — Порой даже зубная боль и болотная чесотка способны с легкостью развеять даже самую прочную веру, что уж говорить о любви.

Ученик убийцы, Робин Хобб: Баррич посмотрел на меня, и глаза его стали непроницаемыми. Человек исчез за этим взглядом.

Кровь изгнанника, Брайан Наслунд: К немалому удивлению Джолана, чесоточная сыпь и зубная боль с легкостью развеивали самые прочные религиозные убеждения.

Глава 18

Гранат и омела, Даяна Морган: Из-за вспыхнувшей злости узел внутри нее развязался, и от пламенного чувства желания осталась только зола.

Тэсс из рода д'Эрбервиллей, Томас Гарди: От пламенного чувства влюбленных осталась только зола.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан отпрыгнул в сторону, ощерился и бросился вновь.

Игра престолов, Джордж Мартин: Лето отпрыгнул в сторону, ощерился и бросился вновь.

Гранат и омела, Даяна Морган: А когда увидела, как Дамиан обратился в черного, огромного волка — в глубине ее рассудка что-то заверещало и забилось, точно обезьяна на костре.

Хроники черного отряда, Гленн Кук: В глубине моего рассудка что-то верещало и билось, как обезьяна на костре.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан снова посмотрел на нее с неодобрительным выражением на лице, но Авалон проигнорировала его — ее сейчас не задеть чьим-то неодобрением.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Осмотрительный приятель Лео — Юранд, или как его там — смотрел на них, стоя возле стены, с неодобрительным выражением на лице, но ее сейчас было не прошибить чьим-то неодобрением.

Гранат и омела, Даяна Морган: Когда она фантазировала об их невозможной встрече, то представляла, что он будет держаться как обычно надменно и изрыгать очередные оскорбления, а она, пылая холодным гневом, сразит его умнейшими остротами.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: Она планировала для начала, что он будет держаться надменно, изрыгая насмешки и оскорбления, а она будет пылать праведным гневом и сразит его умнейшими доводами, каких тут еще не слыхивали.

Гранат и омела, Даяна Морган: Будущее стало для нее туманом, который невозможно пронзить взглядом.

Тайнознатицы Муирвуда, Уилер Джефф: Будущее для меня — туман, который я не могу пронзить взглядом, и о завтрашнем дне мне известно не больше вашего.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он остановился и дал ей время продышаться, после чего продолжил обрабатывать спину с безумной смесью невозмутимого безразличия и мучительной осторожности.

Дети великого шторма, Наталья Осояну: и капитан Фейра, как теперь понял Айлантри, обращался с нею с безумной смесью деланого безразличия и мучительной нежности.

Гранат и омела, Даяна Морган: Прикрыв глаза и ощущая сухость во рту, она с усилием промолвила, размыкая запечатанные стыдом губы:

Чаца, Наоми Новик: – Рада за нее, – с усилием промолвила я, размыкая запечатанные завистью губы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон хотела упасть в его объятия, — даже несмотря на то, что это были объятия монстра, — и ощутить рокот в его груди и попросить остаться, но она понимала, что из этого дня они уйдут разными дорогами.

Ярость и рассвет, Рене Ахдие: И хотела упасть в объятия Тарика, ощутить рокочущий в его груди смех в ответ на слова Шахразады.

Гранат и омела, Даяна Морган: Мгновение назад Авалон испытывала ужас и страх, а сейчас, после слов Баса, ощутила внутри себя растущий радужный пузырек эмоций.

Жажда, Трейси Вульф: Внутри меня переливается радужный пузырек эмоций, и он растет, растет.

Гранат и омела, Даяна Морган: История сожрала слишком много женщин, подчиненных или сброшенных на дно мужчинами, завидовавшими их могуществу.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: История поглотила слишком много женщин, добившихся огромных высот и сброшенных на дно мужчинами, завидовавшими их силе.

Гранат и омела, Даяна Морган: Даже Каталина — и та, несмотря на то, что правила целой страной, в глазах многих была в первую очередь женщиной: не познавшей сомнительных прелестей материнства, недостойной доверия, слишком слабой, никудышной и недостаточно волевой, чтобы ее уважать, пока она не обзаведется мужем.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Пусть Эрида правила страной, в глазах многих она была в первую очередь женщиной.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Недостойной доверия, никудышной, слишком слабой, чтобы стоять во главе государства.

Гранат и омела, Даяна Морган: Проснулась Авалон рывком, словно вынырнула из вод Персены, из-за тихого стога.

Королева Ойкумены, Генри Лайон Олди: Проснулась она рывком, словно вынырнула из черного колодца.

Гранат и омела, Даяна Морган: Занимался рассвет, его блики бежали по реке, и в этом свете она с легкостью узнала знакомое лицо.

Битва королей, Джордж Мартин: Занимался рассвет, и его блики бежали по реке, дробясь под шестами и вновь смыкаясь за кормой парома.

Гранат и омела, Даяна Морган: Монстров было слишком много. Копыта всполошенных лошадей били о землю в опасной близости от нее, одним лишь чудом не раздавив ей руки. Она хватала ртом воздух и пыталась совладать с нахлынувшим ужасом.

Изгнанница Муирвуда, Джефф Уилер: Солдат было слишком много. Копыта били о землю в опасной близости от нее, одним лишь чудом не раздавив ей руки. Майя хватала ртом воздух и пыталась совладать с нахлынувшим ужасом.

Гранат и омела, Даяна Морган: В мокрых от крови ладонях древко соскользнуло, и копьё — змея с железной головой — ужалило Дамиана в плечо. Шерсть со вздохом рассеклась, обнажив красную плоть.

Игра престолов, Джордж Мартин: Длинное копьё прыгало в грудь Робба словно змея с железной головой — раз, затем еще раз и еще — но Робб

отбивал каждый выпад мечом, всякий раз отводя опасный наконечник в сторону.

Игра Престолов, Джордж Мартин: Кожа со вздохом рассеклась.

Гранат и омела, Даяна Морган: А вот загноившийся и кровоточащий узкий глубокий порез, точно соответствующий размерам клинка, на животе — нет.

Божество реки, Уилбур Смит: Это был узкий глубокий порез шириной, точно соответствующей размерам клинка, похожий на маленький рот с красными губами.

Гранат и омела, Даяна Морган: Но она понимала: если срезать колючки с терна, его плоды не станут слаще — так и срезать с него веру не означало оголить порочную уязвимость, которую он прятал внутри.

Самое красное яблоко, Джезебел Морган: Не стоило ждать от нее чуткости: даже если срезать колючки с терновой лозы, плоды ее не станут сладкими.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ей нужно было их промыть и намазать мазью, но тьма поглотила ее, не дав додумать мысль до конца, и принесла кровавые сны, в которых к ней приходил Филиппе.

Танец с драконами. Грёзы и пыль, Джордж Мартин: Тьма поглотила его, не дав додумать мысль до конца.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Если синьор рей Эскана увидит, что ты хотя бы заглядываешься на нее, то пустит твою кожу на новый переплет для книги, cape[1].

Империя вампиров, Джей Кристофф: Там есть запретная секция, и если архивист Адамо увидит, что ты хотя бы заглядываешься на нее, то пустит твою кожу на переплет для книги.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон открыла глаза. Ей захотелось посмотреть на Дамиана, увидеть буйство в его взгляде и последовать за ним — почему ее синяк так сильно его разозлил?

Прикосновение разрушения, Скарлетт Сент-Клэр: Она открыла глаза. Ей захотелось взглянуть его, увидеть буйство в его взгляде и последовать за ним — почему это так сильно его разозлило?

Гранат и омела, Даяна Морган: Потому что мысль, которая скользила

по границе ее сознания — это совершенный абсурд. Полная чушь. Людей, обращающихся в монстров, не существует. Есть только безмозглые монстры и люди, которые совершают чудовищные дела. **Жажда, Трейси Вульф:** Потому что та мысль, которая сейчас скользит по периферии моего сознания, — это совершенный абсурд. Полная дичь. Чудовищ не существует, есть только люди, которые творят чудовищные дела.

Гранат и омела, Даяна Морган: Элеонора же, точно соляное изваяние, застыла на одном месте и глядела вдаль. К моменту, когда они закончили готовить травуа к поездке, мир уже пробудился: из индигового стал зеленым, бледное солнце залило светом поля, лес и реку.

Танец с драконами. Грёзы и пыль, Джордж Мартин: Вель стояла на помосте как соляное изваяние. Взгляд ее оставался твердым, глаза сухими.

Игра престолов, Джордж Мартин: Мир внизу пробуждался: становился из черного индиговым, а потом зеленым, рассвет крался уже по полям и лесам.

Глава 19

Гранат и омела, Даяна Морган: Он не знал, какой час на дворе — дни и ночи сливались в мареве боли, и он плыл куда-то, укутанный в собственные кошмары и колючую солому.

Буря мечей, Джордж Мартин: Он плыл куда-то, укутанный в теплую шерсть.

Буря мечей, Джордж Мартин: Дни и ночи сливались в тумане боли.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан чувствовал, как взбрыкнула внутри ярость, как закипела кровавой пеной, точно у бесноватой собаки, призывая его поддаться красноте и ударить трастамарца.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Пена кипела у его опор, как на губах у бесноватого.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ему вспомнились ее мягкие руки, твердый голос и устремленный на него уверенный взгляд.

Буря мечей, Джордж Мартин: Ему смутно вспоминались мягкие руки, твердый голос и устремленный на него взгляд молодого мастера Милоса.

Гранат и омела, Даяна Морган: На мгновение ночь из темно-синей стала оранжевой и заплакала хлопьями пепла.

Дети великого шторма, Наталья Осояну: Ночь из черной стала серой и плакала хлопьями пепла и сажки.

Гранат и омела, Даяна Морган: Не отнимая рук, Дамиан несколько раз вдохнул и выдохнул в попытке успокоить бешено стучащее сердце.

Дети великого шторма, Наталья Осояну: Айлантри несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, успокаивая колотящееся сердце.

Гранат и омела, Даяна Морган: Пылающее в груди чувство, оголенное до первобытного естества, предстало перед ним в своей невероятной хрупкости и красоте.

Мечтатель Стрэндж, Лэйни Тейлор: Каждое чувство, оголенное до своего первобытного естества, впервые предстало перед ним в своей неопишуемой красоте и невыносимой хрупкости.

Гранат и омела, Даяна Морган: Могли ли их зазубренные края подойти друг к другу, как кусочки мозаики?

Мечтатель Стрэндж, Лэйни Тейлор: Юноша гадал, возможно ли, что их зазубренные края подойдут друг другу, как кусочки головоломки.

Гранат и омела, Даяна Морган: Мысли и сомнения блуждали без руля и ветрил, пока наконец полностью не исчезли, оставив после себя благословленную тишину, которую нарушали только шелестевшие листья на деревьях.

Странствия убийцы, Робин Хобб: Мысли мои блуждали без руля и ветрил.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан закрыл глаза, ощущая себя пустым решетом: эмоции протекали через его тело, но не задерживались в нем.

Скверна, Сири Петтерсен: Она стала похожа на решето: чувства протекали через тело, но не задерживались в нем.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ее караулили гадкие воспоминания, слишком свежие, чтобы хотеть к ним возвращаться, но он, тяжело вздохнув, все-таки вошел.

Лабиринты Ехо, Макс Фрай: Возвращаться домой и переодеваться было выше моих сил: дом караулили гадкие воспоминания, слишком свежие, чтобы на них нарываться.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Всегда проще договориться с одним человеком, а не противостоять целой армии, — ответил Симеон, и Дамиан едва не задохнулся.

Мара и морок, Лия Арден: Намного проще договориться с одним человеком, чем противостоять целой стране.

Гранат и омела, Даяна Морган: С трудом выбравшись из соломы, он потянулся и зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть.

Первый урок Шоломанчи, Наоми Новик: — И в знак подтверждения зевнул так широко, что чуть не вывихнул челюсть.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Я больше не буду одним из тех людей с жадным сердцем, которые глотают ложь, как тонущий моряк морскую воду.

Дочь костяных осколков, Андреа Стюарт: Я не был одним из них и не был тем, кто глотает их ложь, как тонущий моряк глотает морскую воду.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Тот, кто продолжает сражаться во вчерашней битве, всегда проиграет тому, кто уже вступил в сегодняшнюю.

Клинка императора, Брайан Стейвли: «Тот, кто все еще сражается в позавчерашней битве, всегда проиграет тому, кто уже начал завтрашнюю», — напомнил он себе.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он пытался сдержать в себе отчаяние, которое хотелось выкрикнуть навстречу поднявшемуся ветру, выцарапать когтями в земле и вырезать на собственном теле...

Вкус дыма, Ханна Кент: Это стоило усилий воли — держать в себе то, что хотелось выкрикнуть навстречу ветру, выцарапать на земле, выжечь в траве.

Гранат и омела, Даяна Морган: Берсерки остались в легендах, которые рассказывали инирским детям на ночь — воины героя Вотана, благословленного Князем, бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные псы с красными глазами, кусали свои щиты и были сильными,

как медведи. Они убивали врагов, и ни огонь, ни железо, не причиняли им вреда.

Круг Земной, Стурлусон Снорри: Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты, и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда.

Гранат и омела, Даяна Морган: Княж создал Вотана, который стал столько близок с Мор Риоган, что породили они двенадцать сыновей, один из которых, красноглазый И'лисса Амок, что был любимцем матери, зачастую, внезапно охваченный дикой яростью, страшно выл, грыз зубами свой щит, глотал раскаленные угли и проходил через любой огонь, зажженный под ним. И нельзя было усмирить его безумие иначе, чем либо крепко связав его омеловыми прутьями, либо позволив ему устроить ужасную резню, либо предав убиению омеловым прахом.

Деяния данов, Стурлусон Снорри: У этого Сивальда было семеро сыновей, 'которые были столь искусны в колдовстве', что зачастую, внезапно охваченные дикой яростью, страшно выли, грызли зубами свои щиты, глотали раскаленные угли и проходили через любой огонь, зажженный перед ними; и нельзя было усмирить их безумие иначе, чем либо крепко связав их, либо позволив им устроить ужасную резню среди людей.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан вдруг ощутил, что неприятие к самому себе проросло внутри, точно пустынный джантак, и его корни проникли так глубоко, что он сомневался, сможет ли когда-нибудь их вырвать, не выдрав заодно и свою изнанку.

Частица твоего сердца, Эмма Скотт: Неприятие мамы проросло внутри, и корни его проникли так глубоко, что я сомневалась, смогу ли их когда-нибудь вырвать.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан видел под капюшоном его затененные маленькие глаза и слабый подбородок, плохо прикрытый жидкой темной бородой.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Один крепкий, мускулистый, с массивной челюстью, другой с голодными глазами, посаженными близко

над острым носом, лысый и со слабым подбородком, плохо прикрытым жидкой каштановой бороденкой.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он скрючился, а тот, держал Дамиана за правую руку, внезапно дернул его и вытянул поперек спины так, что ему отдалось аж в зубы, а потом с грохотом сбросил вниз.

Страхи мудреца, Патрик Ротффус: Затем, прежде чем я успел среагировать, она вытянула меня поперек спины так сильно, что аж в зубы отдалось.

Гранат и омела, Даяна Морган: Зелено-болотное чувство вернулось, и это заставило Дамиана балансировать между двумя реальностями, как последний осенний лист, который отчаянно цепляется за ветвь.

Шестерка воронов, Ли Бардуго: Этот миф завел ее сюда, в удушающую темноту, заставил балансировать между жизнью и смертью, как последний листочек, который отчаянно цепляется за осеннюю ветвь.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Он так резко отодвинулся от стола, что едва не перевернулся вместе со стулом.

Оно, Стивен Кинг: Эдди Каспбрэк издал сдавленный крик и так резко отодвинулся от стола, что едва не перевернулся вместе со стулом.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан, вооруженный мужеством отчаяния, поднялся с колотящимся сердцем и, нагнав их, положил руку на плечо кузнеца.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Рэйн, вооруженный мужеством отчаяния, не двинулся с места.

Гранат и омела, Даяна Морган: Двойной смысл ее слов дошел до него сквозь бездну черной жути и бессильного отчаяния, и его едва не затошнило от понимания.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Только вы, люди, на такое способны, — дошло до него сквозь бездну черного отчаяния снисходительное ворчание Тинталы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Слезы, едкие, точно неразбавленный уксус, потекли по щекам. На него накатила волна дурноты, одежда показалась удушающей.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Кто-то отнял у нее нож и слезы, едкие как уксус, потекли у нее по щекам.

Черный человек, Ричард Морган: Накатила долгая волна дурноты, одежда показалась вдруг смирительной рубашкой.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан обернулся, но дверь уже захлопнулась, а убийственная ярость, что совсем недавно пульсировала в его венах, пошла на убыль, а алые волны, заливающие задворки мыслей, истаивали розовой пеной и откатывались вдаль.

Черный человек, Ричард Морган: Но убийственная ярость, все еще пульсируя, пошла на убыль, ее черные волны, которые раньше заливали задворки сознания, истаивали пеной и откатывались вдаль.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан качнул головой и почувствовал, что принял решение, сковавшее его, будто инирский лед: он не станет с ней сближаться, потому что для нее это опасно.

Черный человек, Ричард Морган: Он чувствовал, что принял решение, сковавшее его, будто лед.

Гранат и омела, Даяна Морган: Трастамарец что-то сказал ей, и она рассмеялась своим легким, чудесным смехом, который быстро сменился уютным молчанием между ними, в котором Дамиану как-то не было места.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Только всякий раз ее смех почему-то очень быстро сменялся молчанием, в котором ему, Брэшену, как-то не было места.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он отпрянул от Симеона и едва не споткнулся на ровном месте, заозиравшись по сторонам.

— О чем вы? — опомнившись, спросил он нарочито равнодушным тоном и сразу понял, каким остолопом себя выставил, ведь Симеону наверняка сразу стало ясно: он умирает от желания посмотреть на нее. Просто возмутительно!

Зимнее Серебро, Наоми Новик: А потом заозирался и поинтересовался, где же царица, таким нарочито равнодушным тоном, что сразу стало ясно: он умирает от желания взглянуть на нее еще раз. Просто возмутительно.

Гранат и Омела, Даяна Морган: Высокий огонь поедал звезды и освещал теплым светом поляну, на которой к моменту его прихода уже вовсю веселились люди.

Битва королей, Джордж Мартин: Высокий огонь над скалами поедал звезды.

Гранат и Омела, Даяна Морган: — Ярость воителя, благодаря которой он становится неуязвимым и уподобляется волку или псу...

Статья о Лиссе: ярость воителя, который благодаря ей становится неуязвимым и уподобляется волку или псу.

Глава 20

Гранат и омела, Даяна Морган: Одной рукой он лениво обвел окружность ее груди, — его обветренная кисть казалась темной на фоне ее бледной кожи.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Брэшен лениво обвел пальцем окружность ее груди, его обветренная кисть казалась такой темной на фоне ее бледной кожи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Их лица разделяли лишь каких-то несколько дюймов, и пространство между ними казалось горячим, как в печи.

Немного ненависти, Джо Аберкромби: Их лица разделяло всего лишь каких-то несколько дюймов, и пространство посередине казалось горячим, как в доменной печи.

Гранат и омела, Даяна Морган: Радостные крики празднующих в мгновения ока превратились в панические вопли.

Игра престолов, Джордж Мартин: Крики восторга в одно сердцебиение превратились в панические вопли.

Гранат и омела, Даяна Морган: Ночной воздух нес прохладу, но его руки и взгляд, устремленные на нее, согревали кожу.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Ночной воздух нес прохладу, но взгляды, устремленные на нее, согревали ее кожу.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Так нельзя, — слабо сказала она, и эти слова остановили его, хотя его тень на земле уже коснулась ее собственной.

Соппротивление королевы, Ребекка Росс: Эти слова остановили его, хотя его тень на полу уже коснулась моей.

Гранат и омела, Даяна Морган: Запахи пота, дыма костров, горячих сладостей с пряностями и влажного леса одурманили ее настолько, что она подалась вперед и доверилась чувству, что ее влекло.

Трилогия Дэвабада, Шеннон Чакраборти: От какофонии перебранок на дюжине разных диалектов закладывало уши, а запахи шафитского пота, джиннского дыма, горячих сладостей, зачарованных духов и бочек с пряностями одурманили Али ностальгией.

Гранат и омела, Даяна Морган: Они всегда просят больше, чем им следовало бы.

Морская ведьма, Сара Хеннинг: Мужчины всегда просят больше, чем им следовало бы.

Гранат и омела, Даяна Морган: Западный ветер гнал облака, обнажая серебряный лик луны, и пах инирским снегом и пронизывающим холодом, который как будто захрустел в ее груди ледяными осколками несбывшейся мечты.

Тень богов, Джон Гвинн: Западный ветер гнал их сюда, и пах он снегом и пронизывающим холодом, что будто захрустел в ее груди ледяными осколками.

Гранат и омела, Даяна Морган: Послышался громкий смех и свист. Авалон поняла этот истинно-дворцовый вызов Баса без слов. Вольта считалась трастамарским танцем и являлась вопиющим нарушением приличий при инирском дворе, ведь танец представлял собой дуэль желаний: мужчина наступал, женщина уклонялась, мужчина подходил совсем близко, женщина отворачивалась, каждый взгляд провоцировал, каждая улыбка подстегивала.

Железное сердце, Доннели Дженнифер: Но их протесты заглушили громкий смех, свист и даже пара презрительных выкриков со стороны молодых.

Если гальярда считалась при дворе рискованным танцем, то на вольту смотрели как на вопиющее нарушение приличий. Танец представлял собой прекрасно поставленную дуэль желаний. Один партнер наступал, второй уклонялся. Один подходил совсем близко, второй отворачивался. Каждый взгляд провоцировал; каждая улыбка подстегивала.

Гранат и омела, Даяна Морган: Кроме того, вольта еще и требовала от мужчины большой силы и ловкости, ведь основной элемент танца —

подъем женщины в воздух — должен был выполняться очень высоко, при этом уверенно и красиво.

Википедия: Кавалер проворно и резко поворачивал в воздухе свою партнершу, что требовало от партнера большой силы и ловкости, ведь подъем должен выполняться достаточно высоко, четко и красиво.

Гранат и омела, Даяна Морган: С полуночи этот день считался «днем судьбы» — все, что сказано и сделано до захода солнца, определяло все дальнейшие события. Старухи любили говорить, что нет более верных знамений и более сильных слов, чем те, что явлены и сказаны в эту ночь.

Википедия: Следующий день считался «днем судьбы» - все, что сказано и сделано до захода солнца, определяло все события наступившего года (откуда и повелось наше «как Новый год встретишь, так его и проведешь»). Считалось, что нет более верных знамений, чем те, что были явлены во время «Двенадцатой Ночи»; и самые сильные слова - те, что сказаны в эту ночь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон не видела ничего вокруг, слышала только мелодию вольты, стук собственного сердца и ощущала решительные прикосновения Дамиана. Мгновение — она слишком близко к нему, он поднимает ее вверх, ее пальцы впиваются ему в плечи, следующий миг — она отдаляется, и они кружат друг возле друга в мучительной близости, но не дотрагиваются.

Запретный союз, Кейтлин Крюс: Она не видела ничего вокруг, а только слышала звуки великолепного вальса и чувствовала решительные прикосновения Рафаэля. Она была слишком близко к нему, ее пальцы практически впились в его плечо. Они кружили и кружили.

Гранат и омела, Даяна Морган: Свет от костров потускнел, перетекая во мрак ночи. Сверху к ней руками попрошайек тянулись спутанные ветви.

Империя вампиров, Джей Кристофф: Свет потускнел, сверху руками попрошайек раскинулись спутанные ветви.

Гранат и омела, Даяна Морган: Увидела, как он втягивает носом воздух, чтобы закричать.

Оно, Стивен Кинг: Билл снова посмотрел на Беверли, и увидел, что она втягивает в себя воздух, чтобы закричать.

Гранат и омела, Даяна Морган: Реальность утянула ее из затаившихся теней долгих кошмаров, а его слова, произнесенные вслух, помогли ей в это поверить.

Пир стервятников, Джордж Мартин: — Слова, произнесенные вслух, помогли ей в это поверить.

Гранат и омела, Даяна Морган: Сырая ночь сразу стала очень холодной.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Сырая ночь сразу стала очень холодной.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан изогнул палец внутри нее, и в ее кровь хлынула лава. Она подумала, что сейчас загорится...

Королевство плоти и огня, Дженнифер Ли Арментроут: Он изогнул пальцы глубоко внутри меня, и в мою кровь хлынула лава. Я подумала, что точно сейчас загорюсь.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан взглянул на нее исподлобья с этой своей усмешкой, от которой у нее каждый раз все острее щекотало внутри. В его голосе ей слышались дерзкий вызов и насмешка. Но еще — что это была за хриплая нотка, неужели желание?

Он нервно сглотнул, и она заметила, как дернулся его кадык — шнуровка рубахи была ослаблена, обнажая основание шеи. <...> Небольшой кусочек обнаженной кожи не должен был так на нее действовать.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: — он взглянул на нее исподлобья с этой своей улыбкой, от которой у нее каждый раз, казалось, все острее щекотало где-то внутри, — ...

Немного ненависти, Джо Аберкромби: В его голосе слышалось сомнение и усмешка, но и любопытство тоже. И еще — что это за хрипловатая нотка, неужели желание?

Сестра звёзд, Мара Вульф: Верхняя пуговица рубашки осталась расстегнутой, обнажая основание шеи. Крошечный кусочек кожи не должен был так на меня действовать.

Гранат и омела, Даяна Морган: И вместо этого сделала то, о чем мечтала долгие дни и тягостные мгновения: отложив нож, зарылась пальцами в его темные волосы, которые оказались такими же мягкими, как она и думала. Больше в нем ничего мягким не казалось, разве что губы, которые она поцеловала. В остальном он весь был горячим и твердым.

Из крови и пепла, Дженнифер Ли Арментроут: Я сделала то, что хотела еще в «Красной жемчужине»: зарылась пальцами в его волосы, которые оказались такими же мягкими, как я и думала. Больше ничего в его теле мягким не казалось, он весь был горячим и твердым.

Гранат и омела, Даяна Морган: Он поцеловал ее, и ее сокрушило чувство, что она все делает правильно. Ее прошлое и настоящее сомкнулись в единую линию.

Оно, Стивен Кинг: Он обнял ее, и его сокрушило ощущение, что он все делает правильно, что прошлое и настоящее смыкаются в кольцо без малейшего намека на шов.

Гранат и омела, Даяна Морган: — Пожалуйста, — прошептала Авалон и обвила его ногами за талию, ощущая его близость у своего лона — там, где сосредоточились все ее чувства.

<...>

Он чуть дернул бедрами и легко проник в нее — она уже была влажной, готовой его принять. Затем он вошел глубже и, разорвав тонкую преграду, заполнил ее. Авалон укусила его за плечо, когда пришла ожидаемая боль. <...> Потом снова поцеловал ее и заскользил в ней взад-вперед, уверенно двигая бедрами, накатывая, словно океанская волна: неспешно и глубоко. Их обнаженные, скользкие от пота тела соприкасались, распаленная кожа горела.

Сестра звёзд, Мара Вульф: – Пожалуйста, Эзра, – прошептала я, обвивая его ногами за талию, и тогда ощутила его там, где сосредоточилось все мое восприятие.

Частица твоего сердца, Эмма Скотт: Чуть дернув бедрами, он легко скользнул внутрь меня; я уже была влажной. Готовой его принять и жаждущей этого.

Сестра звёзд, Мара Вульф: А затем он вошел глубже, разорвав тонкую преграду, и со стоном заполнил всю меня. Я укусила его за плечо, потому что внезапно пришла боль.

Частица твоего сердца, Эмма Скотт: Он скользил во мне взад-вперед, двигая бедрами, накатывая, словно волна, неспешно и глубоко. Наши обнаженные, скользкие от пота тела соприкасались друг с другом.

Гранат и Омела, Даяна Морган: Мысли Авалон превратились в семена одуванчика, сдуваемые шквальным ветром.

Благие намерения, Кэти Максвелл: Ее мысли разлетелись, как семена одуванчика в бурю.

Глава 21

Гранат и омела, Даяна Морган: Огонь бил у него за спиной горячими крыльями, пока он уходил в поисках лошади.

Битва королей, Джордж Мартин: И выскочила из амбара, а огонь бил у нее за спиной горячими красными крыльями.

Гранат и омела, Даяна Морган: Как привлекательно было доверие сначала, и как оказалась отвратительна его обратная сторона.

Собор Парижской Богоматери, Виктор Гюго: О, как привлекателен разгул сначала и как отвратительна его обратная сторона.

Гранат и омела, Даяна Морган: Слова на языке приобрели вкус битого стекла, резавшего рот.

Сестра звезд, Мара Вульф: Слова у меня на языке приобрели вкус битого стекла.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дамиан решил, что снова обретет веру, пусть даже ее придется у кого-то занять.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Она снова обретет веру, пусть даже придется занять ее у близнецов.

Гранат и омела, Даяна Морган: Надлом, который с ним случился из-за нее, окончательно пошел трещинами, и осознание своей роковой ошибки, казалось, выдавило из Дамиана все заблуждения, как мякоть из лимона, оставив лишь жгучие семена его гнева и ненасытной жажды отомстить.

Мудрость толпы, Джо Абберкромби: Те превосходные качества, которым все когда-то так в нем завидовали, – честность, отвага, грубоватое добродушие, – казалось, были выдавлены из него, как мякоть из лимона, оставив лишь жгучие семена гордыни, гнева и ненасытной жажды побеждать.

Гранат и омела, Даяна Морган: Авалон бросила на него взгляд полный агонии и такой отчаянной тоски, что от этого его мертвое сердце, казалось, должно было шевельнуться, но Дамиан все равно чувствовал только пустоту.

Девушка, которая упала в море, Акси О: Девушка бросила на него взгляд, который я никогда прежде не видела, – смесь из агонии, страха и такой отчаянной тоски, что от этого зрелища мое сердце обливалось кровью.

Гранат и омела, Даяна Морган: Однако оказалось, что устоять перед искушением легко только тогда, когда оно искушает не тебя.

Сестра звёзд, Мара Вульф: – Легко устоять перед искушением, когда оно искушает не тебя.

Гранат и омела, Даяна Морган: Тебе, видимо, трастамарское солнце напекло в голову, раз ты думаешь, что можешь остановить меня.

Тень богов, Джон Гвинн: – Тебе солнце напекло голову, раз думаешь, что я отдам одного из своих, – прорычал Глорнир, качая головой.

Гранат и омела, Даяна Морган: ...вместо горящего верой сердца у него оказались скомканные листы личной счетной книги, то единственное очищение, которое его ждало — смерть.

Дьявол и тёмная вода, Стюарт Тёртон: ...у Воса вместо сердца скомканные листы конторской книги.

Гранат и омела, Даяна Морган: Дерево трещало, ревушие столбы огня поднимались над Симеоном, посылая к небесам черный дым, и их оранжево-алые отблески заставляли бледнеть само солнце.

Божество реки, Смит Уилбур: Ревущие столбы огня поднимались над ними, смешиваясь с черным дымом, их кроваво-красный отблеск соперничал с красками рассвета.

Гранат и омела, Даяна Морган: Туман, клубившийся над водой, дышал сырым холодом.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Казалось бы, яркий свет обещал тепло, но постоянный туман, клубившийся над рекой, дышал сырым холодом.

Гранат и омела, Даяна Морган: Больше ему не удалось ничего из себя выдавить, так как ветер врывался ему в рот и запихивал все звуки обратно, и он давился невысказанными словами.

Каждый в нашей семье кого-нибудь да убил, Бенджамин Стивенсон: Больше мне не удалось ничего из себя извлечь, так как ветер врывался мне в рот и запихивал звуки обратно.

Гранат и омела, Даяна Морган: В голове Дамиана всплыли моменты их с Авалон близости, заставив его вздрогнуть от омерзения и стыда.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Самая мысль о тех памятных разговорах заставила его вздрогнуть от омерзения и стыда.

“Королева Лис”, Даяна Морган, София Никодимова

Королева Лис: Имя повисло между ними, как отравленный кинжал.

Открытые мысли, Сьюзан Кей Куинн: обвинение повисло между нами, как отравленный кинжал.

Королева Лис: Огонь взревел диким зверем.

Внук Персея. Книга 1. Мой дедушка, Генри Лайон Олди: Тело ее сделалось водой — нет, горючим земляным маслом, потому что огонь взревел диким зверем.

Королева лис: Ей казалось, что они — жители чужой страны, говорят на варварском языке, и у нее нет с ними ничего общего.

Буря мечей, Джордж Мартин: Ей казалось, что они живут в далекой стране и говорят на чужом языке — у нее с ними не было ничего общего.

Королева лис: Нейран перехватил ее взгляд, и ей показалось, что **она стоит в чистом поле во время надвигающейся грозы, буквально напрашиваясь на удар молнии.** Было слышно, как снаружи затихают крики, но Айсин уже не могла вспомнить, из-за чего они начались. Она ждала, покрывшись мурашками. **И молния не заставила себя ждать.**
Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Дело выглядело так, как если бы он стоял в чистом поле во время грозы, напрашиваясь на удар молнии. И молния не заставила себя ждать.

Королева лис: Гибкие наяды, одетые лишь в цветы и водоросли, плясали на белой с синими прожилками мраморной плите первого яруса и выливали журчащую воду из каменных кувшинов.

Игра престолов, Джордж Мартин: Гибкие молодые девы плясали на мраморных плитах, одетые в одни только цветы, или же выливали воздух из разбитых кувшинов.

Королева лис: В ее коротких рыжих волосах цвели белые плюмерии — такие же, как у Иларин, — а тонкий рот был сомкнут в вежливую улыбку, прочерченную между острым носом и бритвенно-узким подбородком.

Черный человек, Ричард Морган: Рот сомкнут в линию, выравненную между острым подбородком и бритвенно-узким, костистым носом.

Королева лис: Казалось, что коридор слегка дрожит на оси их встретившихся взглядов.

Черный человек, Ричард Морган: Севджи казалось, что комната слегка трясется на оси их встретившихся взглядов.

Королева лис: Волнительный запах ее волос, еще влажных, тепло кожи, мягкие изгибы тела, – все это влекло его, завораживало и требовало прижаться к Айси.

Черный человек, Ричард Морган: Всплеск запаха ее волос, все еще влажных, тепло кожи, мягкие изгибы тела прямо перед глазами.

Королева лис: Карамельные волосы в привычных косичках растрепались, щеки горели, словно она только что вырвалась из чьих-то страстных объятий.

Пир стервятников, Джордж Мартин: — Каштановые кудри маленькой королевы растрепались, щеки горели, словно она только что покинула чьи-то объятия.

Королева лис: Феликс бесконечно долго разглядывал густые темные волосы Айсин, превратившиеся во взъерошенную гриву во время передраги, и ее бледное лицо, **застывшее в фарфоровой неподвижности.**

Черный человек, Ричард Морган: ...когда она на чем-то сосредотачивалась, ее лицо **застывало в фарфоровой неподвижности**, от которой его сердце каждый раз разбивалось, издавая тот же звук, что и уголек ее косяка.

Королева лис: Она положила руку на плечо соратницы, пытаясь успокоить, и бросила беглый взгляд на хозяина льва.

Оллвард. Разрушитель миров, Виктория Авеярд: Валери положила ладонь на руку Эндри, пытаясь хотя бы немного его успокоить, и перевела на него свой пронзительный взгляд.

Королева лис: В тугой жаркой тишине было слышно, как в очаге потрескивают поленья, разбрасывая снопы искр.

Пепел и сталь, Брендон Сандерсон: В полной тишине слышно было, как негромко потрескивают горящие поленья.

Королева лис: Айсин бросила на шамадорца лучший взгляд из серии «только идиот мог до такого додуматься».

Черный человек, Ричард Морган: – Севджи бросила на него свой лучший взгляд из серии «только идиот до такого додумается».

Королева лис: Нейран был на полторы головы выше Айси, и когда она нагло вторглась в его личное пространство, казалось, стал еще больше и опаснее.

Черный человек, Ричард Морган: Уильямсон был на голову выше нее, но она вторглась в его личное пространство, будто на танке.

Королева лис: В первую секунду это слово удивило Айси, а потом показалось таким старомодным, будто ей в лицо швырнули перчаткой, вызвав на дуэль.

Черный человек, Ричард Морган: Первые пару раз слово обескуражило и показалось каким-то старомодным, будто дуэльная перчатка, которую швырнули в физиономию.

Королева Лис: Когда он подавился куском, громыхнул смех, а затем, с трудом откашлявшись, он и сам заржал так, что куски курицы полетели во все стороны.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Белобородый заржал так, что куски куриного мяса полетели во все стороны, и вытер своей громадной ручищей жирные губы.

Королева Лис: Пламя от гривы крутилось и вилось, оранжевые языки уже догоняли друг друга по стенам аудитории.

Игра престолов. Книга 2, Джордж Мартин: Пламя крутилось, вилось, языки его догоняли друг друга.

Королева Лис: Вокруг статуи теснились хижина с пробитыми дерновыми крышами и дырявыми стенами, поросшими пушистым зеленым мхом.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Вокруг дерева теснились хижина с дерновыми крышами, один длинный бревенчатый дом с обросшими мхом стенами.

Королева Лис: – произнес он настолько грозно, что девушка выпучила глаза и вспыхнула, как от пощечины.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Это прозвучало так неожиданно, что Серсея выпучила глаза, а потом вспыхнула, как от пощечины.

Королева Лис: Айси поймала себя на поисках высокого юноши, тут же вспомнила уверенные руки, твердый голос с ноткой притягательной опасности и устремленный на нее взгляд штормовых синих глаз.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Ему смутно вспоминались мягкие руки, твердый голос и устремленный на него взгляд молодого мастера Милоса.

Королева Лис: Колкий аромат сосновых иголок освежал и будто стягивал с плеч гостей тяжелый шлейф утомленности от жары. Густой ковер из опавших листьев убаюкивал и укрывал землю, глухо шуршал и хрустел от каждого шага.

Игра престолов. Книга 1, Джордж Мартин: Запахи наполняли его ноздри: колкий и бодрящий аромат сосновых иголок, идущий от земли запах сырой гниющей листвы, запахи диких зверей и дыма далеких очагов.

Игра престолов. Книга 1, Джордж Мартин: Густой ковер из опавших иголок укрывал землю, и подковы мулов глухо постукивали по скале.

Королева Лис: Тяжелый сырой ветер сопровождал их, выл и швырял под ноги бурые клочки травы и листья, напоминающие морские звезды.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Тяжелый сырой ветер сопровождал их, пока они ехали гуськом через речной лагерь.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Ветер швырял под ноги лошадям бурые листья, зато дождя по крайней мере не было.

Королева Лис: – смешок Феликса струйкой взвился в холодный воздух и растаял.

Игра престолов. Книга 1, Джордж Мартин: Смешок Тириона Ланнистера струйкой взвился в холодный воздух.

Королева Лис: Слова профессора обрушились на нее, как снаряд, пущенный из катапульты, и теперь беспомощная злость бурлила внутри.

Королева Лис: Сердце стиснула такая жуткая усталость, что она едва могла думать, но образ переживающего отца не желал отступать ни на секунду.

Игра престолов. Книга 2, Джордж Мартин: Слова эти рухнули на лордов-знаменосцев как огромный камень, пущенный с катапульты.

Игра престолов, Джордж Мартин: Этим утром сердце Неда стиснула такая усталость, что он едва мог стоять, но теперь ярость вернула ему силы.

Королева Лис: Нейран печально вздохнул и оглядел уютную гостиную: мягкую мебель, горшки с растениями, лестницу, которая вилась на второй этаж, пересеченная полосами света, а затем наруч, бледно мерцающий алхимической руной.

Битва Королей. Книга 1, Джордж Мартин: Впереди вилась лестница, пересеченная полосами мерцающего света из узких окон наверху.

Королева Лис: По прикидкам Айси, прошло по меньшей мере полчаса, прежде чем небосклон слева порозовел и зазолотился, а впереди замаячила тень утеса.

Игра престолов. Книга 2, Джордж Мартин: Восточный небосклон порозовел и зазолотился, когда солнце поднялось над Долиной Арренов.

Королева Лис: – слова Мантира повисли в воздухе, как отравленная стрела.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Слова повисли между ними, как отравленная сталь.

Королева Лис: Дверь с грохотом захлопнулась, а косяк едва не отвалился, испустив пыльный вздох.

Жертва, Сол Беллоу: Испустив пыльный вздох, за ним захлопнулась стеклянная дверь, он сделал несколько шажков по зеленым плиткам, разинул рот, чтобы отдышаться.

Королева Лис: Когда шестеро человек окончили длительный подъем и вышли из ущелья, уже рассвело, а ливень сменился мелким назойливым дождем, предоставив Айси возможность осмотреться. Перед ней предстал спокойный край плодородного чернозема, где медленная река и широкое озеро зеркалами отражали проблески солнечного света. На этой высоте простирались поля пшеницы, напоминающей атласную пряжу, и грядки с овощами, зеленели одинаковые ряды кукурузных зарослей, а за ними, словно стражи, вытянулись фруктовые деревья. Ущелье вывело отряд в высокогорную долину, с трех сторон закрытую грозными пиками гор. Отсюда шли две дороги. Одна из них извилисто бежала в низину, где с четвертой стороны раскинулся густой смешанный лес, отбрасывающий яшмовые и малахитовые тени.

Буря мечей, Джордж Мартин: Рассвет настал, и занялся день, серый и холодный. Гроза утихла, сменившись мелким назойливым дождем, но в богороще, несмотря на погоду, яблоку негде было упасть.

Игра престолов, Джордж Мартин: Она раскинулась перед ними, уходя в туманные дали: спокойный край богатого чернозема, широких медленных рек и сотен небольших озер, зеркалами отражавших лучи солнца, со всех сторон огражденный грозными пиками. На этих высотах росли пшеница, кукуруза, ячмень, и даже в Вышесаде плоды были не слаще, а тыквы не больше здешних. Они находились в западном конце Долины, где высокогорная дорога, одолев последний перевал, начинала извилистый спуск к низинам в двух милях внизу.

Королева Лис: Боль снова напомнила о себе и стала глотать изнутри, как беззубая псина.

Буря мечей, Джордж Мартин: Боль глодала его, как беззубая собака. (переиспользовано в гио)

Королева Лис: Промозглый туман, коварный, меняющий звуки, расстояния и очертания предметов, внезапно раскрыл свои влажные объятия. <...> В ее центре покосилась, будто обугленный огарок, статуя старика <...> Каменное лицо, покрытое сетью трещин, смотрело вперед с горечью мудрости, а по ногам поднимались серый лишайник и ползучие дикие розы.

Граница горных вил, Тихомирова Ксения: Может быть, в этом был виноват туман, промозглый, влажный, зябкий и коварный, менявший звуки, расстояния, очертания предметов.

Игра кота, Роман Прокофьев: ...застывшие оплавленными огарками статуи...

Буря мечей, Джордж Мартин: Сам камень потрескался и раскрошился, белые пятна лишайника покрывали его, и дикие розы заплели ноги короля, подбираясь к груди. (переиспользовано в гио)

Королева лис: Над Айсин нависло нечто корявое и уродливое, с поплывшим восковым лицом. <...> Кривые, непропорционально длинные пальцы перебирали липкие пряди волос.

Замена, WednesdayH: Над Лерой нависало что-то корявое и уродливое, испещренное темными полосами шрамов и измазанное кровью. <...>, кривые непропорциональные лапы перебирали липкие пряди волос, а между тонких ног с неправильными коленями болталось что-то нелепое и светящееся.

Королева лис: напряжение в теле копошилось под жарким одеялом, пронзая нервные окончания жгучей болью.

Буря мечей, Джордж Мартин: В комнате было темно, и боль снова копошилась под одеялом, пронзая ногу раскалённым ножом при каждом движении. (переиспользовано в гио и могильном алхимике)

Королева лис: Она облизнула пересохшие в одно мгновение губы и почувствовала себя пойманным на месте преступления котом рядом с разбитым аквариумом и трепыхающейся во рту рыбой. Как ни таращи честные глаза, обвинительный приговор уже подписан. А улики... Да вот они, в наличии, сколько лапой ни черпай воду обратно в разбитые осколки.

Академия Стражей, Светлана Суббота: Я почувствовала себя пойманной на месте преступления, эдаким кошаком рядом с опрокинутой кастрюлей. Как ни таращ честные глаза, приговор подписан заранее. Улики вот они, в наличие, сколько лапой не подгребай.

Королева лис: Мгла окутывала их, как сон, притупляла слух и зрение.
(прим. там на самом деле вокруг них туман)

Туман, Иван Бунин: Хотелось хоть что-нибудь рассмотреть в ненастной дали, но туман окутывал, как сон. притуплял слух и зрение;

Королева лис: Ее и без того узкие глаза сощурились, и эпикантус придал им вид полных ненависти полумесяцев.

Потомок Одина, Сири Петтерсен: Её глаза превратились в узкие, полные ненависти полумесяцы.

Королева лис: Отстранив тарелку, она откинулась на спинку стула и вновь перенеслась мыслями в кабинет директрисы – так язык возвращается на дыру в десне, где раньше был зуб, – это вызывало зуд и боль, но прекратить она не могла.

Битва королей, Джорд Мартин: Под звяканье колокольчика мысли Дени вновь вернулись во Дворец Праха — так язык возвращается на место отсутствующего зуба.

Королева лис: Небосклон медленно окрашивался в фиолетовый, цвет кровоподтека, а пылающая линия горизонта напоминала свежую рану.

Танец с драконами, Джорд Мартин: Когда небо на западе окрасилось в цвет кровоподтёка, она услышала приближающийся стук копыт.

Королева лис: Улыбки Эль, Айси и Феликса резко увяли, как цветы, побитые первыми заморозками.

Пир стервятников, Джорд Мартин: Их улыбки увяли, как розы, побитые заморозком.

Королева лис: Айси случайно задела локтем ветку, накренившуюся от тяжести маленьких яблок. Фел же едва не поскользнулся на гнилых плодах, источавших хмельной запах сидра.

Буря мечей, Джорд Мартин: Пол бывшей общей комнаты усеивали палые листья и гнилые яблоки. Вокруг стоял хмельной запах сидра.

Королева лис: Басовое ворчание вырвалось из горла пса с клубком горячего воздуха, и он целеустремленно направился к ним.

Битва королей, Джорд Мартин: Басовитое ворчание вырвалось из горла Лета, и это больше не было игрой. Волк двинулся вперед, ощерившись и сверкая глазами.

Королева лис: Поцелуй, страстный и мучительный, показался таким же неожиданным, как лед в огне: одновременно обжигающим и ледящим. <...> Однако, когда Нейран еще плотнее приблизился и придавил Айси к стене, ее рассудок вновь провалился в бездну. <...> Айсин сдалась: обхватила его лицо тонкими пальцами и ответила на поцелуй со всей бушующей в ней страстью. <...> «Нейран».

Она не поняла, произнесла ли его имя вслух или это был только вздох, застрявший в ее груди, но реальной стала боль, когда Нейран резко отстранился. Он отпустил ее и нетвердо отступил на шаг. Его синие глаза в тусклом свете коридора пылали, а выражение лица было ошарашенным и безумным. Затем он посуровел, и Айсин поняла, что он сейчас уйдет.

Драгоценный дар, Леннокс Марион: Поцелуй был нежным и мучительным. Он был таким же неожиданным, как лед в огне: одновременно согревающим, замораживающим и возбуждающим. <...>

Разум ее куда-то исчез. Мысли улетучились. На свете был только этот мужчина. <...>

Рафф.

Разве она произнесла его имя вслух?

Возможно, да, а возможно, это был только вздох, застрявший в ее груди, звук истинного чувственного наслаждения.

<...>

Рафф услышал это слово. Боль, когда он отпустил ее, была непереносимой. Он отпустил ее и сделал шаг назад. Глаза его в лунном свете были такими же горящими, как и у нее. Но затем лицо его словно застыло, посуровело, и она поняла, что он сейчас уйдет.

Пламя, Мэй Макголдрик: Она кивнула и, притянув к себе его лицо, поцеловала его со всей бушующей в ней страстью.

Королева лис: Легкий ветерок поднимал белую пыль, которая казалась стеклянной пылью.

Танец с драконами. Грёзы и пыль, Джордж Мартин: Ветер поднимал в воздух белую пыль, сверкавшую как стеклянная в последних отблесках дня. (переиспользовано в гио)

Королева Лис: Сердце шамадорца сжалось от боли, и он машинально тряхнул головой, пытаясь отогнать чувство вины ...

Странствия убийцы, Робин Хобб: Горло мое сжалось, и я тряхнул головой, пытаясь отогнать воспоминания.

Королева Лис: Магия музыки сунтлеоновцев и голос солиста фарси вели между собой острую беседу, как если бы их борьба описывала безумную страсть и похоть.

Имя ветра (перевод Анны Хромовой), Патрик Ротфусс: Пальцы и струны вели между собой осторожную беседу, как если бы их танец описывал безумную страсть.

Королева Лис: Он был полон ею: смущенной улыбкой, звуком голоса и тем, как свет факелов отбрасывал тени на ее лицо.

Имя ветра (перевод Анны Хромовой), Патрик Ротфусс: Я был так полон ею, запахом ветра в ее волосах, звуком ее голоса, тем, как лунный свет отбрасывает тени на ее лицо...

Королева Лис: Она долго молчала, не решаясь открыться, но все-таки улыбнулась теплой, застенчивой улыбкой, похожей на распускающийся бутон.

Имя ветра (перевод Анны Хромовой), Патрик Ротфусс: Теплой, нежной, застенчивой улыбкой, похожей на раскрывающийся бутон.

Королева Лис: От близости этой тьмы у нее перехватило дыхание, словно она снова очутилась под водой, как во время прохода через портал.

Имя ветра (перевод Анны Хромовой), Патрик Ротфусс: От ее близости перехватило дыхание, как будто я вдруг очутился глубоко под водой.

Королева Лис: Его серебряная корона сверкала в свете воткнутой в землю факелов.

Имя ветра (перевод Анны Хромовой), Патрик Ротфусс: Серебряная маска сверкала в свете факелов.

“Могильный алхимик”, Даяна Морган, София Никодимова

Могильный Алхимик: Ночной дождь пробудил к жизни множество уснувших лесных запахов, сделав их густыми и сильными.

Битва королей, Джордж Мартин: Вечерний дождь пробудил к жизни сто уснувших запахов, сделав их густыми и сильными.

Могильный Алхимик: За окнами редкие листья, напоминающие крылья, высочайших драконьих сосен металась, точно потревоженные души предков.

Академия Пяти Стихий. Капли дождя, Анна Платунова: Ветер неистовствовал, листья металась как потревоженные души.
(переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: дни и ночи сливались в тумане боли.

Буря мечей, Джордж Мартин: Дни и ночи сливались в тумане боли.

Могильный Алхимик: Боль снова закопошилась под повязкой, пронзая плечо раскаленной кочергой при каждом движении.

Буря мечей, Джордж Мартин: В комнате было темно, и боль снова копошилась под одеялом, пронзая ногу раскалённым ножом при каждом движении. (переиспользовано в ГиО)

Могильный Алхимик: Надвратные башни возникли из пелены дождя, точно туманные белесые призраки, постепенно обретающие четкие контуры.

Буря мечей, Джордж Мартин: Надвратные башни возникли из дождя, как призраки, мглистые серые приведения, постепенно обретающие твердые контуры.

Могильный Алхимик: Ветер, пахнувший хвоей, шелестел листьями деревьев волчьего леса и тербил его одежду.

Буря мечей, Джордж Мартин: Ветер, пахнувший хвоей, шуршал в деревьях, тербя его выцветшую черную одежду. (переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Красивый дублет из травяного бархата с пышными рукавами, сквозь прорези которых виднелась красная атласная подкладка, идеально сидел на его по-подростковому несформированном теле.

Буря мечей, Джордж Мартин: Он обозрел свой новый дублет из красного бархата, с подбитыми плечами и пышными рукавами, сквозь прорези которых виднелась черная атласная подкладка.

Могильный Алхимик: Пахло от него так, точно он искупался в соке клубники.

Буря мечей, Джордж Мартин: Пахло от него так, словно он искупался в малине, рыжая с чёрным борода лоснилась от масла.

Могильный Алхимик: — Я твоя королева, наглый ты щенок, и ты обязан мне повиноваться!

Буря мечей, Джордж Мартин: Я твой лорд-командующий, наглый ты щенок, и ты должен мне повиноваться, пока носишь этот белый плащ.

Могильный Алхимик: Старые скрюченные дубы, кокетливые сосны и цветущий терновник скрывали ее от любопытных глаз.

Битва королей, Джордж Мартин: Представьте себе старые скрюченные дубы и высокие сосны, цветущий терновник, серые камни, поросшие мхом, ледяные реки, обтекающие с крутых холмов.

Могильный Алхимик: В этих горогонах ощущалось нечто призрачное и жуткое, особенно в сумеречном поле под тихим небом.

Игра престолов, Джордж Мартин: В этих зверях ощущалось нечто призрачное и жуткое, особенно в сумеречном лесу под тихим снегом.

Могильный Алхимик: Дыхание оставило Фела, рот наполнился грязью, кровью и гнилой листвой.

Игра престолов, Джордж Мартин: Дыхание оставило Тириона, рот наполнился грязью, кровью и гнилой листвой. (переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Возможностей слова «катастрофа» тут явно не хватало.

Игра престолов, Джордж Мартин: Возможностей слова «кошмар» тут явно не хватало.

Могильный Алхимик: В центре лежал пухлый фолиант в кожаной обложке, потрескавшиеся страницы которого были исписаны неразборчивым почерком.

Игра престолов, Джордж Мартин: потрескавшиеся желтые страницы пухлого фолианта в кожаной обложке были исписаны неразборчивым почерком.

Могильный Алхимик: – Я не то имел в виду, – буркнул Феликс, недовольно скрипнул зубами, ухватился за обломок толстой ветки и с трудом встал из каши, в которую превратил ягодные кусты.

Игра престолов, Джордж Мартин: Тирион раздраженно скрипнул зубами, ухватился за корень и с трудом сел. (переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Возле воды вытянулась целая цепь причалов, гавань вмещала в себя десятки судов, похожих на жителей подводного мира.

Игра престолов, Джордж Мартин: Возле воды вытянулась целая сотня причалов, и гавань была полна судов.

Могильный Алхимик: Повара фátумских ресторанов, владельцы местных борделей, хозяйки и матросы вовсю приценивались к утреннему улову.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Стюарды, повара, хозяйки, матросы с галей толкались, прицениваясь к утреннему улову.

Могильный Алхимик: Этот же свет зажигал бриллианты на платье Теллarii, приковывая к ней всеобщее внимание.

Буря мечей, Джордж Мартин: Этот же свет зажигал рубины на траурном платье Серсеи.

Могильный Алхимик: Драпировки и гобелены на стенах почернели от плесени, отсырели и теперь впитывали алую влагу.

Битва королей, Джордж Мартин: Драпировки на стенах позеленели от плесени, тюфяк отсырел и слежался, тростник на полу завял.

Могильный Алхимик: Тепло струилось по пальцам Айси, как растопленное масло.

Игра престолов, Джордж Мартин: Тепло струилось по пальцам, как растопленное масло. (переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Айси могла поклясться, что расслышала, как треснуло его сердце.

Грехи распутного герцога, Софи Джордан: Девушка осталась стоять на месте, глядя в дикие голодные глаза мальчишки и думая о том, что только что услышала, как треснуло ее сердце. (переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Она и сама понимала, что за этими внешними всплесками перфекционизма в неподходящей ситуации крылось глубокое течение ее отчаяния, стремительное и буйное, готовое утащить в бездну.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Она сама понимала, что за этими внешними всплесками крылось глубинное течение ее горя, незримое, непроглядное и готовое вот-вот утащить ее в бездну.

Могильный Алхимик: Пока прохладный бриз оведал их обнаженные тела, а там, где они соприкасались, гнезилось тепло, она отпустила контроль и полностью доверилась Нейрану.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Там, где их тела соприкасались, гнезилось тепло.

Могильный Алхимик: Две пылающие лавовые сферы, соединенные раскаленной цепью, просвистели высоко в воздухе и с ужасным треском врезались в паруса и такелаж корабля, раздирая, поджигая, путая и обрушивая вниз все, чего касались по пути.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Пронеслись высоко в воздухе и с ужасным треском врезались в паруса и такелаж преследуемого корабля, раздирая, перепутывая и обрушивая вниз все, что попадалось им на пути.

Могильный Алхимик: Не то, чтобы рывкнул, он даже голоса не повысил, но в его интонацию прокрался настоящий металл.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Собственно, не то чтобы рывкнул, он даже голоса не повысил, просто добавил властного металла, и пираты, словно очнувшись, ринулись по местам.

Могильный Алхимик: Ни мысли, ни тело не могли успокоиться, терзаемые сомнениями, причин которых она и сама толком не могла бы нормально объяснить.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Малта крутилась и вертелась в постели, ни душа, ни тело не знали покоя, терзаемые смутными томлениями, причину которых она сама толком не понимала.

Могильный Алхимик: Лагар вывалил на стол свою изувеченную руку, точно якорь за борт.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Проказницу" захватили пираты... - вывалил он, словно якорь за борт.

Могильный Алхимик: Она стиснула зубы, что было мочи, только бы не дать губам задрожать.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Она что было мочи сжала зубы, чтобы губы не посмели задрожать.

Могильный Алхимик: Она начала мысленно считать до десяти. Когда дошла до пяти, ей перестало казаться, что она сейчас задохнется. Восемь – слезы больше не затуманивали ей глаза. Десять – спокойный вздох. Но в обоих мирах не существовало такого числа, досчитав до которого она залатала бы брешь в своей душе.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Когда она дошла до семи, ей перестало казаться, что она задыхается. Когда дошла до девяти, слезы уже не затуманивали ее глаза. Но во всей вселенной не существовало такого числа, дойдя до которого она смогла бы залатать брешь в своем сердце.

Могильный Алхимик: Айсин чувствовала, что в его душе крылось множество крепко запертых дверей, пытаться отворить которые, наверняка, было предприятием бесперспективным.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Она успела понять: в душе ее подруги-резчицы было множество крепко запертых дверей, пытаться открыть которые было дело бесперспективное.

Могильный Алхимик: Наслаждалась блеском его глаз, глубокой тенью под скулой, легкой задумчивостью и невесомыми движениями крепких плеч под нарядной рубахой.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: И как ни ранили ее сердце принесенные им известия, помимо собственной воли она наслаждалась

блеском его темных глаз и движением крепких плеч под нарядной рубашкой.

Могильный Алхимик: Страстная тяга к возражениям и отрицанию выгорела в ее душе, сменившись беспомощностью, чувством поражения и стыда.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Но страстная тяга к бегству от жизни скоро выгорела в душе, сменившись беспомощностью.

Могильный Алхимик: Его взгляд ударился о ее самообладание, словно камень, оставляющий на воде расходящиеся круги.

Наследница журавля, Джоан Хэ: Акира посмотрел на Хэсину, и его взгляд ударился о ее сердце, словно камешек, оставляя расходящиеся круги, в которых эхом повторялся один и тот же вопрос. (переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Принцесса почувствовала себя обещанной и обманутой, как комната после погрома.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: На какой-то миг Роника ощутила себя такой же обещанной и обманутой, как эта комната, в которой она стояла.

Могильный Алхимик: Они шли бок о бок в тишине по крытым переходам темного грота среди бесконечного количества колонн, сквозь винный погребок, сырой и обросший селитрой на стенах.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Винный погребок, сырой и темный, с обросшими селитрой стенами, был так низок, что Бронну пришлось бы пригнуться, чтобы не стукнуться головой о потолок, но Тирион Ланнистер не знал подобных затруднений.

Могильный Алхимик: В ее голове огромным пауком расплзлась молния осознания.

Страхи мудреца, Патрик Ротфусс: По небу огромным пауком расплзлась молния, осветив все кругом на целую секунду.

Могильный Алхимик: Помни, что старая история пишется чернилами, а новая — кровью.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Мертвая история пишется чернилами, живая же — кровью.

Могильный алхимик: Она и так напрягала каждую мышцу, чтобы выглядеть расслабленной и превратить мучительную гримасу боли в выражение спокойной собранности.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: Савин, как всегда, напрягала каждый мускул, чтобы выглядеть совершенно расслабленной и превратить мучительную гримасу в выражение спокойного достоинства.

Могильный алхимик: С самой ночи ее покрывала склизкая пленка лжи, от которой она не сумела отмыться, даже проведя в ванной час.

Мудрость толпы, Джо Аберкромби: С утра до ночи его покрывала склизкая пленка лжи, которую было не соскрести.

Могильный алхимик: Она была на грани, а он просто хотел ее утешить, но вместо утешения, в котором она и впрямь нуждалась, он напомнил ей о самом важном – давней мечте защищать невинных людей.

Дети великого шторма, Наталья Осояну: Он просто хотел ее утешить, она в этом утешении и впрямь нуждалась, и они даже не осознали, в какой миг дружеское объятие превратилось в нечто большее.

Могильный Алхимик: Оно лежало с неловко повернутой головой и широко распахнутыми глазами, крепко прижавшись щекой к грязному полу, будто прислушиваясь к шороху клопов внизу. Большая лужа натекла вокруг туловища, и струйки цвета темного граната прокладывали себе путь в пыли.

Черный человек, Ричард Морган: Ночера лежал с неловко повернутой головой и открытыми глазами, крепко прижавшись щекой к плохо выметенному, грязному полу, будто прислушиваясь к шебуршанию крыс внизу. Больше крови, широкая лужа натекла вокруг его туловища, струйки цвета темного вина змеились, прокладывая себе путь в пыли.

Могильный Алхимик: Взгляд Нарины с благоговейного сменился суровым, от которого в испуге попятился бы даже здоровенный взрослый мужик.

Безумный корабль, Робин Хобб: И Кеннит метнул на него взгляд, от которого в испуге попятился бы здоровенный взрослый мужик.

Могильный Алхимик: Да и беспомощные попытки мозга выдать предположения только доказывали, что этот вопрос стал бы причиной мучительных метаний...

Безумный корабль, Робин Хобб: А беспомощные попытки дать объяснение только свидетельствовали, что этот вопрос был причиной мучительных раздумий.

Могильный алхимик: Боль внизу живота, вспыхнувшая в одно мгновение, постепенно растеклась по мышцам, оставив после себя гнусное ощущение беспомощности и трусости.

Безумный корабль, Робин Хобб: Боль вспыхнула и постепенно рассосалась, оставив после себя гнусное ощущение – нечто среднее между покалыванием и чесоткой.

Могильный алхимик: Она выглядела отвратительно, побитая и подранная, словно кусок мяса – двумя животными, но хуже всего были ее безжизненные глаза.

Корабль судьбы, Робин Хобб: Но хуже всего, по мнению Этты, были его безжизненные глаза.

Могильный алхимик: Амáнда Лióтер, детектив суперинтендант, вздрогнула, глубоко затянулась и выпустила струю дыма, печально глядя на вошедшего.

Железный волк, Сири Петтерсен: Она затянулась сигарой и выпустила облако белого дыма из уголка рта, глядя на Юву.

Могильный алхимик: Мышцы зудели от напряжения, натянутые, точно гитарные струны.

Кости и Звездная пыль, Редгрейн Лебовски: Мышцы рук дрожали от напряжения, словно туго натянутые струны...

Могильный Алхимик: Он отчаянно замахал руками в уже проигранной битве за сохранение равновесия и распластался на гальке, как морская звезда.

Оно, Стивен Кинг: Каблуки соскользнули с верхней, и он начал медленно заваливаться назад, отчаянно замахал руками в уже проигранной битве за сохранение равновесия.

Могильный Алхимик: Прошло пару секунд, прежде чем пустота в месте удара исчезла, и ее заполнила боль.

Оно, Стивен Кинг: ...проходило несколько секунд, прежде чем пустота в месте удара исчезала, и ее заполняла боль.

Могильный Алхимик: Айсин почувствовала подступающую волну паники и погнала ее вглубь, под замок. Ей это удалось, но не без труда. Айси ощущала ее: паника дергалась и извивалась, словно живая ползучая тварь, готовая в любую секунду вырваться.

Оно, Стивен Кинг: Билл почувствовал, как в душе поднимается паника, и погнал ее вглубь, под замок. Это ему удалось, но не без труда. Он чувствовал ее: паника дергалась и извивалась, словно живое существо, готовая в любой момент вырваться из заточения.

Могильный Алхимик: Нельзя позволять себе такие мысли. Задержишь их в голове хотя бы на секунду – и тебе точно дорога напрямик в ад, решил он.

<...>

Алая краска на крышке выцвела и местами облупилась, образовав проплешины, выглядевшие как мерзкие язвы.

<...>

Он старался не шуметь, но давно бездействовавшие петли все равно недовольно заскрипели, и ржавчина осыпалась на землю.

Оно, Стивен Кинг: В ужасе Беверли отпрянула от этого голоса.

Позволишь такой мысли остаться в голове хотя бы секунду – и ты непременно угодишь в ад.

Оно, Стивен Кинг: Но теперь красная краска выцвела до бледно-розовой и облупилась, образуя отвратительные проплешины, которые выглядели как язвы.

Буря мечей, Джордж Мартин: Давно бездействующие петли недовольно заскрипели, и ржавчина осыпалась на пол.

Могильный Алхимик: Щека онемела, но вскоре чувствительность вернулась пульсирующей болью.

Оно, Стивен Кинг: Потом чувствительность вернулась пульсирующей болью, и он ощутил текущую кровь.

Могильный Алхимик: Она так и застыла столбом, точно животное, которого осветили фары приближающегося автомобиля.

Оно, Стивен Кинг: Услышав, что троица по-прежнему преследует его, Бен едва не впал в ступор, как случается с животным, которого освещают фары приближающегося автомобиля.

Могильный Алхимик: Мир пробуждался: становился из черного – индиговым, рассвет крался по полям и лесам, зажигая их свежими

оттенками, и только у крепостных стен оставалась бурая выжженная земля.

Игра престолов. Книга 2, Джордж Мартин: Мир внизу пробуждался: становился из черного индиговым, а потом зеленым, рассвет крался уже по полям и лесам. (переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Как гнилые зубы торчали из земли остовы разрушенных укреплений. Окованные железом зубцы на белых крепостных стенах встречали всякого дурака, желающего забраться по ним, оскалом шипов и лезвий. Хмурые массивные башни придавали дворцу вид свирепого зверя, присевшего для прыжка над городом, приютившимся у толстых стен Алкмелы.

Битва королей, Джордж Мартин: ...где, как гнилые зубы, торчали там и сям остовы сожженных укреплений.

Битва королей, Джордж Мартин: Железный трон Эйгона Завоевателя встречал всякого дурака, желающего устроиться на нем с удобством, оскалом шипов и лезвий....

Битва королей, Джордж Мартин: Окованные железом зубцы, массивные башни и толстые красные стены придавали ему вид свирепого зверя, присевшего для прыжка над городом и рекой.

Могильный Алхимик: Зубы лязгнули так, что он чуть не откусил себе язык.

Битва королей. Книга 2, Джордж Мартин: У Давоса зубы так лязгнули, что он чуть не откусил себе язык.

Могильный Алхимик: До сумерек оставалось еще около получаса, но Зал Прайда уже сиял огнями. Тщательно пригнанные камни стен, пола и потолка были расписаны сценами баталий и важных событий для Сунтлеона.

Буря мечей, Джордж Мартин: До сумерек оставалось еще около часа, но тронный зал уже сиял огнями.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Тщательно пригнанные доски стен, пола и потолка были расписаны всевозможными морскими созданиями.

Могильный Алхимик: Он перемолвился парой слов с одним из гостей, галантно приложился к перстню какой-то дородной придворной дамы и, одарив ее лучезарной усмешкой, пожал по-магически руку ее спутника с цыплячьей шеей.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Он поздоровался с каждым поочередно, перемолвился словом с Варисом, приложился к перстню верховного септона, поцеловал в щеку Серсею, пожал руку великому мастеру Пицелю и занял королевское место во главе длинного стола, между дочерью и братом.

Могильный Алхимик: Сразу за королевой и директрисой следовала юная принцесса с такой бледной кожей, будто только что вынырнула из молочной ванны.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Рослин была мала для своих лет, с кожей столь белой, как будто она только что вышла из молочной ванны, и с хорошеньким личиком — маленький подбородок, точеный носик, большие карие глаза.

Могильный Алхимик: Еще одна капля плюхнулась ей на лоб и потекла по носу.

Битва королей. Книга 2, Джордж Мартин: Одна плюхнулась Арье на лоб и медленно потекла по носу. (переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Веда плавала в спокойных черных водах реки, разбивалась на осколки, лишь когда кони преодолевали реку вброд, после чего вновь складывалась воедино и преследовала их до того самого момента, пока они не остановились у подножия холма с обгорелой ржавой землей.

Игра престолов. Книга 2, Джордж Мартин: Луна плавала на спокойных черных водах, разбиваясь на осколки и складываясь вновь, когда волны от ее ног накладывались на отражение.

Могильный Алхимик: Юноша с могучей грудью, бесстрастным лицом, будто вылепленным из камня, недобрыми глазами под тяжелым лбом, походившими на бездонные синие колодцы, шел, не оборачиваясь и не ловя взгляды придворных. Впадины под скулами и волевою челюсть покрывала короткая щетина, подчеркивающая изможденный вид. Зубы были крепко сцеплены.

Буря мечей, Джордж Мартин: Глаза короля под тяжелым лбом походили на бездонные синие колодцы. Впалые щеки и сильную челюсть покрывала иссиня-черная короткая борода, почти не скрывающая изможденности его лица, зубы были крепко сжаты.

Могильный Алхимик: Лиар, почтительно замершая в стороне, встrepенулась, словно ее застали за подглядыванием в замочную скважину.

Козырные тузы, Джордж Мартин: Смущенный Тахион почувствовал себя так, как будто его застали за подглядыванием в замочную скважину.

Могильный Алхимик: Все блесло после ночного кровавого дождя – на утреннем солнце казалось, словно вся Алкмела смазана гранатовым маслом. Нарина в компании группы захвата Ордена Правосудия вошла в крепостные стены, где багровый мох покрыл упавшие камни и повис с башен, словно длинная борода старика. Из окон, дверей и арок по стенам сползал черный плющ с алыми цветами. Блуждающий взгляд Нарины наткнулся на останки всадника, между костями которого проросли бледно-желтые цветы с пухлыми и толстыми лепестками, похожие на слизняков. Она поморщилась, продолжила путь по ступеням дворца и вошла в высокий зал с разрушенными стенами, где гуляли сквозняки, носившие туда-сюда струйки дыма.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Все блестят после ночного дождя — на утреннем солнце кажется, будто они смазаны черным маслом.

Танец с драконами, Джордж Мартин: Серый мох покрывал ковром упавшие камни и бородой свисал с башен. Из окон, дверей и арок сползал черный плющ.

Танец с драконами, Джордж Мартин: На подходе к башням трупы лежали густо. Из зияющих ран проросли бледные жгучецветы с лепестками пухлыми и влажными, как женские губы.

Танец с драконами, Джордж Мартин: В высоком чертоге гуляли сквозняки, переноса туда-сюда струйки дыма.

Могильный Алхимик: Слова королевы рухнули, словно камень, пущенный из катапульты.

Игра престолов. Книга 2, Джордж Мартин: Слова эти рухнули на лордов-знаменосцев как огромный камень, пущенный с катапульты.

Могильный Алхимик: Он до этого топтался возле трона, точно гусь, которому не терпится взлететь, но теперь, заведя перспективы развития событий, быстро принялся предотвращать катастрофу.

Битва королей. Книга 2, Джордж Мартин: Мейстер топтался рядом, как гусь, которому не терпится улететь.

Могильный Алхимик: Замок притулился на плече горы, так что вечерний ветер снаружи выл почти по-волчьи и вносил в Зал приятный освежающий воздух.

Пир стервятников, Джордж Мартин: Вверху видна снежная вершина Копья Гиганта — по сравнению с ней замок, притулившийся на плече горы, кажется крохотным.

Буря мечей, Джордж Мартин: Ночью ветер выл почти по-волчьи, и настоящие волки где-то к западу от холма давали ему уроки.

Могильный Алхимик: Но прошлое, будто настырная любовница, залезло своими давно позабытыми страхами под одежду и взбудоражило старые раны.

Игра престолов, Джордж Мартин: ветер пытался забраться под его одежду, подобно настырной любовнице.(переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Кровавый поток хлынул липким улиточным следом на губы, окрашивая зубы алым.

Оно, Стивен Кинг: Бен уже чувствовал, как кровь течет ему в трусы, липким улиточным следом проползает на левое бедро.

Могильный Алхимик: Нейран, напряженный, будто сжатая пружина, казалось, нес в себе электрический заряд, готовый вот-вот перескочить на ее кожу.

Инвиктус, Райан Гродин: Грэм словно нес на себе какой-то заряд, готовый перескочить на ее кожу.

Могильный Алхимик: От ворвавшегося в помещение порыва прохладного ветра надулись, словно паруса, занавески из желтого шелка. Столь тонкого, что сквозь него зал казался золотым.

Игра Престолов, Джордж Мартин: Занавески из желтого шелка, столь тонкого, что она могла видеть сквозь него, превращали в золото весь мир вокруг.

Могильный Алхимик: Пожирая подъем сильными лапами, огромная белая львица вылетела на освещенное факелами пространство перед парадным входом в Шамадор.

Игра престолов, Джордж Мартин: Он почувствовал, что эти камни зовут его, и помчался вверх, все быстрее и выше, пожирая подъем своими сильными лапами.

Могильный Алхимик: с величайшим трудом прорвалась сквозь платье темно-бирюзовых оттенков, отороченные бледным, будто морская пена, кружевом.

Игра Престолов, Джордж Мартин: На королеве было шелковое платье цвета морской волны, отороченное миришскими кружевами, бледными, словно пена.

Могильный Алхимик: Возле ритуального костра, высокий огонь которого поедал звезды десятков полуголых крепких парней с ожерельями из драгоценных камней плясали военный танец.

Битва королей, Джордж Мартин: Высокий огонь над скалами поедал звезды. (переиспользовано в гио)

Битва королей, Джордж Мартин: Трое крепких парней плясали военный танец, перебрасываясь короткими топориками.

Могильный Алхимик: Айси напряглась: легкие горели от частого дыхания, разнося жар по всему телу, в животе пылал праведный гнев, будто она вдохнула искры, которые теперь занялись под кожей пожаром.

Проданная чернокнижнику, Юлия Риа: В груди горело, будто я вдохнула искры, что теперь занялись пожаром.

Могильный Алхимик: Воздух между ними уплотнился, и Айси кожей почувствовала расстояние, отделяющие их тела, в которых вскипала чернота.

Испытать силу демона, Таша Танари: Так они и стояли друг напротив друга, кожей ощущая крошечный промежуток разделяющего их расстояния. Воздух между ними уплотнился – удивительно, как искры до сих пор не посыпались.

Могильный Алхимик: Нейран требовательно поцеловал ее. Его шершавые пальцы поглаживали ее горло, чуть прихватывая, когда поцелуй становился более глубоким. А отпускал лишь для короткого вдоха, и тогда воздух казался раскаленным от их общего горячего дыхания.

<...>

Она никогда не чувствовала так тонко и ошеломительно. Сминая атласную ткань на его широких, окаменевших от напряжения плечах, Айси укусила его за губу, когда он снова ее поцеловал.

<...>

Ей захотелось уступить головокружительной страсти, рискнуть. И плевать, если этот шторм, утихнув, выбросит ее на острые скалы сожаления и отчаяния, будто жертву кораблекрушения.

В ней не было ни страха, ни робости, ни смущения — одно лишь желание, накрывающее, словно цунами.

Я — Стрела, Светлана Суббота: Меня прижимали к стене всем телом, припечатывая и поддерживая одновременно. Мужские шершавые пальцы поглаживали горло, чуть прихватывая, когда поцелуй становился более глубоким. На выдохе — отпускали, лишь на секунду, затем горячий язык снова скользил между зубов, возвращаясь с новой порцией воздуха, казавшейся раскаленной от нашего совместного вдоха.

Я раньше целовалась с мальчиками, но никогда не чувствовала происходящее настолько остро, ошеломляюще, почти болезненно. До сужившегося в точке касаний мира, беспомощного комканья ткани рубашки на широких, окаменевших от напряжения плечах, до единственных звуков, которые меня волновали — его хрипловатых вздохов.

Сердце океана, Нора Робертс: Ей казалось, она знала, чего ждать, а потому разразившаяся в ней буря ошеломила ее. Впервые в жизни ей захотелось уступить головокружительной страсти, рискнуть, и плевать, если, утихнув, эта буря оставит ее жалким обломком кораблекрушения.

Проданная чернокнижнику, Юлия Риа: Не было ни страха, ни робости, ни смущения — одно лишь накрывающее с головой желание.

Могильный Алхимик: Ее мысли разлетелись, как голуби, взволнованные приближением кота.

Квалификация-Ангел. Кровные Узы, Лисса Рин: мысли пронеслись, как взволнованные голуби по мостовой.

Могильный Алхимик: Ей показалось, что кости в ее теле обратились в кисель.

Отпрыск Макгиллахи, Брэдбери Рэй Дуглас: Женщина расслабилась, как будто кости ее вдруг обратились в кисель.

Могильный Алхимик: Фел даже открыл рот, но вовремя набрал в глотку воображаемой воды. Стиснул губы, скрипнул зубами и сердито мотнул головой, будто норовистый жеребец, собирающийся выдрать повод из крепкой руки всадника.

Страхи мудреца, Патрик Ротффус: Потом я заставил себя заткнуться, пока не наговорил еще чего-нибудь. Стиснул губы, скрипнул зубами и

сердито мотнул головой, будто норовистый жеребец, собирающийся выдрать повод из крепкой руки всадника.

Могильный Алхимик: И каждый вздох, приправленный страхом, нырял им под кожу, как мальчишка летом в холодное озеро – с разбегу, подняв столб ледяных брызг и обдав ими стоявших на берегу.

Проданная чернокнижнику, Юлия Риа: Давний страх, преследующий меня с детства, нырнул под кожу, как мальчишка в лесное озеро — с разбегу, без предупреждения. Плюхнулся, поднимая столп ледяных брызг, и засмеялся.

Могильный Алхимик: О рыбаках здесь напоминали местами истлевшие сети и практически полностью сгнившие древние лодки, выглядывавшие со дна.

Буря мечей, Джордж Мартин: О рыбаках напоминали только пустые изорванные сети, свисающие кое-где с прибрежных корней.

(переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик, Даяна Морган: Дворец венчал холм, точно корона – голову короля.

Последнее волшебство, Мэри Стюарт: могучие стены [крепости] из тесаного камня с бревенчатым навершием тянулись над самым обрывом, венчая холм, точно корона.

Могильный Алхимик: как с чугунно-черного неба зарядил кровавый дождь. <...> Дождь пронзал темный поток реки тысячами копий.

Буря мечей, Джордж Мартин: С чугунно-черного неба падал дождь, пронзая бурый с зеленью поток тысячами мечей.

Могильный Алхимик: Среди раскиданных камней, палой листвы, свежего снега и снесенных стен виднелись клочки тканей и обломки металла. Из-под завалов и из земли торчали белые кости и смотрели на спутников пустые глазницы черепов.

Буря мечей, Джордж Мартин: Среди раскиданных камней виднелись яркие клочки тканей и обломки металла. Из земли на Кейтилин взглянуло чье-то разлагающееся лицо, под которым уже сквозил череп.

(переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Старая кузня, высокое здание с горнами и длинными каменными желобами, в которых закаляли в воде мечи, теперь наполовину исчезла в беззубой пасти бездны.

Битва королей, Джордж Мартин: Оружейная примыкала к замковой кузнице — длинному высокому помещению с двадцатью горнами, встроенными в стену, и длинными каменными желобами с водой для закалки стали.

Могильный Алхимик: Фел повел факелом, и вокруг заплясали живые тени, подсказывающие каждым движением ему дорогу, которая вскоре вывела их по очередной лестнице наверх.

Буря мечей, Джордж Мартин: Игритт повела факелом, и вокруг нее заплясали тени.

Могильный Алхимик: Айси со стоном извернулась, скинула противницу, и они покатались по полу, лягаясь и колотя друг друга. Как только Айси почувствовала в ладонях у Анелии проявляющуюся магию, она выкрутила ей руки. <...>

Дернула на себя, подтащила к фонтану и воткнула ее в кровавую воду головой. Инспектор брыкалась, лупила ее по рукам, пыталась пнуть, брызги летели во все стороны, но Айси вдавливала ее вниз изо всех сил, уткнув колено в спину.

Буря Мечей, Джордж Мартин: Они стали кататься по дну, лягаясь и колотя друг друга, но в конце концов она одолела и уселась на него верхом. Он успел выхватить кинжал у нее из ножен, но она перехватила его запястье и так заломила ему руки назад, что ему показалось, будто она плечо ему вывернула. Другой рукой она накрыла его лицо и с головой окунула под воду.

— Сдавайся! — Она выдернула его на поверхность, и он плюнул водой ей в лицо. — Сдавайся! — Она снова сунула его голову под воду и снова выдернула назад. Джейме отчаянно дрыгал ногами. — Сдавайся, не то утоплю! (переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Айси рассмеялась, и от этого смеха у Нарины в жилах застыла кровь. Так смеются люди под пытками, когда страдания уже не выразить никакими воплями и криками.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Кеннит рассмеялся, и у Этты от этого смеха кровь в жилах застыла. Ибо так смеются люди под пыткой, когда меру страдания уже невозможно выразить никаким криком и стоном.

Могильный Алхимик: Гомон портовой жизни был слышен издалека. У берега друг к другу теснились амбары; каменные склады; деревянные покосившиеся гостиницы; дома купцов; воняющие алкоголем таверны; дома развлечений, обычно располагавшиеся на вторых этажах, которые нависали над улицами и грозились свалиться прямоком на головы слоняющихся людей. Здания отделяли обсаженные кустарниками широкие дороги, от которых разбегались кривые узкие улочки, где два человека едва могли разойтись.

Игра престолов, Джордж Мартин: Дворцы в рощах, амбары, кирпичные склады, бревенчатые гостиницы, дома купцов, таверны, кладбища, бордели — все друг на друге. Гомон рыбного рынка был слышен даже с моря. Здания разделяли широкие дороги, обсаженные деревьями, от них отделялись кривые улочки, а переулки были такими узкими, что два человека едва могли разойтись. (переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: отчего «гусиные лапки» у внешних уголков углубились и сделали ее похожей на треснувшую тыкву в праздник урожая.

Битва королей, Джордж Мартин: — А ты сидишь тут и скалишься, словно тыква в праздник урожая?

Могильный Алхимик: Облаченные в доспехи из синих китовых ракушек, они крепко сжимали в руках копьа с наконечниками из обломков оранжевых кораллов.

Танец с драконами, Джордж Мартин: он указал на ступени, где перед дверями храма застыл строй мужчин в богато украшенных доспехах и оранжевых плащах. Все они сжимали в руках копьа с наконечниками в форме языков пламени.

Могильный Алхимик: Ниже ее достоинства было отвечать рэву Раскару. Она сдерживалась столько лет не для того, чтобы потерять контроль сейчас. Она подождет. И, когда представится возможность, одним ударом сломает его хребет.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Ниже ее достоинства было отвечать всяким дворняжкам. Она подождет... И однажды одним ударом сломает его жалкий хребет.

Могильный Алхимик: Джоел еще острее почувствовал приближение беды, поперек горла застрял ком, а во рту появилась неприятная горечь – тянулась по языку и падала в глотку, как тающий вкус полыни.

Оно, Стивен Кинг: Во рту появился неприятный привкус. Тянулся по языку и уходил в горло, как вкус растаявшей таблетки аспирина.

Могильный Алхимик: Лунас опередил отца: отодвинулся на стуле так резко, что чуть не перевернулся вместе с ним, и стремительно подскочил к сестре.

Оно, Стивен Кинг: Эдди Каспбрэк издал сдавленный крик и так резко отодвинулся от стола, что едва не перевернулся вместе со стулом.(переиспользовано в гио)

Могильный Алхимик: Запомнила жаркий шепот во тьме и тяжесть его тела, тихое потрескивание соединяющейся черноты, мягкое касание песка и сводящий с ума, головокружительный стук их сердец, когда они в унисон утонули под одним небом.

Проданная чернокнижнику, Юлия Риа: помнила тяжесть мужского тела,горячее дыхание и сводящий с ума бешеный стук наших сердец.

Могильный Алхимик: – Взгляд Лунаса сделался жестким, точно кремнь, и острым, как битое стекло.

Имя ветра (перевод Анны Хромовой), Патрик Ротфусс: – Взгляд Квоута сделался жестким, как кремнь, и колючим, как битое стекло.

Могильный Алхимик: Веритациан, некогда величайшее измерение в мире, сердце и светоч магической цивилизации, вовсю гнил и был изъеден проклятием. <...> Молодые деревья были поломаны, выкорчеваны, обморожены и раздавлены. Повсюду, где земля подступала к прорывам, оставались громадные борозды, точно гигант прошелся плугом. И только редкие могучие кедры противостояли тяге и прочно держались корнями за неерскую твердь.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Джамелия, величайший в мире город, сердце и светоч цивилизации, вовсю гнила по краям.

Имя ветра (перевод Анны Хромовой), Патрик Ротфусс: Деревья были поломаны, выкорчеваны, обуглены и раздавлены. Повсюду были прорыты громадные борозды вывороченной земли и камня, словно некий гигантский пахарь сошел с ума со своим плугом.

Сага о живых кораблях, Робин Хобб: Там и сям возвышались могучие кедры, прочные корни надежно держали их даже в топких местах.

Могильный Алхимик: Лунас вскинул на Айси осуждающий взгляд, а его сжатые губы удерживали жуткое молчание.

Имя ветра (перевод Анны Хромовой), Патрик Ротфусс: Коут стоял спиной к комнате, тело его застыло и напряглось, стиснутые зубы удерживали жуткое молчание.

О плагиате (здесь и ниже особенно рекомендуем ознакомиться скептикам и недоумевающим)

С некоторых пор появилась возможность сравнивать одну книгу с другой автоматически. Алгоритм сравнивает каждое предложение с каждым предложением. Благодаря этому составители документа убедились, что даже самые штампованные совпадения – это не совпадения.

Например, было проведено сравнение “Обитатели Апельсинового Дерева” Саманты Шеннон с “Бурей мечей” Джорджа Мартина. Книги сравнивают в отзывах, они одного жанра – логично, что какие-то фразы были бы похожи? Ответ – нет. Не было найдено ни одного совпадения, даже притянутого за уши (“он сказал, она сказала” совпадениями не считались, но и таких было не много).

Также много внимания было уделено “Королеве лис”, ее сравнили с:

- Первыми тремя книгами ПЛиО
- Первыми тремя книгами Гарри Поттера
- Властелином колец

Все найденные совпадения можете посмотреть в документе. Опять же, если мы исходим из представления, что каждый автор таким грешит и такое может возникнуть случайно, то и в “Королеве лис” что-то нашлось бы? Конечно, учитывая репутацию автора, сложно утверждать, что “Королева лис” лишена цитат без указания авторства, возможно, что просто еще не нашли источники из которых шло заимствование, но мысль в другом:

Даже единичные совпадения не являются случайностью, ведь иначе, при сверке других книг, мы бы увидели гораздо больше результатов.

Еще немного добавим о предмете разговора: **“мозаичный/лоскутный плагиат”** – что это такое и с чем его едят?

Мозаичный плагиат в художественной литературе возникает, когда автор объединяет или “склеивает” вместе отрывки, предложения или фразы из разных источников без надлежащего указания авторства или цитирования.

По сути, он предполагает взятие фрагментов контента от разных авторов или текстов и вплетение их в свою собственную работу, создавая мозаику из заимствованного материала. Мозаичный плагиат может включать в себя что угодно: от предложений и абзацев до целых отрывков, взятых из других источников без разрешения или подтверждения.

Почему этот вид плагиата проблемен?

1. **Нарушение интеллектуальной собственности.** Плагиат предполагает использование чужих слов, идей или творческих работ без разрешения или надлежащего указания авторства. Это нарушает права интеллектуальной собственности оригинального создателя.
2. **Отсутствие креативности.** Плагиат в художественной литературе свидетельствует об отсутствии оригинальности и креативности. Это уменьшает способность автора создавать уникальный и творческий текст, придумывать метафоры.
3. **Этическое нарушение.** Плагиат противоречит этическим и моральным стандартам. Это нечестно и несправедливо по отношению к оригинальному автору, вложившему время и силы в свою работу.
4. **Юридические последствия.** В зависимости от степени и характера плагиата он может привести к юридическим последствиям, включая иски о нарушении авторских прав.

5. **Злонамеренность.** Этот вид плагиата имеет репутацию самого неприятного и подлого. Тогда как полное копирование чего-либо легко находится, мозаичный плагиат сложен в обнаружении, а также сложен в применении, поэтому обычно считается, что автор, уделивший такое количество времени компиляции и сокрытию плагиата, не мог не знать о последствиях и наказуемости своих действий.

Почему этот кейс важен

Составители документа считают, что данную ситуацию необходимо придать огласке, чтобы подобная нечестная и противозаконная практика не стала нормой. *Если сейчас общество коллективно решит, что заимствовать десятки (а то и сотни) фраз и предложений из чужих книг при написании своей – это допустимо, то это негативно скажется на всей литературной мысли в дальнейшем.*

Плагиат = воровство. Отношение к плагиату «может, так совпало», «я не знаю авторов, у которых взяли цитаты, поэтому ничего страшного», «плагиатор же старался, он все равно много усилий вложил в текст!» — это ровно такое же отношение, как и «а, вашу квартиру ограбили? Может, эти вещи всегда вора принадлежали, так совпало!», «вы мне никто, поэтому я куплю у воров ваши вещи, так дешевле же!», «воры же старались, аккуратно квартиру обносили, замки взламывать сложно, вон какие навыки!»